

smena

№ 09 сентябрь 2008

СМЕНА

№ 09 / сентябрь / 2008

Юрий Грымов:

«Нельзя всем нравиться»

Дауншифтинг:
за и против

Гоблин:
только адекватный
перевод

CERN:
к эксперименту
готовы

Subaru Impreza седан. Полный привод Вам к лицу.

ГОРЯЧАЯ ЛИНИЯ SUBARU: 8-495-788-0404

Комфортный седан с отточенной управляемостью легендарного полного привода (Symmetrical AWD), мощным горизонтально-оппозитным двигателем с низким центром тяжести. Сочетание отменной

динамики, реальной безопасности и настоящего удовольствия за рулем! Теперь дороги в Вашей власти. **Новая Subaru Impreza седан. Полный привод Вам к лицу.**

IMPREZA

Think. Feel. Drive.*

SUBARU

Официальные дилеры Subaru в России и Беларуси

МОСКВА, Subaru Центр Автозаводская, ул. Автозаводская, 23, (495) 258-9999; Subaru Центр Башиловская, ул. Башиловская, 2, (495) 258-5-444; Subaru Центр Крылатское, ул. Осенняя, 17, (495) 258-8-999; САНКТ-ПЕТЕРБУРГ, Subaru Центр Лахта, ул. Савушкина, 119, к.4 (812) 9999-555; Subaru Центр Охта, пр-т Маршала Блюхера, 52а, (812) 9999-555; Subaru Центр Пулковое, Пулковское шоссе, 27а, (812) 9999-555; ВОЛОГДА, Subaru Центр Вологда, Окружное шоссе, 8А, (8172) 51-51-51; ЕКАТЕРИНБУРГ, Subaru Центр Екатеринбург Юг, ул. Московская, 214А, (343) 346-46-46; КРАСНОДАР, Subaru Центр Краснодар, ул. Новокузнецкая, 34/1, (861) 255-88-55; КРАСНОЯРСК, Subaru Центр Красноярск, ул. П. Железняк, 17/30, (3912) 99-22-99; НИЖНИЙ НОВГОРОД, Subaru Центр Нижний Новгород, ул. Куйбышева, 32, (831) 220-08-30; ОМСК, Subaru Центр Омск, ул. Суворова, 89, (3812) 51-20-10; ПЕРМЬ, Subaru Центр Пермь, шоссе Космонавтов, 31б, (3422) 38-55-22; САМАРА, Subaru Центр Самара, ул. Революционная, 70Д, (846) 26-999-46; СУРГУТ, Subaru Центр Сургут, ул. Профсоюзная, 60, (3462) 510-000; ТЮМЕНЬ, Subaru Центр Тюмень, 320 км трассы Екатеринбург – Тюмень, (3452) 221-500; САНКТ-ПЕТЕРБУРГ, Лаура-Кулчино, ул. Софийская, 6, (812) 333-333-6; ВОЛГОГРАД, Евразия, шоссе Авиаторов, 14,

(8442) 911-444; ВОРОНЕЖ, Мерлин+, наб. Авиастроителей, 14, (4732) 20-70-20; ЕКАТЕРИНБУРГ, Никко Моторс, ул. Щорса, 7, (343) 214-90-14; ИРКУТСК, Территория А, ул. Байкальская, 259-6, (3952) 255-820; ИЖЕВСК, Формула, ул. Удмуртская, 206, (3412) 68-33-33, 68-44-44; КАЗАНЬ, Триал-Авто+, Дорожный пер., 3, (843) 296-21-96; ЛИПЕЦК, Сатурн-Л, ул. Неделина, 2в, (4742) 22-77-60; МАГНИТОГОРСК, Токио Моторс, пр. Карла Маркса, 208, (3519) 40-15-15; НОВОСИБИРСК, Воронцов Моторс, ул. Большевикская, 255, к.1, (383) 21-33-555; ОРЕНБУРГ, Авиавто, ул. Монтажных, 3А, (3532) 550-777; ПЯТИГОРСК, Статус Авто Северный Кавказ, Черкесское шоссе, 33, (8793) 31-90-00; РОСТОВ-НА-ДОНУ, М-Сервис, ул. Вавилова, 63, (863) 255-85-00; САРАТОВ, Автоцентр ВОСТОК, ул. Большая Садовая, 153/163, (8452) 45-27-27; СТАВРОПОЛЬ, Статус Авто, ул. Бруснева, 5, (8652) 38-08-88; ТОЛЬЯТТИ, Арена-Авто, ул. Воскресенская, 26, (8482) 750-000; УФА, Автотехсервис, ул. Малая Силикатная, 28/1, (347) 279-88-12; ЧЕЛЯБИНСК, Авто-М, ул. Механическая, 1, (351) 236-0576; МИНСК (Беларусь), Ланкор, ул. Брилевская, 25, 10 375 (17) 222-5450.

Реклама товар сертифицирован

* Мыслить. Чувствовать. Управлять.

Хэтфилд лежал у меня на кровати в спальне. Казалось, он спит, но уже с порога я понял, что евангелист не дышит. Я сбросил покрывало — одеяло покраснело от крови. К лацкану редингота была приколота почтовая квитанция. Я снял ее и увидел пулевую рану. На квитанции печатными буквами был написан мой адрес: «МИСТЕРУ ДЖЕРРИ СПЕНСУ, «БЭКИНГЕМ АПАРТМЕНТС», ДОСТАВКА ОПЛАЧЕНА»

Детектив

>> 80 Р.Л. Goldman
«Убийство судьи
Робинсона»
1—3 главы

Кольцо всезнания

>> 5 Большой
адронный
коллайдер:
взгляд изнутри

Старая Прага

>> 56 Фотопутешествие
по городу

Обреченные на пробки

>> 32 Почему Москва
стоит

Василий Верещагин

>> 50 «Апофеоз войны»
История шедевра

С. Моэм

>> 62 «Любовь и рус-
ская литература»
Первая публикация
на русском языке

НАУКА

- >> 12 Молекулярная кухня
Не верь глазам, верь языку
- >> 14 Грант в поиске...
Ведущий дизайнер Nokia о...

ОБЩЕСТВО

- >> 24 Иллюзия свободы
Дауншифтинг:
как наслаждаться
жизнью

ТЕХНОЛОГИИ

- >> 27 На что похожа
китайская
клавиатура?
- >> 28 «Самопальщики»
и чоппербилдеры

КУЛЬТУРА

- >> 40 Автор, пиши еще!
Особенности книжного бума
- >> 43 Культформат
Почему не издают рассказы?

ЛИТЕРАТУРА

- >> 68 В. Жаботинский
Рассказ «Белка»
- >> 73 С. Бестужева-Лада
«Высокоумная»

АЛЕКСАНДРА
ЗАХАРОВА

>> 44 «Я не работаю
в театре, я в нем
живу»

АЛЬБЕРТ ПОПКОВ

>> 20 «Одноклассни-
ки» интересны
80% пользовате-
лей Рунета»

ГОБЛИН

>> 36 «Я не призываю
материться.
Я — за права
авторов»

СМЕНА Издаётся с января 1924 года
№ 09 (1727) сентябрь 2008

Главный редактор
Михаил Кизилов
Заместитель главного редактора
Надежда Панченко
Редактор отдела
Тамара Чичина,
Светлана Подорванова
Корректор
Марина Силакова
Дизайн-макет
Алексей Шелепов,
Алексей Жуков

Использованы фотографии
ИТАР-ТАСС, i-stok.ru

ООО «Издательский дом
журнала «Смена»

Генеральный директор
Джемир Дегтяренко
Издательский директор
Дмитрий Мережко

Директор по рекламе
Елена Готман
e-mail: e.gotman@smena-online.ru
тел. (499) 257-31-37
Менеджер по рекламе
Кристина Бурякова

Директор по распространению
Ольга Рулева
e-mail: sales@smena-online.ru
тел. (499) 257-31-37

Редакция: 127994, Москва, ГСП-4,
ул. Правды, 24, стр. 4
www.smena-online.ru
e-mail: journal@smena-online.ru
тел. (495) 612-15-07, факс (499) 257-13-78

Печать: ООО «ИД «Медиа-Пресса»
127137, Москва, ул. Правды, 24
Тираж — 55000 экз. Зак. № 81835

Учредитель — ООО «Издательский
дом журнала «Смена»

Журнал зарегистрирован в Комитете
Российской Федерации
по печати (Reg. № 014832)

Подписные индексы:
каталог «Роспечать» 70820
каталог «Объединенный» 88998
каталог «Почта России» 99406

Подписка в интернете:
www.mega-press.ru

© ООО «Издательский дом
журнала «Смена»

ParaType

Дизайн обложки
Алексей Шелепов
Идея, фото
Евгений Коньков,
PR-студия «Прана»

ЧИТАТЕЛЮ

Будет или нет «Большой Взрыв» в миниатюре?
Появятся ли маленькая «черная дыра», или несколько, на границе
Франции и Швейцарии?
Наступят ли на горло научному любопытству правительства
европейских государств?

Ответов на эти вопросы осталось ждать совсем недолго. Тысячи
ученых из десятков стран практически готовы к грандиозному
проекту — запуску БАКа (Большой адронный коллайдер).

Один из его участников — Юрий Маравин, который в свободное
время любит смотреть анимационные фильмы Хаяо Миядзаки, ходит
по горам с палаткой, играет на гитаре и поет песни, что называется,
«прямо из трубы» рассказывает о сути величайшего эксперимента.
Эксперимента, промежуточные результаты которого уже работают:
придуман более эффективный способ лечения рака, внедрена всем
известная система передачи информации, а в стадии разработки —
гораздо более совершенная, нежели нынешний интернет. . .

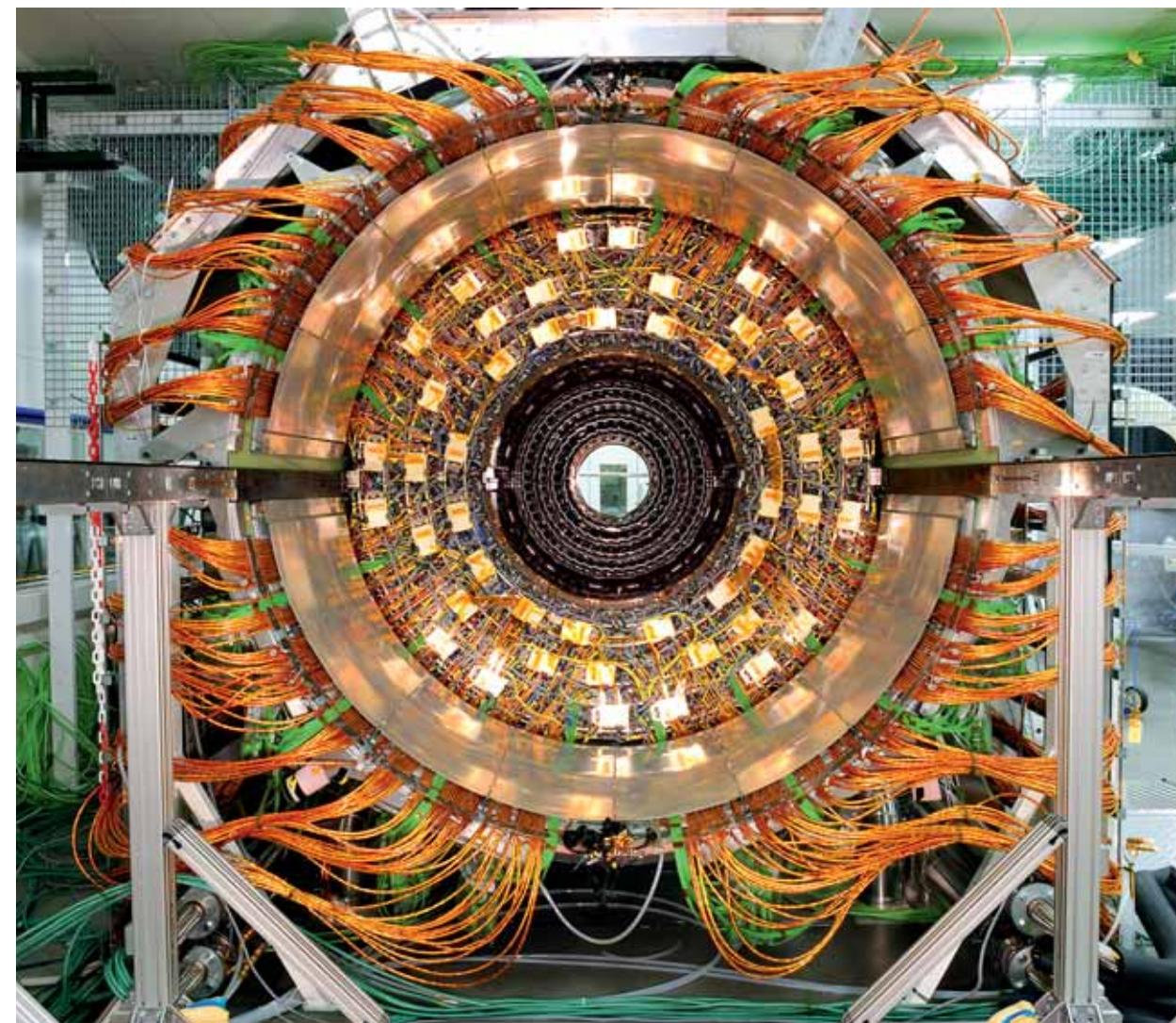
А еще мы предлагаем прикоснуться к тайнам российской истории
и загадкам великих шедевров, почувствовать тонкий юмор Сомерсета
Моэма и понять, в чем «фишка» Гоблина, попробовать кухню
будущего — это когда вам подают борщ на плоской тарелке в виде
трех субстанций: шарик-пюре, кашка и комок пены. . .

Правда, при этом невольно возникает вопрос: а может, и правы
фантасты, предсказывающие образ человека далекого будущего:
трехпалое существо с мелким тельцем и огромной головой?

Михаил Кизилов

Большой адронный коллайдер: взгляд изнутри

КОЛЬЦО ВСЕЗНАНИЯ

Выпив с утра кофе (много кофе!), закусив круассанами и йогуртом, он приступает к работе. Российский ученый Юрий Маравин, сотрудник швейцарского CERN*, и еще несколько тысяч его коллег из 38 стран пытаются понять, многомерно ли пространство, существует ли бозон Хиггса и из чего на самом деле состоит темная материя. Сделать выводы ученые намереваются, повторив Большой Взрыв в миниатюре.

текст
Надежда
Панченко

фото Maximilien Brice,
Claudia Marcelloni,
Roy Langstaff с CERN
при посредничестве
Юрия Маравина

От вопроса «каково это вообще — быть Богом и создавать новую Вселенную» Юрий Маравин отмахивается: «Это неверная формулировка. Мы просто реконструируем условия, близкие к Большому Взрыву — хочется понять, что представляют собой основные кирпичики мира, и в какие взаимодействия они вступают».

Юрий не видит в своей работе ничего удивительного и уникального. И, действительно, подумаешь: выяснять, куда подевалось все антивещество, или раскрыть сущность темной материи, из которой на 23% состоит Вселенная.

В общем, работа — не сложнее любой другой. Главное — пошаговая стратегия достижения результата: задача поставлена, решена, пора приниматься за новую.

* CERN* — Европейская организация по ядерным исследованиям.

CERN запускает коллайдер, чтобы найти экспериментальное доказательство дополнений к Стандартной модели или теории частиц и их взаимодействия.

Согласно ей, все вещество состоит из двух типов элементарных частиц — кварков и лептонов. Они взаимодействуют между собой посредством других частиц, бозонов. Сочетания же кварков рождают в ядрах протоны и нейтроны. Они, в свою очередь, держатся вместе посредством ядерного взаимодействия, которое передается бозонами под названием глюон (от англ. — клей).

Концепция разворачивается далее, устройство Вселенной в ней описывается логично и обоснованно. За последние 30 лет положения Стандартной модели выдержали тщательные проверки во многих экспериментах. Но, несмотря на это, она не дает ответов на многие фундаментальные вопросы.

Почему частицы обретают массу? Правы ли теоретики, которые рассказывают, что в мире больше четырех известных нам измерений?

Чтобы ответить на эти вопросы, ученые ставят эксперимент с помощью LHC, или БАК (Большой адронный коллайдер). Работы над созданием этого суперускорителя частиц ведутся с начала 90-х годов: на глубине от 30 до 70 метров под землей заложили кольцо сверхпроводящих магнитов. Его протяженность — 27 км., а «местожительство» — граница Швейцарии и Франции.

«Шайтан-бублик», как окрестили БАК в прессе, полностью заработает в октябре этого года. Внутри него ученые собираются разогнать два пучка протонов (с помощью электромагнитных волн). Заряженные частицы будут двигаться по замкнутой орбите, словно серферы по волнам океана, и с каждым оборотом

Вид на CERN со спутника. Три кольца указывают расположение синхротронов и Большого коллайдера

набирать скорость. Энергии, выделяемой пучком протонов, хватит, чтобы расплавить 20 тонн золота.

Планируется, что в ходе эксперимента пучки частиц будут сталкиваться каждые 25 наносекунд, т.е. с частотой 40 мегагерц. Сталкиваясь, составные части протонов (кварки и глюоны), будут взаимодействовать друг с другом. Это сформирует состояние, подобное Вселенной через 10—12 секунд после Большого Взрыва.

Фиксировать и анализировать происходящее во время эксперимента ученые намерены с помощью четырех больших детекторов. Особое внимание — поиску частицы, которая носит имя «бозон Хиггса».

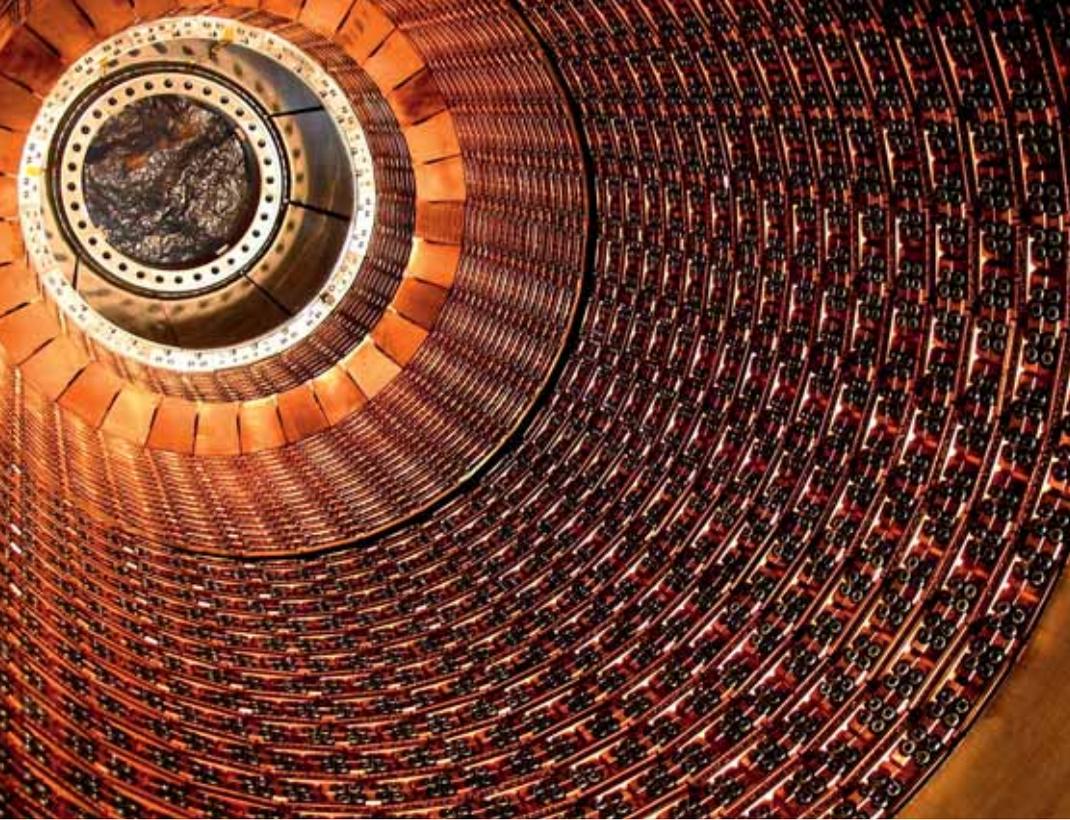
Так называемый Глобус Инноваций — символ CERN

Стандартная модель утверждает, что существует всего два типа «кирпичиков» материи: кварки и лептоны. Видов взаимодействия три: сильное (которое держит кварки в протоне и нейтроне), электрослабое (то, что позволяет вам сидеть в кресле и не проваливаться сквозь него, или позволяет распасться нестабильным ядрам в ядерном реакторе) и гравитационное.

Частицы «чувствуют» друг друга посредством бозонов — так называют «переносчиков» взаимодействия. Электрослабое взаимодействие переносится W, Z-бозонами и фотоном. Фотон — безмассовый, а W и Z-бозоны — очень тяжелые.

Почему частицы, которые, по сути, выполняют одну и ту же функцию, так

На планете, помимо БАК, десятки (!) подобных установок. Почему же именно вокруг работы этого коллайдера возникло столько шума?

«Принципиальное отличие БАК от его предшественника в Фермилабе заключается в объеме энергий. В Большом коллайдере они будут мощнее в 7 раз, — объясняет Юрий Маравин. — Использование во время эксперимента более высоких энергий, в свою очередь, позволят нам ответить на ряд очень интересных вопросов. Например: отчего частицы имеют массу? Или, а правда ли, что мы живем в многомерном пространстве, но ощущаем только четыре?»

Тесты на некоторых участках кольца провели еще в августе. Но июльская дата запуска, широко анонсируемая в СМИ, сдвинулась на осень: между многочисленными группами, которые работают над установкой детекторов и обслуживают сам ускоритель, требуется отменная координация.

Только на том детекторе, где работает Юрий Маравин (CMS, Compact Magnetic Solenoid), трудятся больше 2000 его коллег из 38 стран. А всего детекторов тут четыре, плюс сам БАК — под десять тысяч человек наберется. Правда, многие из этих сотрудников не работают напрямую в CERN, а принимают участие в проекте, не выходя из своих кабинетов.

«Я думаю, что по сложности это напоминает сенсацию прошлого века — отправку человека на Луну, — резюмирует Юрий Маравин. — С единственной разницей: теперь весь мир работает над этим проектом вместе, и Россия вносит в проведение эксперимента один из самых значительных вкладов.

Чтобы создать одну из частей CMS, потребовалось изрядное количество бронзы. Она была выплавлена из снарядных гильз. Мне кажется, это очень символично».

Сейчас обсуждается проект постройки к 2020 г. ILS (International Linear Collider) для продолжения изысканий. Исследо-

отличаются по массе? Теория, которую придумал Петер Хиггс, объясняет это так: бозон, названный в честь Хиггса, создает поле, которое пронизывает пространство. Частицы взаимодействуют с ним и вязнут, т.е. приобретают инерцию.

«К сожалению, пока это только теория, и мы не знаем, каков настоящий механизм приобретения масс, — признается Юрий Маравин. — Когда-то считалось, что электрослабое взаимодействие бывает трех видов: электрическим, магнитным и слабым. Специальная теория относительности показала, что электрическое и магнитное взаимодействие — это две стороны одного электромагнитного. Позднее мы узнали, что электромагнитное и слабое взаимодействие (ответственное за слабый распад ядер) — одно и то же.

Сейчас мы думаем, что при очень больших энергиях все взаимодействия (электрослабое, сильное и гравитационное) объединятся в одно. В теории это еще не описано. Если в результате осеннего эксперимента мы узнаем, как частицы приобретают массу, это может нам дать путь к теории общего объединения».

Часть ученых и представителей общественности обвиняют CERN в подготовке Апокалипсиса. Якобы, в ходе проведения опытов могут образоваться черные дыры и капли антиматерии, представляющие угрозу для существования и Земли, и Вселенной. Маравин называет таких ученых «домашними дилетантами». «Такие предположения выдвигают только люди, не

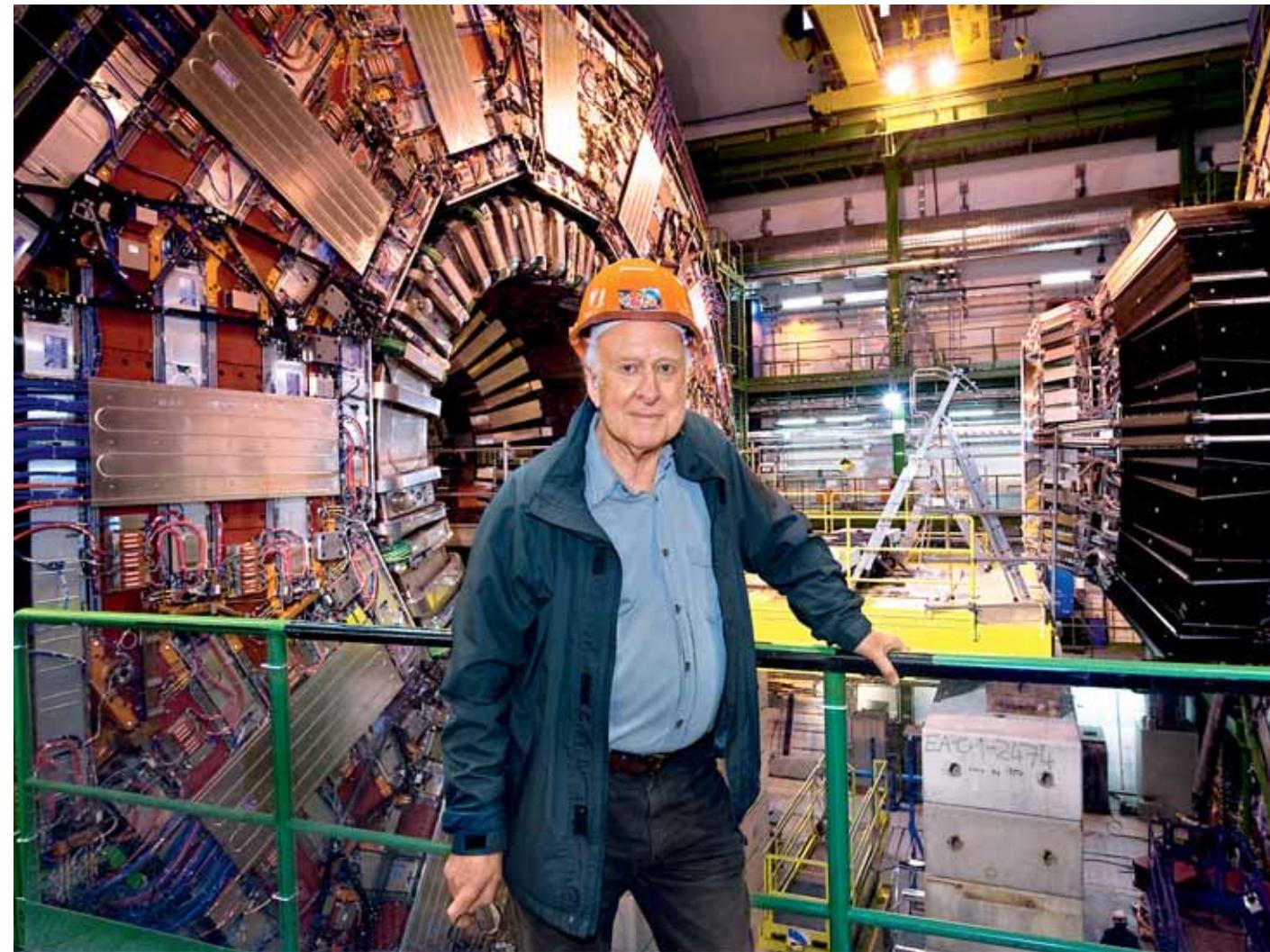
имеющие специального образования; те, кто физикой профессионально не занимается. Ведь при наших экспериментах антиматерия создается постоянно, — объясняет Юрий. — Знаете, несколько лет назад в CERN создали даже анти-водород. Последние десять лет мы используем ядра анти-водорода (анти-протоны) для соударения с протонами на экспериментальной площадке в Фермилабе (недалеко от Чикаго, США). Но концентрация антивещества ничтожна, и никакой опасности для окружающего мира не представляет.

Высокоэнергичные космические лучи тоже создают антиматерию в атмосфере, и что? Ничего, живем. Теоретически, конечно, при высокоэнергичных соударениях частиц могут возникнуть маленькие, нестабильные черные дыры. Но, для того, чтобы это произошло, БАК попросту не имеет достаточно энергии.

Впрочем, несколько выдающихся теоретиков допускают возможность создания маленьких черных дыр при осеннем эксперименте. Но, во-первых, это пока только предположения, которые ничем не подтверждены. Во-вторых, вышеупомянутые маленькие черные дыры принципиально отличаются от тех, общеизвестных черных дыр, которые представляют собой остатки тяжелых звезд. «Наши» маленькие черные дыры практически мгновенно распадаются на другие частицы, в то время, как стабильные черные дыры имеют огромную массу, и поэтому... стабильны».

Петер Хиггс надеется, что эксперимент позволит подтвердить его теорию

Процесс установки ATLAS, второго знаменитого детектора LHC

Кто такой Юрий Маравин

В 1992 г. с золотой медалью окончил физико-математическую школу № 6 в Евпатории. Без экзаменов, как победитель Олимпиады, поступил в МФТИ на факультет общей и прикладной физики. Окончил аспирантуру Southern Methodist University, отделение физики. В 2002 г. получил Ph.D. и был принят на работу в Fermi National Accelerator Center, Batavia, IL. С 2005 г. — профессор в Kansas State University. Свободное от работы время посвящает бегу, йоге, игре на гитаре, походам в горы. Любит аниме, особенно работы Миядзаки.

вания физиков обходятся слишком дорого (на БАК потребовалось 6,3 млрд. евро), поэтому судьба следующего эксперимента пока неясна.

С другой стороны, опыт никогда не бывает бесполезным. Особенно при таких масштабах. Мало кто помнит, но возня физиков, желающих повторить Создателя, уже существенно ускорила прогресс: попытка оптимизировать процесс сотрудничества с другими учеными, в 1989 г. работник CERN Тим Бернерс-Ли придумал протокол HTTP и заложил основу World Wide Web.

После экспериментов с протонными пучками в Фермилабе открыли новый метод лечения рака. Неоперабельные злокачественные ткани предложили облучать не электронами, которые сложно точно сфокусировать, а протонами, где достигается замечательная фокусировка. Теперь вмешательство не задевает здоровые ткани.

Сейчас для обработки данных, которые поступают с БАК, используется GRID. Это компьютерная сеть, которая связывает ученых всего мира, и позволяет им обмениваться за год петабайтами информации. Возможно, GRID, как ранее HTTP, в дальнейшем будет использоваться для обработки данных в сферах биологии, медицины и других.

Транспортировка магнита, части детектора ATLAS

«К 2020 году многие методы исследования и приборы явно станут более эффективными и дешевыми. Это позволит нам проводить более точные эксперименты, раскрывая новые тайны мироздания», — говорит он. ☑

Проверка размещения магнитов в туннеле БАК. Их точное положение крайне важно для управления лучом

Физик Николас Курти любил готовить дома. А на работе создавал атомную бомбу и исследовал эффекты сверхнизких температур. Разделяя нечто на атомы и проводя всевозможные эксперименты, он порой забывал, что перед ним: радиоактивный уран или же горстка риса. Однажды Курти охладил кусок теста до минус двухсот по Цельсию — и придумал десерт Frozen Florida (горячая сладкая масса внутри, мороженое сверху). Блюдо стало бомбой в мире кулинарии. Так родилась молекулярная кухня

текст
Кира
Молотова

Не верь глазам своим, верь языку

Вначале было яйцо

Выступая с докладом «Физик на кухне» на собрании королевского общества в Лондоне в конце 70-х, Николас Курти сказал фразу, которую позже процитировало множество изданий: «Я считаю прискорбным тот факт, что человеческая цивилизация, стремясь измерить температуру в атмосфере Венеры, до сих пор не в курсе, что происходит в недрах суфле, лежащего на тарелке». Так Курти и его последователи увлеклись изучением «недр суфле». На подробные изыскания ушло около 20 лет. В основе молекулярной кулинарии лежит «эффект яйца»: варишь три минуты, получаешь жидкий желток, пять минут — твердый. Влияние температур (в основном низких) и дополнительных веществ на физические и химические свойства продуктов и стало предметом любопытства молекулярных кулинаров. Сам термин «молекулярная кулинария» появился в 1988 году. Но только с конца 90-х такая пища стала доступна любому и каждому. Во многом это произошло благодаря последователям Курти, практикам, которые

открыли рестораны в Европе: Феррану Адриа (ресторан Ell Bulli, Испания), Хестону Блюменталю («Жирная Утка», Англия) и Пьеру Гарнеру (одноименный французский ресторан).

Ядерная бомба в тарелке

Николас Курти вошел в историю мировой науки как один из известнейших физиков-экспериментаторов. Он начал свое обучение на родине, в Венгрии, продолжил в Сорбоннском университете и Берлинской академии наук, а позже вынужден был бежать от преследований Гитлера в Оксфордский университет. Где, кстати, вместе с Францем Саймоном работал над созданием атомной бомбы. Вместе с неугомонным венгром исследованиями химических и физических процессов в «хлебе насущном» занимался (и занимается до сих пор) французский химик Эрве Тис. Получив образование физика-химика, Тис сосредоточил свое внимание исключительно на еде. После смерти Курти в 1998 году Тис взял на себя роль идейного вдохновителя и, одновременно, пиар-менеджера молекулярной

гастрономии. Являясь действующим членом Французской академии наук, он создал при ней департамент Food Science and Culture и ежемесячно добавляет по одному рецепту на сайт своего соотечественника, молекулярного кулинара Пьера Ганьера (www.pierre-gagnaire.com).

Добавим азота пожиге

Молекулярная кулинария изучает физические и химические процессы, которые происходят с продуктами во время приготовления. Большинство яств производится при максимально низких (до —240° С) температурах. Чай превращается в твердую субстанцию, мясо — в жидкую, морковь приобретает ядовито-зеленый цвет, а ягода, похожая на клубнику, получает вкус лосося. Для это применяется жидкий азот, инертные газы, вакуум, высокие и низкие температуры, а также различные химические реакции (эмульгирование, диффузия, дистилляция и так далее). На столе молекулярного шеф-повара вы не найдете обычного разделочного ножа. Только лазерный, который измельчает продукты буквально до элементарных частиц. Вместо пышущей жаром плиты вас встретит агрегат, напоминающий холодильник (вакуумная печь). Еще один «кухонный комбайн» — центрифуга. Технология молекулярной кулинарии, как и рецептура атомной бомбы — знания для избранных, шеф-повара

Николас Курти:

«Я считаю прискорбным тот факт, что человеческая цивилизация, стремясь измерить температуру в атмосфере Венеры, до сих пор не в курсе, что происходит в недрах суфле, лежащего на тарелке»

предпочитают не выдавать свои секреты. Но некоторыми готовы поделиться. Как получить из петрушки пенный соус, спросите вы? На раз-два-три, ответят молекулярные кулинары. Сначала листья петрушки помещаются в специальный холодильник и замораживаются до —40° С. Затем лазерный нож измельчает их в порошок. А уже потом в получившуюся массу заливается инертный газ, который и придает ей нужную консистенцию. На заморозке, измельчении до молекул и добавлении инертных газов основано множество молекулярных блюд. Именно поэтому самая распространенная их форма — пенный шар или кашлица.

Представление начинается

В «царстве молекул» не подают по одному блюду, только в определенном количестве (обычно 13) и строго разработанной последовательности. У каждого столика стоит официант, который подсказывает, как есть то или иное кушанье и периодически при помощи специального шприца или пульверизатора наполняет воздух ароматами лесного костра, морской пены и прочими запахами, соответствующими концепции поданных блюд. Вот как подаются «Звуки моря» в ресторане «Жирная утка». Сначала официант торжественно подносит к столу две морские раковины, из которых достает наушники и предлагает гостям надеть их. Под звуки волн, крики чаек и шуршание гальки сидящие за столиком получают по стеклянному ящичку с двойным дном, наполненным песком. Лежащий сверху — съедобная имитация, снизу — настоящий. На поверхности — сашими из устриц, покрытое чем-то, напоминающем на вид морскую пену. Море снаружи, море внутри, море повсюду, — ты слышишь его, дышишь им, и одновременно пробуешь его на вкус.

Съедим по чашечке чая?

Самое главное для начинающего любителя молекулярных блюд — удивляясь их необычному виду, не впадать в панику. Если вы заказали, к примеру, борщ, будьте уверены, вы его получите. Но только он будет подан на плоской тарелке в виде трех субстанций: шарик-пюре, кашлица и комок пены. Наберите полную ложку всего по чуть-чуть и, закрыв глаза, отправляйте в рот — вкус бабушкиного борща с чесноком вам обеспечен. «Не верь глазам своим, верь языку», вот основное правило для гостей молекулярных ресторанов. Холодец в виде макарон, желеобразный бифштекс карамельного цвета, зеленый чай консистенции мороженого. Средний чек в подобном заведении от 6 тыс. руб. на человека.

Кулинарная физика по-русски

В России молекулярную кухню развивает Анатолий Комм — первый российский ресторатор и шеф-повар, упомянутый Michelin. В группу его ресторанов входят жевневский ресторан «Грин», «Харчевни Комм. А.» в подмосковной Жуковке, несколько заведений в самой Москве. «Анатолий Комм» и «Купол» включают в свое меню легчайшие пенные соусы, фуа гра в соусе из сморчков и порто и прочие изыски молекулярной кухни. ☞

Из пробирки в тарелку

Mango and Douglas Fir Puree

Манго и пюре из «сосны Дугласа» (мы, как и вы, не знаем, что здесь когда-то было сосной!) под баварским кремом из личи (плоды тропического растения из семейства мыльных деревьев).

Salmon Poached with Licquorice

Семга, приготовленная с лакрицей, спаржей и розовым грейпфрутом. Дополнительно: тосканское оливковое масло, кориандр и ванильный майонез.

Sea Cucumber with Roes

Голотурия («морская кубышка»), начиненная икрой. Подается с водорослями Ulva lactuca и Salicornia.

Грант в поиске...

Джинсы смотрятся на Сайласе органичнее, чем костюм. Он увлеченно рассказывает о том, как сломал пару костей, катаясь на скейтборде. О чем мечтает человек, разработавший дизайн хитовых моделей телефонов Sirgocco и Prism? Жить на ферме, держать двух больших собак и ездить по окрестным полям на Landrover. До того, как попасть в лондонский офис Nokia, потомственный дизайнер Сайлас Грант жил в Австралии. В 80-е его отец создавал коллекции одежды в стиле «панк». Сам Сайлас до телефонов разрабатывал аксессуары для коллекций Buddhist Punk и Ksubi — эту одежду он до сих пор считает «своей»

— О чем я больше думаю в процессе — об art`e или о коммерческой составляющей? Хм... Я горжусь каждым телефоном, над которым работал, и мне нравится весь процесс — от идеи до итога. Но все же это массовый продукт, продукт на продажу. Я делаю дизайн не для себя, а для вас.

Почему от одежды — к телефонам? Грант считает, что удобные и красивые элементы одного предмета могут переключаться в другой: вот здесь есть сходство с солнечными очками — рамочка, блестящая поверхность; а тут что-то взято от часов

— Главный источник вдохновения для нас — люди. Всегда, — объясняет Сайлас. — Мы внимательно изучаем их вкусы и привычки. Я много наблюдал и за лондонцами, и за людьми в других странах. И увидел, что им не хватает чего-то нового, более яркого, соответствующего их динамичному стилю жизни.

Что станет следующим объектом работы дизайнера, он пока не знает. Зато приоткрывает маленький корпоративный секрет: у Nokia в этом году все же появится телефон

с сенсорным экраном на базе Symbian OS. Он считает, что время запуска в серию концептуальных разработок еще не пришло.

Телефоны, сворачивающиеся в трубочку, полностью прозрачные телефоны — все это выпускать можно, но пока слишком дорого. Дизайнер объясняет, что это и есть самое сложное в создании телефонов — иметь замечательную, великолепную дизайнерскую идею и вынужденно идти на компромиссы при ее воплощении. «Но, работая в огромной корпорации, надо понимать, что здесь — не до «чистого искусства», компромиссы необходимы», — резюмирует он.

— Лучшая одежда для вас — это...
— Comme des Garçons.

— Ваш личный телефон...
— Nokia 8800 Arte.

— Можете описать стиль Nokia тремя словами?
— Very human technology. ☑

текст
и фото
Тимур
Аникин

Кирилл Подоляк
dvd-бульвар

**«Беспокойная Анна»
(Caotica Ana)**
Испания, драма, 118 мин.
Режиссер Х. Медем, в ролях: М. Вельес, Ш. Рэмплинг, Б. Ребольедо, А. Ньюман, 2007 (2008 в РФ)

Мастер психологической драмы после семилетнего молчания решил заставить зрителей задуматься о противостоянии матриархата и патриархата. Сюжет повествует о молодой девушке, ведшей беззаботную жизнь с отцом на Ибице. Несмотря на цивилизацию, им хорошо жилось в пещере. Неожиданно молодое дарование замечает богатая француженка, уверенная в способностях девушки пойти далеко в творчестве, и устраивает ее в частный колледж в Мадриде. Сюжет имеет параллель с личной жизнью режиссера, ибо картина посвящена его покойной сестре, умершей в 22 года, незадолго до своей художественной выставки. Эмоционально насыщенная картина, новаторский взгляд на мир, оригинальный сюжет. Приверженцы серьезного кино оценят по достоинству.

**«Мумия: Гробница Императора Драконов»
(The Mummy: Tomb of the Dragon Emperor)**
Германия, приключения, 114 мин. Режиссер Р. Коэн, в ролях: Б. Фрейзер, Д. Ли и др.

Китай с его легендами и историей входит в моду у современного кинематографа. «Запретное царство», немного спустя — «Китайская мумия», которая совсем не тянет на безделушку, ибо создавалась силами американцев, немцев и канадцев. Это уже третий фильм из серии про мумию, выход которого обязан огромной популярности предыдущих релизов. Что делать, зритель любит приключения с ожившими древними персонажами и стабильно обеспечивает создателям хорошие кассовые сборы. Плюс ко всему картина выходит на фоне отгремевшего четвертого «Индианы Джонса». Сюжет «Китайской мумии» закручивается с момента, как знакомый зрителю искатель проблем на свое мягкое место случайно возвращает из вечного забвения жестокого императора-дракона с его огромной армией терракотовых воинов...

**«На краю рая»
(Auf Der Anderen Seite)**
Германия-Турция, драма, 122 мин. Режиссер Ф. Акин, в ролях: Н. Ешилчай, Б. Даврак, П. Циолковская, Н. Кёсе, 2007 (2008 в РФ)

Нет границ, национальностей, необоснованных страхов — одна из основных мыслей. Награда на Каннском фестивале «за лучший сценарий» говорит о многом. Многогранность фильма не позволяет выделить конкретную историю, ибо все смотрится единым целым. Перед зрителем проносится трогательная череда хитросплетений, совпадений и неожиданностей. Сюжет закручивается с турка-пенсионера, живущего много лет в Германии. Во избежание одиночества, он нанимает проститутку в качестве спутницы. Приревновав к сыну, убивает свою «пассию». Выясняется, что у нее в Турции живет дочь, на поиски которой и отправляется главный герой с целью выплатить компенсацию за мать... Зрителя ждут скитания, переживания, внезапные повороты судьбы, любовь. Убедительно, живо, непредсказуемо, актуально.

**«ВАЛЛ•И»
(WALL•E)**
США, фантастика, 97 мин.
Режиссер Э. Стэнтон, в ролях: Б. Бертт, Э. Найт, Д. Гарлин, Ф. Уиллард, С. Уивер, 2008

До премьеры возникало ощущение, будто зрителям хотя бы подать очередной веселый мультфильм, созданный в противовес или продолжение легендарному фильму «Короткое замыкание». Но диснеевская студия Pixar не так проста, как может показаться, ибо глубокий смысл и дидактичность — ее коньки. В данном же случае они превзошли не только себя, но и многих коллег по жанру мультипликации. Картина немногословна, ибо основной упор сделан на язык эмоций, жестов. Наталкивает на множество мыслей о жизни, судьбе и главном — о любви. Сюжет повествует о судьбе работящего мусора, трудящегося на покинутой людьми Земле. Дальнейшее развитие событий меняет обыденность ВАЛЛ•И с ног на голову. Появляются новые знакомые, любовь, возможность изменить к лучшему своих создателей и многое другое.

Юрий Грымов убежден, что кино нужно снимать на небольшом бюджете и показывать на широком экране

— Так получилось, что это мое первое кино о дне сегодняшнем. До этого у меня была картина «Му-Му» (XVIII век); «Коллекционер» (заоблачное будущее); «Казус Кукоцкого» (середина XX века). Мне захотелось рассказать историю сегодняшнего дня.

— По кадрам и общему описанию мне «Чужие» показались похожими на «Вавилон»: в чужом, восточном мире оказываются люди с разным менталитетом... Нет у вас опасений, что ваш фильм будут считать калькой

— Я вижу совершенно несимпатичную мне тенденцию: как только появились деньги на съемки, мы, со своей культурой, начали повторять Голливуд 80-х годов — спецэффекты, зрелищность... и больше ничего. Фильмы получаются довольно-таки скучные и пустые.

Крупнобюджетное кино в России неадекватно рынку. Рынок не может или не хочет съесть столько, чтобы вернуть деньги, потраченные на кинопроизводство! И русское кино может набрать вес, если только будет работать с малым и средним бюджетом.

«Надо просто делать умные, серьезные вещи, и аудитория, которой это интересно, непременно появится»

Когда у вас немного денег, вы заняты искусством

текст
Надежда
Панченко

фото
Константин
Рынков

У Грымова — не только свой режиссерский, узнаваемый взгляд, но и особенная позиция по многим вопросам. Он далек от глянцево-гламурного мира и очень этому рад. Он не мелькает на светских тусовках и не собирается нравиться всем подряд. СМИ нечасто тиражируют его имя. Эта осень обещает быть иной — Юрий Грымов открывает художественную галерею и выпускает в прокат фильм «Чужие»

с работы Алехандро Гонсалеса Иньярриту?

— Когда композитор написал музыку, а ему говорят: «Как-то на Моцарта похоже», это неплохо. У «Чужих» и «Вавилона» — совершенно разные темы, содержание. Объединяет одно — серьезность высказывания.

— Сейчас говорят о том, что в России стали снимать современные фильмы хорошего уровня, западного. Вы с этим согласны?

В этом случае авторы фильма просто вынуждены рассказать уникальную, интересную историю. Когда у вас немного денег, вы заняты мыслями и искусством, а не тем, как зрелищно разбить несколько машин и вертолетов.

Мне повезло, я — сам себе и режиссер, и продюсер. Поэтому могу снимать то, что хочу. И для кого хочу. А хочется мне работать для зрителя думающего, сомневающегося, ранимого, т.е. того зрителя, который хочет развиваться.

— А куда и как развиваться сейчас? Мне кажется, все основные мысли уже озвучены, ничего нового в искусстве не появляется. Чем себя может удивить человек в зрелом возрасте?

— Неправда. Производится много хороших фильмов, происходит много интересного в литературе, современном искусстве. Другое дело, что многие издатели журналов, режиссеры, писатели боятся делать серьезные

вещи, потому что думают, что они не будут востребованы. Но ведь это бред!

У нас слишком занижена оценка читателя, зрителя. Надо просто делать умные, серьезные вещи, и аудитория, которой это интересно, непременно появится!

— Выходит, что, когда искусство приносит много денег, всем понятно и востребовано, это уже не искусство, а непременно масскульт?

— Думаю, правда находится посередине. Недавно мой приятель посмотрел «Чужие». «Фильм снят по законам боевика, но там поднимаются очень серьезные темы», — сказал он мне.

Я подумал: «Супер! Это то, чего я хотел!». Я хотел снять фильм, который удобно смотреть. Важные вещи изложить через популярную форму.

— Когда мы сможем увидеть вашу новую картину?

— Показы в России начнутся с 20 ноября. В зону проката входят страны СНГ, США, Канада, Африка. Очень рекомендую знакомиться с «Чужими» на большом экране. Только так можно полюбоваться настоящими цветами Африки, почувствовать запах пустынной пыли. И, что важно, — «Чужие» нужно обязательно смотреть от начала до конца!

— Почему решили использовать зарубежных актеров?

— Тема, которую мы затрагиваем в фильме «Чужие», кажется мне для современного мира весьма актуальной. Речь идет об отношениях внутри треугольника — русские, арабы и американцы. Эти три угла являются основополагающими для всех мировых конфликтов на сегодняшний день.

Рассказывая историю о представителях разных наций, разумно использовать настоящих носителей языка. 80% участников съемок были арабами, 10% — русскими, 10% — американцами.

Это человеческая история: в сложной ситуации оказываются люди раз-

ных национальностей, и каждый ведет себя в соответствии со своим менталитетом, воспитанием.

— Сложностей при работе с актерами не возникло?

— Нет. Порадовала профессиональная и даже гражданская позиция американских актеров: охотно признавали, что внешняя политика их государства им неприятна.

— Где проходили съемки?

— Снимали в северной части Африки. Такого количества раз в сутки я не целовался никогда! Причем с мужчинами. Утро начиналось с чмок-чмок, день заканчивался так же. При встречах с арабскими художниками, директорами, администраторами, продюсерами нужно было целоваться. Это правила игры, по которым нужно жить в арабском мире. Там совершенно не работают агрессия и те вещи, которые отлично действуют в Москве — жесткость, требовательность. В арабском мире это бесполезно: там все — только по любви. В России с помощью любви ничего не получается: можно настоять на своем, только когда ты жестко гнешь свою линию. По любви тут — только безалаберность и пьянка. А там — наоборот.

— А зритель, как вы думаете, полюбит «Чужих»? Ожидаете ажиотажа, шума? Хвалебных рецензий?

— Это ведь страшно, когда говорят: он снял гениальное кино. Это значит, что дальше расти уже некуда! Нравиться всем — страшная вещь. Все могут относиться с уважением, симпатией, интересом, но нравиться нужно единицам. Я ведь не просчитываю — как бы сделать так, чтобы угодить зрителю? Просто делаю то, что мне близко. Если я буду делать это честно, найдется какое-то количество людей, которым это тоже будет близко.

— Что будет дальше? Какие планы?

— Надеюсь, в следующем году начнем снимать детскую сказку.

Готов сценарий молодежного экшна, отобраны актеры, но пока нет финансирования. А еще я загорелся идеей снять второй детский фильм. По роману «Поллианна» американского автора Элеонор Портер, написанному сто лет назад. Моя 11-летняя дочь после прочтения этой книги несколько дней повторяла то, что делает героиня!

— Что там такого необычного и чарующего?

— Отношение к жизни. Эта книга учит радоваться простым вещам, ценить их. Очень трогательная история. К ней сейчас пишут сценарий.

Жаль, что снять кино стоит больших денег, потому что много чего хочется рассказать! Ведь что обычно говорят люди, которые имеют доступ к общественному рупору? Смотрите, какие классные штаны я купил! Они такие, с кармашками, за столько-то сотен долларов, у них лейбл на приличном месте. Глупо.

Я очень рад, что имею весьма косвенное отношение к миру гламура — это мир пустоты. Не желаю, чтобы мою супругу в 55 лет называли «милочка!» А меня — Юрочка! Мне удобнее на Вы. И причина — желание не дистанции, а уважения!

— Своего зрителя тоже на «Вы» про себя называете?

— Исключительно. К тому же я совсем с немногими лично знаком.

— Насколько я знаю, вы шопинг вообще не любите.

— Покупать живопись доставляет радость, а вот выбор мебели и вещей — это ужасно.

— Какую живопись купили в последнее время?

— Арабскую, привез со съемок несколько картин. Очень живые, теплые, открытые. У меня в коллекции были работы русских художников, украинских, теперь появилась арабская живопись. Собираю современное

«Нравиться всем — страшная вещь. Все могут относиться с уважением, симпатией, интересом, но нравиться нужно единицам»

искусство. По сути могу назвать себя коллекционером — у меня не две картины и скульптуры, больше.

Раньше я комплексовал, считал, что надо собирать что-то конкретное, а не то, что мне нравится. Но знаете, в чем сила любой коллекции? В том, что это именно моя коллекция, собранная в соответствии с моими вкусами, ценностями, приоритетами.

У меня есть, по крайней мере, четыре работы, которые за последние десять лет поднялись в цене на два нуля. Но я покупал их не потому, что хотел вложить деньги и продать. А потому, что мне было интересно! Для меня это не бизнес, но я твердо намерен открыть художественную галерею. Это случится в сентябре.

Современное искусство, кино, интерьеры — все это требует индивидуального подхода. Мне иногда кажется, что мы возвращаемся в совок — помните, эти одинаковые хрустальные люстры, вазы, ковры и стенки? Одинаковые занавесочки из ИКЕИ, мебель из ИКЕИ.

С обществом потребления нужно бороться. Не надо бояться, что у вас нет вкуса. Он есть, только это ваш вкус. А у Ивановых — вкус Ивановых.

Индивидуальность надо воспитывать. ■

«Чужие»

Россия, «Творческое объединение ЮГ» / США / Египет, 2008.

В ролях: С. МакАлистер, М. Эдам, К. Гати, Н. Стюарт, Д. Грэйс, В.Бычков, А. Полуян и др.

Действие происходит в наши дни в зоне внутринационального конфликта. Пять врачей, представляющих благотворительную организацию США, должны провести

обследование и вакцинацию детей. Однако судьба уготовила для врачей такие испытания, в результате которых им придется рисковать не только своей карьерой.

Новая картина Юрия Грымова показывает, на что готова пойти жена, чтобы решить свою проблему. На какие поступки толкает человека собственное одиночество. Как естественная связь становится нормой в глазах современного общества. Во что может вылиться столкновение культур; конфликт многовековых традиций и современной морали.

Повелители Вселенных

текст
Андрей
Сергеев

Создатели социальных сетей меняют привычки и стиль общения миллионов людей

«Когда я начинал работать над проектом, в мире существовало около пяти ресурсов, у которых был хотя бы десяток тысяч пользователей. Я не очень верил в то, что сайт по поиску друзей и одноклассников станет настолько популярным в России, — вспоминает создатель «Одноклассников» Альберт Попков. — Создавал я ресурс практически в одиночку, в свободное от работы время. Первый пользователь зарегистрировался 4 марта 2006 года».

Два года спустя проект побил все мыслимые и немыслимые рекорды в Рунете. А в августе 2008 года количество зарегистрированных в нем пользователей превысило 20 миллионов.

Точка входа

Идея «Одноклассников» возникла за пять лет до того, как сайт появился в интернете — когда Альберт познакомился с Джейсоном Портером, который разрабатывал похожий проект в Англии (friendsreunited.co.uk). Однако в 2000 году, когда интернетом в России пользовались менее 10 процентов москвичей и единицы россиян, шансов на успех почти не было. Пока идея и Рунет «зрели», Попков тренировался в Европе, участвуя в плетении социальной сети Passado. Время «Одноклассников» пришло позже, когда доступ к интернету перестал быть проблемой для большинства крупных городов России, а процент постоянных пользователей Сети в Москве добрался до уровня европейских стран.

Альберт Попков утверждает, что основной успех проекта — это его массовость. Причины популярности перечисляет следующие: мощная и качественная рекламная и PR-кампания; продуманная маркетинговая политика; серьезные вложения в оборудование и техническую поддержку; простота и уникальность (проект не скопирован полностью ни с одного из известных зарубежных ресурсов). «Друзья, гости, оценки фотографий — ничего этого не было на обычных сайтах по поиску школьных друзей», — уточняет создатель «Одноклассников».

«ВКонтакте», второй великан, идущий нос к носу в фарватере «Одноклассников» —

просто близнец американского Facebook: «напрокат» взяты и идея, и интерфейс. Но русским «последышам», несмотря на их вторичность, выпал шанс разыграть преимущество, которого не было у западных первопроходцев.

«Американцы пришли в эти гигантские сети, уже будучи активными пользователями интернета, — напоминает Виктор Захарченко, руководитель контент-проектов компании e-generator.ru и директор по развитию социальной сети toodoo.ru. — Показатель проникновения Веба там давно замер. А у нас «Одноклассники» стали реальной точкой входа, через которую люди открывают для себя интернет».

Раньше такую роль играли только порталы Яндекс и Рамблер. Статус точки входа может принести главную выгоду масштаб-

«Любой пользователь социальных сетей — потенциальный потребитель каких-то платных услуг в интернете»

ным социальным сетям. Ведь любой их пользователь — потенциальный потребитель каких-то платных услуг в интернете.

Money for nothing

Экономика русских стартапов — очень экономна. Идея — бесплатно. Для строительства — готовые «движки».

Самая существенная часть — серверы и обслуживание трафика. Они составляют до 70 процентов затрат. Альберт Попков признался, что первый год жизни «Одноклассников» стоил ему несколько сотен тысяч долларов. До недавнего времени у Альберта Попкова работало 3 человека в штате, сейчас — 38 человек.

«К январю 2007 г. число зарегистрированных пользователей перевалило за миллион, — вспоминает он, — и стало понятно, что это серьезный проект, требующий больших вложений и серьезного, комплексного

Самоорганизующиеся сообщества — гораздо более непредсказуемы, чем привычная «целевая аудитория» рекламы в прессе и на ТВ.

подхода к его развитию. Тогда я бросил все усилия на развитие ресурса, стал вкладывать средства в его продвижение, техническое оснащение, разрабатывать маркетинговую политику».

Главная ценность тематических сетей, по словам Джима Уэйлза, создателя самой известной библиотеки бесплатной информации — Википедии, не стоит их создателям ничего. «Ее создают пользователи, они же эту ценность и тиражируют, затрачивая мощности сайта. Руководство сети обеспечивает начальные интеллектуальные затраты — идея, ПО, дизайн, и дальнейшие финансовые — сервера и зарплаты сотрудников, — объясняет Джим Уэйлз «Смене». — Копирование уже существующей информации обходится чрезвычайно дешево. Но создавать новое знание — это сложный,

дорогостоящий процесс. Поэтому и существует парадокс: информация одновременно стремится стать и бесплатной, и дорогой».

Поглощением быстрорастущих «социальных» интернет-проектов увлеклись все гиганты интернета — Yahoo!, Google и Microsoft.

Ресурсы покупают даже в том случае, если они не имеют шанса стать прибыльными. В 2006 г. Yahoo! попробовал приобрести сеть Facebook за миллиард долларов. Владелец сети, Марк Цукерберг, продавая свое детище отказался. А спустя год он-таки продал 1,6 % акций Майкрософту за 240 миллионов. После этого Facebook стал «самым дорогим развлекательным сайтом в истории», оставаясь... убыточным.

Цукерберг, который обеими руками держится за свой проект, — скорее, исключение. Создатели социальных стартапов отработали стратегию: «сделал-раскрутил-продал». Продадут зачастую не только ради прибыли, но и для выведения сети на новый уровень.

Культовый фотохостинг Flickr три года назад вошел в состав Yahoo!, и, с помощью нового владельца, вырос до гигантских размеров: 26 миллионов пользователей, 2,2 миллиарда фотографий, \$ 6,7 миллиардов дохода за прошлый год. А еще — 12 000 сотрудников.

По словам Сергея Мурашова, одного из ведущих разработчиков Flickr, это единственный ресурс, использующий уникальную технологию поиска с индексированием в реальном времени. «Эта технология разработана в Yahoo! Не представляю, во что бы нам обошлось самостоятельное создание такой системы».

Воображаемые сообщества

Ловить прибыль сетями, сплетенными из тысяч и миллионов социальных связей, удастся не всем: самоорганизующиеся сообщества — гораздо более непредсказуемы, чем привычная «целевая аудитория» рекламы в прессе и на ТВ. Когда компания SUP Fabrik, управляющая Livejournal, закрыла возможность регистрировать «безрекламные» аккаунты, возмущенные блоггеры в ответ организовали «День без контента».

Однодневный интернациональный бойкот уменьшил количество записей и комментариев на 15%, и, в результате, SUP вернула аккаунты и уволила сотрудника, причастного к их отмене.

«Социальные сети, с точки зрения монетизации, проблематичны, — объясняет Дмитрий Главацкий, менеджер партнерского отдела компании «Бегун». — Особенности аудитории и ее целей не позволяют использовать традиционные рекламные приемы с их привычной эффективностью, поэтому для социальных сетей уже сейчас активно придумываются новые подходы. В дальнейшем, полагаю, это приведет к разнообразию как форм, так и содержания рекламы. В число рекламодателей войдут и правительство, и политические партии, и некоммерческие организации».

Неясно, что именно обеспечит рост оборотов в сфере сетевого бизнеса. Но все эксперты сходятся в одном: он грядет.

Неясно, что именно обеспечит рост оборотов в сфере сетевого бизнеса. Но все эксперты сходятся в одном: он грядет.

«Выделить основной доход сетей будет тяжело, — размышляет Главацкий. — Вместе с формами и методами рекламы будут меняться и сами сети, вводя новые, возможно, платные услуги».

«Уже через несколько лет круг рекламодателей будет такой же, как на телевидении и других охватных площадках — в том числе товары повседневного спроса, потребителями которых являемся все мы, — уверяет Дмитрий Степанов, исполнительный директор «Афиша Digital», afisha.ru. — Быстрее всего будет расти сектор доходов с посетителей, потому что сейчас он на абсолютном нуле. Сети будут продавать музыку, фильмы, билеты в кино, ж/д- и авиабилеты».

Альберт Попков считает, что «Одноклассники» потенциально интересны 80% нынешних пользователей Рунета, а значит,

будут активно развиваться дальше. Кроме того, рост будет происходить пропорционально общему увеличению числа пользователей Рунета. По разным прогнозам, к концу этого года их будет порядка 40 млн., а к 2010 году — около 60 млн. «Если брать русскоязычных людей по всему миру, то эту цифру можно будет в полтора раза точно увеличить, а может, даже и удвоить. У нас есть все перспективы для того, чтобы предложить пользователям много интересных сервисов, и, соответственно, увеличить доход, который мы получаем от проекта», — говорит создатель «Одноклассников».

Как утверждают специалисты, помимо деловых связей, интернет может привести к новому типу социальной организации. «Появятся новые типы сообществ, в том числе наднациональные и надгосударственные, — заявляет Сергей Мурашов, Flickr. — Эти сообщества смогут оказывать сильное влияние на глобальную политику и экономику. Различные социальные сети и ресурсы, существующие ныне, являются прообразами такой новой глобальной среды».

«Правительства» сетей по лояльности подданных способны многократно превзойти самые демократичные режимы. И этот «политический капитал» распаивает перед сетеводами еще одно огромное окно возможностей.

Футурологи, предсказывавшие поражение мира частными корпорациями, промахнулись. Миром, при его же активном участии, будут править социальные корпорации. Запись в повелители — открыта. ☑

Все эксперты найдены с помощью социальных сетей «Мой Круг», Livejournal, Flickr.

Почему люди в России начинают «болеть простотою»

Иллюзия свободы

текст
Олег
Переводин

иллюстрации
Андрей
Борзаев

На запрос «дауншифтинг» Яндекс выдает более 100 тысяч страниц с рассказами, дневниками и дискуссиями о людях, которые оставили презренный мир денег и власти ради того, чтобы пасти козочек и выращивать клевер. Появление таких историй в интернете совпадает по времени с выходом книг «Дауншифтинг. Как меньше работать и наслаждаться жизнью»; «Жизнь на пониженной передаче: дауншифтинг и новый взгляд на успех в 90-е» и тому подобных. Кажется, писатели блогов, журналов и книжек так долго ждали какого-нибудь необычного социального либо культурного порыва, что подхватили новую идею с фанатичной радостью и энтузиазмом. Хотя, собственно, является ли идея новой? И что такое, собственно, вообще этот дауншифтинг?

На пониженной передаче

Сам термин произошел от автомобильного «shift down» — переключение на более низкую передачу, в буквальном значении «сдвиг вниз». Дауншифтерами называют тех, кто, добившись высот карьеры и социального статуса, изменил свой образ жизни, «сбросив обороты». Кто-то уехал из мегаполиса в зачуханный городишко, кто-то оставил высокий пост ради низкооплачиваемой, но интересной или комфортной работы.

В любом случае, человек меняет свою жизнь в сторону «понижения», выбирая свободу и самореализацию.

Состояние самодостаточности, или автаркии, считал смыслом жизни самый яркий дауншифтер Древнего Мира Диоген Синопский. Сам Александр Македонский, познакомившись с прославленным маргиналом, заметил: «Если бы я не был Александром, то хотел бы стать Диогеном».

По свидетельству Светония, римский император Диоклетиан в зените славы сменил царские хоромы на простой дом, а государственные хлопоты — на труд огородника. Порыв оставить «мирскую суету» и посвятить себя духовным ценностям на протяжении веков двигал монахами и отшельниками; желание реализовать свой творческий потенциал в ущерб хлебу насущному — людьми искусства.

Герой романа Сомерсета Моэма «Луна и грош», успешный биржевой маклер Чарльз Стрикленд (списан с Поля Гогена), уехал на Таити, чтобы осуществить свою мечту и стать художником. Дельцы с Уолл-стрит в 60-ые годы меняли костюмы на цветастые распашонки, присоединяясь к движению хиппи.

В каждую эпоху и в каждой стране находились люди, которые стремились к «простой» жизни, утратив вкус власти и денег. Почему же подобные действия наших современников пытаются назвать новым термином? Разбирая разные «дауншифтерские» истории, мы увидели, что их объединяет одно: переоценка ценностей и последовавшее за ней изменение образа жизни. А вот суть этих изменений может быть разной.

«В деревню, в глушь, в Саратов»

Хрестоматийным примером современного русского дауншифтинга стал поступок известного в начале 90-х биржевика Стерлигова, который перебрался вместе с семьей в деревню — вести натуральное хозяйство и жить по православным канонам.

«Раньше я весьма успешно занимался собственным бизнесом, организацией тренингов и семинаров, консультированием, — объясняет Александр Винидиктов, ныне возглавляющий некоммерческий проект «Руспрорыв», посвященный созданию нового, свободного от давления мегаполисов образа жизни. — Все сильнее одолевало чувство, что я занимаюсь какой-то ерундой. И, мягко говоря, не только я один. И я вышел из игры». Недавно в алтайскую деревню переселился гражданин Германии Игорь. Да не один, а с тремя маленькими детьми и супругой. Десять лет назад он переехал из крупного российского города в Германию. А, произведя на свет детей, решил, что расти они должны исключительно в православии и деревенской тиши. И вернулся в Россию.

Отличает эти истории компонент, который можно назвать «мировоззренческим» — люди выбирают об-

раз жизни, который считают идейно правильным.

«Жить, довольствуясь тем, что имеешь»

«Группа риска» для этого сценария — это те, кому есть и от чего отказываться, и от чего бежать. Они составляют так называемый офисный планктон. Люди, уставшие от однообразной работы в солидной фирме, карьерной гонки, в значительном количестве появились в России недавно. «Раньше меня больше интересовал карьерный рост, социальный статус. Важно было не выпасть из обоймы, оставаться «на уровне». Это касалось всего — от выбора места работы, должности и даже мужа, до мест отдыха и совершения покупок», — рассказывает Лиза.

Из Москвы она уехала в Турцию, где составляет документацию к проектам энергоснабжения. Работает неполный день. Доходы — мизерные, по сравнению с тем, что Лиза зарабатывала в Москве. Но она счастлива, избавившись от вопросов, которые преследовали в мегаполисе. «Все зарабатывали деньги. Стресс, выпендрож, гонка. Все чаще внутри меня звучал вопрос «Зачем?»

Сейчас Лиза живет в окружении любящих людей, в гармонии с собой.

«Жизнь в Турции совсем не похожа на жизнь в Москве. Люди действительно работают, для того, чтобы жить, а не живут для того, чтобы работать, — рассказывает Лиза. — Познать себя бывает сложно. Вокруг нас так много шума, что мы не слышим голоса собственной души. Для счастья на самом деле нужно очень мало, но это трудно понять».

Леонид, опубликовавший свою историю в «Газете.ру», тоже считает, что не все в жизни измеряется деньгами. Через 12 лет работы управленцем среднего звена он превратил свое увлечение скалолазанием в профессиональное занятие промышленным альпинизмом. «Мне надоело быть офисным шпунтиком, надоело общаться с людьми ради денег», — пишет Леонид. Хотя зарплата, по его словам, почти в три раза меньше, чем «в офисе», на жизнь ему хватает.

Есть, куда бежать

Еще одна группа историй — рассказы о том, как успешный менеджер переезжает в туристическую страну, где становится владельцем дайвинговой станции или агентства по организации сафари. Максим, еще один автор «Газеты.ру», который организовал станцию виндсерфинга в одной из арабских стран, считает: в том,

чтобы делать бизнес в чужой стране, нет никакого дауншифтинга.

К тем же, кто просто уезжает, чтобы беззаботно жить под солнцем за счет арендной платы с московской квартиры, он не испытывает никакого уважения. «У любого безделья должно быть хоть какое-то оправдание», — считает Максим.

«Дауншифтинг — это стратегия сочетания работы с другими важными ценностями, — говорит профессор кафедры социологии культуры и коммуникаций СПбГУ Владимир Ильин. — Ее цель универсальна: как не превратить работу в синоним жизни?» Профессор не считает это явление новым или характерным только для современной России, приводя в пример лично знакомых граждан Америки, которые оставили высокие посты в бизнесе и работают в университетах.

Ильин отмечает, что стратегию «досрочной пенсии» часто используют молодые и материально успешные профессионалы или бизнесмены. «В отличие от битников или хиппи, они «сбавляют обороты», сумев сколотить определенное состояние. В отличие от пенсионеров, они задумываются о смысле жизни, когда почти вся жизнь еще впереди. Это люди, добровольно выбывающие из клетки «офисного рабства», — резюмирует профессор.

Мода на дауншифтинг, по мнению Ильина, возникает, когда в об-

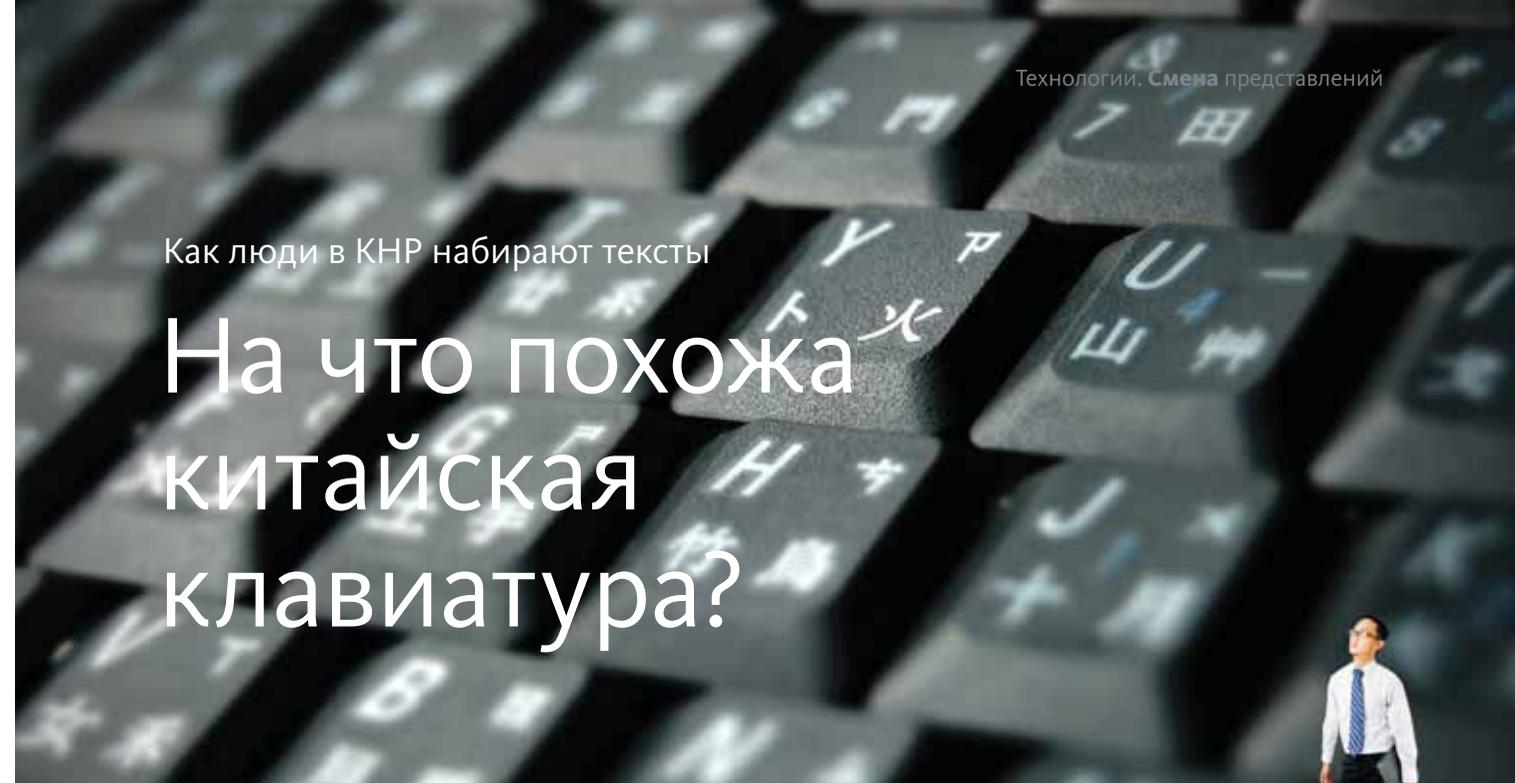
ществе появляется все большее число людей, могущих «сбавить обороты» без риска для выживания. Психологи видят причину возникновения явления в кризисе среднего возраста, массово охватывающем современный топ-менеджмент. И, чем более успешен менеджер, тем тяжелее он переживает такой кризис.

«Все чаще встречается недовольство, неудовлетворенность жизнью, причем довольно часто — на фоне явного социального успеха», — рассказывает психотерапевт Владислав Андрушин, заместитель директора ГУ «Центр Семьи».

Он объясняет это тем, что люди, достигнув карьерных высот, зачастую теряют интерес к тому, что делали все это время. Или «сдаются», осознав свой предел. Растущее давление общества потребления, по мнению Владислава, выжимает «все соки» и подавляет все истинно человеческие проявления.

Среди клиентов Эллы Борисовой, автора цикла тренингов, посвященных преодолению кризиса смысла, таких людей тоже предостаточно. «По теории Юнга, каждый человек, обслужив социальную цель и сценарии, вступает во вторую фазу взросления — стремится стать самим собой, реализоваться», — напоминает Борисова. Поскольку реализация исключительно в роли финансового директора несколько однобока, возникает конфликт, который человек решает в пользу самореализации.

«Для топ-менеджеров дауншифтинг — это, в первую очередь, развитие, изменение жизненных ценностей и приоритетов», — считает психотерапевт Владислав Андрушин. Правда, реализация мечтаний об отдыхе и безделье чревата новым личностным кризисом — столкновением со скукой и пустотой собственной жизни. «Можно, конечно, говорить о тенденции отмирания моды на «жизнь для карьеры» и замены ее на моду «жизни для себя», — предлагает Андрушин. — В этом смысле можно говорить о «смене наркотика» — замещении одних навязанных социумом ценностей на другие». ☞

Как люди в КНР набирают тексты

На что похожа китайская клавиатура?

В Китае — 16 миллионов блоггеров. Но задумывался ли кто-нибудь, как люди набирают китайский текст на компьютерной клавиатуре? Известно, что в самом полном словаре «Цихай» собрано около 57 тысяч иероглифов. Средний китаец оперирует примерно тремя тысячами. По вполне понятным причинам такое количество знаков невозможно разместить на клавиатуре современного компьютера.

Для этого используют программу, которая называется «редактор метода ввода», которая позволяет с помощью совершенно обычной клавиатуры создавать тысячи знаков китайской письменности. Однако стандартная система отсутствует, так что две китайские клавиатуры могут выглядеть и работать по-разному.

В Китайской Народной Республике большинство юзеров печатают с помощью транслитерации, используя стандартную латиницу в раскладке QWERTY. Чтобы создать знак, набирается его произношение в соответствии со стандартной системой Пиньин. Компьютер автоматически превращает комбинацию Пиньин в иероглиф на экране. По крайней мере, так предполагается. В китайском языке много слов, которые одинаково читаются, но по-разному отображаются на бумаге. Используя Пиньин, придется убедиться, что на

экране — верный иероглиф. С помощью цифр можно отобразить правильный тон гласного звука. Если компьютеру недостаточно информации для выбора верного иероглифа, на экране появляется всплывающее окно с вариантами.

Лучшие редакторы ввода на основе Пиньин могут догадаться, что вы имеете в виду, по контексту, предлагая сначала наиболее используемые иероглифы. Иными словами, они работают примерно как T9 в сотовых телефонах. В некоторых редакторах ввода заложена возможность запоминания комбинаций клавиш. Если вам снова и снова приходится набирать китайское слово «блог» (бу-люо-ге), можно запомнить это слово как комбинацию клавиш b-l-g. Однако даже с такими программами набор китайского текста методом Пиньин — ужасная тяготица. Для быстрого набора в материковом Китае используют

другой метод ввода — Вуби. Чтобы напечатать иероглиф в системе Вуби, не нужно вспоминать его звучание — вы набираете последовательность клавиш, отображающих элементы, из которых он состоит, и порядок их написания. Клавиатура для Вуби выглядит точно так же, как стандартная латинская, но с дополнительными значками на каждой клавише. Клавиши QWERTY разделены на пять зон для различных видов штрихов: левосторонних, правосторонних, горизонтальных, вертикальных и крючкообразных. Вы создаете иероглиф из четырех штрихов, набирая их в том же порядке, в котором они пишутся вручную. Если иероглиф очень сложный и состоит из большого количества штрихов, вы набираете первые три, а затем — последний. Опытный наборщик в системе Вуби может печатать до 160 знаков в минуту. ☞

Как и для чего
мужчины строят
мотоциклы

Самопальщики и чоппербилдеры

В двух гаражах Скунса всегда стоит с полдюжины мотоциклов. Кроме тех, что привезены на починку, по крайней мере, пара сделана им собственноручно. Исходный материал — диски с джипа, фары — от М72 и М61 (старые советские мотоциклы) и старых грузовиков, запчасти — от современных моделей Honda и Kawasaki.

«В миру» Скунса зовут Александр Янкевич. Его работа называется кастомайзинг (от английского customize — переделывать, подгонять). В отличие от тюнинга,

текст Мария Родочинская
фото Кирилл Почивалов
и RTE-group

Модель «Стилет».
Мастерская Luber Custom,
Москва

* Чоппер — мотоцикл
с очень длинной вилкой,
прямой посадкой

«Некомплектная» переваренная рама. Тормоза — от «Жигулей», фары — от грузовиков... Кардан пришлось точить новый. Вчера, наконец, подарили сиденье для люльки от какого-то джипа»

предполагающего доводку и улучшение уже готового мотоцикла, кастомайзинг — это строительство с нуля.

Выставку кастом-байков можно разглядывать не то что часами — сутками. Фантазийность технических решений в состоянии оценить и совсем далекий от байк-культуры человек. Они похожи на выходцев из фильмов в стиле фэнтези, японских аниме: огромные фары, футуристические обводы.

У одного амортизатора наклонены под углом в 45 градусов — для устойчивости; другой грозно смотрит на людей единственным огромным глазом — фарой, которую его создатель позаимствовал у трактора «Беларусь»...

Существует два распространенных варианта создания кастом-байка. Серийный, заводской мотоцикл «дорабатывают» в мастерской, навешивая нужные для реализации концепции детали. Так происходит чаще всего. Второй вариант — постройка «с нуля». Здесь тоже возможны два варианта — либо союз дизайнера и «жестянщика», либо работа единственного мастера.

«Скопировать рисунок дизайнера в железе тяжело. Увод лекальной линии силуэта бензобака всего на два сантиметра не в ту сторону может разрушить весь проект. Я встречал людей, которые рисуют свои

модели на коленке, корявым карандашом, но видят мотоцикл, как таблицу Менделеева, просто и ясно; виртуозно умеют резать и пилить, чувствуют байк», — говорит Ростислав Егоров, владелец одной из самых известных московских мастерских, участник международных выставок. Он считает очень важным для проекта умение написать спецификацию на детали, понять, какими они будут, чтобы в них воплотился замысел. А деталей потребуется более двух тысяч штук.

«Занудство это, сразу все детали прописывать, — считает Скунс, который создает кастомы на базе отечественных мотоциклов. — Это же, как картина — невозможно посчитать количество мазков, которые ты сделаешь своей кистью, и определить цвет каждого максимально точно».

Скунс окончил Московский лесотехнический университет, собирался было защитить диссертацию, да потерял интерес. Он взялся за строительство мотоциклов еще в 90-е — как многие российские кастомайзеры. Тогда мотоциклистам хотелось красоты и надежности. Западных же, красивых, байков было крайне мало.

«Я долго глазел на других — кто ездит на мотоцикле, кто их делает. Сам долго катался «вторым номером», — признается Александр Янкевич. — Потом сел за

Кастом-мир

Этой весной русских кастомайзеров приняли в Custom Bike Association.

А также признали Moscow Custom&Tuning Show частью чемпионата мира по кастомайзингу. Но, как говорит Ростислав Егров, радоваться тут нечему: «Западный кастом-мир сгруппирован, наш — нет. Проводят несколько конкурсов, где выигрывают какие-то мотоциклы, и что дальше? Чаще всего участников выставки крайне сложно сравнивать. Это как делать вывод, что рояль звучит лучше скрипки. До сих пор непонятно — куда человеку пойти, чтобы научиться строить байки? Где кастом можно заказать, купить? Развитие рынка идет от билдеров, которые меряются амбициями. А нужно формировать общее пространство, культуру потребления».

Здесь, в виртуальном гараже, можно самому построить байк:
www.allstategarage.com

Стоимость коллекционного американского кастом-байка (производитель — West Coast Choppers) может составить 1 500 000 евро. Русские пока, в среднем, не превышают уровня 50 000 евро.

руль: стал заниматься починкой понемногу. А делать мотоциклы начал несколько лет назад — случайно мне досталось несколько ненужных деталей. Ну, я и пустил их в ход».

Скунс показывает нам живой, недавно покрашенный мотоцикл, объясняя, в какой последовательности появлялась та или иная деталь. Сначала «завелись» колеса, потом в хозяйстве обнаружилась «некомплектная» рама с подвеской. Тогда мастер сварил раму и приладил колеса. Тормоза у зеленого мотоцикла — от «Жигулей», фары — от грузовиков и старинных отечественных байков: М72, К750, М62, М61.

«Крепежи для них я сделал сам. Спидометр — стандартный, а тахометр мне специально паяли, — рассказывает Александр. — Кардан пришлось точить новый. Вчера, наконец, подарили сиденье для люльки от какого-то джипа».

Он выращивает мотоциклы, как деревья — органично, заботливо, пренебрегая точными расчетами.

«Я исхожу из того, что есть смазочная система, рассчитанная давно не совсем идиотами. К ней я ставлю другой масляный насос и масляный радиатор. Я знаю большие места, например, фабричного коленвала, и стараюсь при создании нового байка их «залечить», — говорит он. Для этого аппарата Скунс сам изготавливал крылья, наращивал длину, ширину, приваривал боковину, а также переварил бак. Для второго, синего мотоцикла Янкевич использовал полотенцесушитель из нержавеющей стали. «Как нас только ни называли —

«самопальщики», «чоппербилдеры». Теперь у этого занятия более презентабельное название — кастомайзинг, — подытоживает Александр Янкевич. — Сейчас появляется много ребят, у которых есть деньги. Им хочется выпендриться перед девчонками, показать себя во всей красе на оригинальном мотоцикле. А девушкам и не важно, своими руками его владелец построил или сделал на заказ — главное, чтобы дорого и круто», — кипит он.

Ростислав Егоров более лоялен к клиентам — он говорит, что многие заказчики живо участвуют в строительстве, вкладывают в это душу. «Мы все живем в пространстве между эмоциями и рассудком. Любое прикосновение к техническому чуду — попытка совместить эти два мира, ну, хоть чуть-чуть. Обладание мощным, оригинальным мотоциклом влияет на настроение и самоощущение человека. Очередь в нашу мастерскую не рассасывается».

«Сделать кастом-байк — это как зачать, родить и воспитать ребенка. Только чуть быстрее, — говорит Егоров. — В год мы придумываем, максимум, пять мотоциклов. «Пустить в плавание» больше, чем два из них — невозможно. Если делать все, как следует». Скунс каждый свой мотоцикл строит годами — доделывает, переделывает. И расстается со своими «произведениями» с большим трудом. «Вот, только недавно продал один из четырех своих мотоциклов, — огорчается он. — Прощаться с ним было тяжело — слишком много труда вложено. Но зад-то у меня — всего один, сразу на четыре байка не сядешь». ▣

Обреченные на пробки

Почему Москва СТОИТ

текст
Михаил
Блинкин

1. Железные дороги

Город Москва — крупнейший транспортный узел «на перекрестке всех дорог». Вообще, железная дорога всегда очень полезная штука, со всех точек зрения. Вопрос в том, что такое положение — города в более продвинутых странах — так или иначе, преодолели. С помощью различных решений: технических, планировочных. Самое очевидное из них — сделать достаточно проколов под путями, или эстакад над ними, чтобы не превращать город в транспортную пустыню. К сожалению, эта тяжелая наследственная патология в Москве не преодолена.

2. Низкая связность сети

Огромный жилой массив выходит на внешний мир одним-единственным ребром (к примеру, Уральская улица — на Щелковское шоссе). Второго пути нет в природе. Или чтобы добраться до географически соседнего квартала, человек 12 км едет вдоль Павелецкой железной дороги в поисках ближайшего прокола, а потом едет 12 км обратно.

3. Перепробеги

Это детская задача для математического кружка: нарисуйте квадратную сетку и рассчитайте, каким там будет средний перепробег по отношению к воздушному расстоянию. Он, в среднем, равен 1,2. На самом деле, в городах, где сетка дополнена некоторыми хордами, он даже несколько меньше. В Москве же — это уже не теория, а сугубо экспериментальный факт, он составляет 1,53. Трудно найти на карте Земли город, где перепробег был бы полуторным. В Москве — постарались.

4. Геометрическая структура дорожной сети

На уровне чистых стратегий существует три варианта топологической структуры. Квадратная сеточка — структура римского лагеря легионеров. Идеальная, с транспортной токи зрения: все самые последние IT-навороты управления движением: координированно-адаптивное управление дорожной сетью, маршрутное

ориентирование водителей с помощью спутникового ориентирования и водительских дисплеев — они идеально ложатся на многосвязные дорожные сети такого типа. У нее есть один недостаток: для того, чтобы оборонять лагерь, спланированный таким образом, нужны были писанные нормы и профессионалы-легионеры.

Поэтому родилась другая структура — кольца средневекового города и радиальные подходы к ним. Попросту — валы. Совершенно замечательная структура для обороны города от кочевников ополчением горожан. С транспортной точки зрения — совсем плохая...

Вместо того, чтобы быть выброшенным по хордам и тангенциалам из центра, транспортный поток закручивается, а потом выбрасывается на и без того загруженные радиальные выходы. Переходя от науки к практике, представим: каково выбраться на Волгоградку в сторону области с третьего транспортного кольца — стоит хвост, который перегораживает основное направление движения ТТК.

Мощные радиальные дороги упираются в старинные городские улицы: насыщенный многополосный трафик с Ленинского проспекта на Якиманку, или с Варшавского шоссе на жуткое 8-угольное пересечение возле Тульской, или... каждый продолжит своим любимым районом... Это — фундаментальный недостаток сети.

5. Низкая резидентная мобильность

И тут накладывается еще одна вещь — еще одна тяжелейшая наследственная болезнь. Уже не геометрическая, а с социальной природой. Это — крайне низкая резидентная мобильность. В Европе, США — стандартная вещь: я меняю работу — я меняю место жительства. Приближение рабочего места к месту проживания — совершенно здравая идея. Только она предполагает резидентную мобильность, характерную для богатых городов с развитым и дружелюбным к обывателю рынком недвижимости.

6. Пересадки

Если европейские метрополитены самодостаточны — метро плюс пеший подход, то их московский собрат всегда предполагает смешанную схему метро — автобус, метро — трамвай. Это наследственное заболевание, связанное с тем, что наше метро — не только транспортная система, но и фортификационное сооружение.

7. Застройка землеотводо для хордовых магистралей

На карте Москвы еще в начале 1990-х годов были замечательные, длинные такие незастроенные коридоры. Это были землеотводы для хордовых магистралей. Говорят, что последние из могикан — настоящих московских градостроителей, глядя на схемы московской застройки и понимая, что для хорд места уже не осталось, плакали.

8. Застройка центра

В центре ту же негативную роль сыграла застройка свободных земель, пригодных для паркингов. Этих пятячков

в ЦАО, попросту говоря — внутри Садового Кольца — было довольно много. Все эти пятячки пали жертвой того, что политики называют «точечной застройкой». Все — под ноль.

9. Строительство без учета возможностей дорог

Новые, реконструированные здания и даже целые районы застройки были построены без учета ограничений на возможности локальных окрестностей улично-дорожной сети. Например, центр на площади Тверской заставы будет построен почти наверняка. На самом деле такие штуки — когда в напряженном транспортном узле мы втыкаем дополнительную нагрузку — к примеру, 100 000 м² торгового центра — это тушение пожара бензином.

10. Самозахват территорий и проблема парковок

Это жуткая болезнь, захватывающая и периферийные зоны, и зоны центра. Подобная форма заболевания

cd

Кирилл Подоляк
cd-бульвар

встречается в Венесуэле, в Иране, в Нигерии. Но в мало-мальски устроенных городах такой болезни не бывает. Парковочное пространство — размечено, тарифицировано, управляемо: ничейной земли нет. Этот самозахват территорий привел еще и к жуткой стагнации общественного транспорта.

11. Приоритеты движения

В Москве — 1800 троллейбусов, 5200 автобусов — у них нет никаких приоритетов движения — кроме тех, что номинально прописаны в ПДД. Что касается автомобилей, легально пользующихся приоритетной светомузыкой, то их, по косвенным оценкам, примерно столько же. Такие вот у нас приоритеты в движении.

12. Поведение на дороге обывателя

Общественники любят противопоставление: с одной стороны, наглое поведение элиты, с другой — жертвенное положение обывателя. Все

друг друга стоят. Поведение автомобилизованного обывателя ужасно. Самые простые примеры: автомобиль на тротуаре, на автобусной остановке, небрежное вождение, опасное вождение — в Москве — практики — поворот направо из 3-го ряда. Немотивированное перестроение — перестроения с целью обогнать в потоке.

Многие пробки не являются результатами аварий или поломок на дороге. Часто, проезжая пробку, мы видим, что для ее возникновения не было ясной причины. Дело в том, что одни водители реагируют на других, и те реагируют в ответ. Крошечная заминка в движении — например, когда вы переключаете радиостанцию, чуть больше, чем нужно, приближаетесь к машине впереди вас и нажимаете на тормоз — вызывает всплеск торможения, который, как зыбь по воде, распространяется на километры. Японские ученые обнаружили, что в плотном потоке один дернувшийся автомобиль может перевести всю систему в новое состояние — затор. ☐

Михаил Блинкин

Закончил мехмат МГУ в 1970 г. Кандидат технических наук по специальности «Техническая кибернетика и теория информации», тема диссертации — «Макроскопические модели транспортного потока в системах управления движением на автомобильных магистралях» (1978). Соавтор монографии «Автоматизированные системы транспортного планирования» (1988), научный редактор русского перевода монографии Иносэ Х., Хамада Т. «Управление дорожным движением». Автор более сотни статей по проблемам городского транспортного планирования, теории транспортных потоков, управления движением и перевозками, безопасности дорожного движения, опубликованных в 1972—2007 гг. в российских и зарубежных изданиях.

Appearance Of Nothing «Wasted Time»
(Швейцария, прогрессив).
Лейбл туземный, 2008

Очередной релиз европейской метал-сцены. Обнадеживает лишь избранный парнями стиль — прогрессив, изначально подразумевающий разнообразие, неожиданные переходы, смену ритмов и небольшой артистизм. Нечто сродни артроку, только более тяжелое. Прослушивание не только оправдывает ожидания, но и приятно радует. Альбом выполнен в традиционном ключе, тем не менее, это не помешало блеснуть мелодичными находками и свежим бризом. Оригинально звучит вариант исполнения в два голоса (образно, грубый и мягкий). Релиз — дебютный, чувствуется энергия, молодой задор. Гитарные партии отыграны хорошо, без обилия пулеметных очередей и неоправданных безумств. Гармонично смотрятся симфоничные и фортепьянные элементы. Чувствуется грамотная аранжировка. Почитателям Dream Theater, Symphony X, Arena понравится.

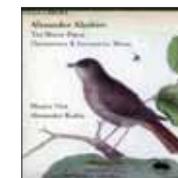
Павел Кашин «Солнцеклэш»
(Россия, популярная музыка). Никитин, 2008

Интересно, что отечественная эстрада вкладывает в понятия прогресс и творческий рост? Очевидно, в большинстве своем — элемент маркетинга, нежели качественную характеристику. «Солнцеклэш» — своеобразный продукт отечественной эстрады, не поддающийся развернутой оценке. Обычный альбом, основанный на клише, не претендующий на революционность. При прослушивании не отпускает чувство дежавю, будто подобное уже было, и не один раз. Дело не в плагиате или вторичности — музыкальный материал слишком стандартный, как по ГОСТу. Песни исполнены в одинаково меланхоличной манере, благо на «живых» инструментах. Работа хорошо впишется в ненавязчивый музыкальный фон ресторана, кафе, торгового центра. Перед нами — чистой воды музыкальный проект, но никак не творчество. Работа проходная, объективного интереса для любителя музыки не представляет.

No Authority «Don't Lose Heart»
(Германия, Ska-Punk).
Leech Records, 2008

С таким названием сейчас играют два коллектива: американцы — смазливый мальчишка, играющий поп, немцы — ска-панкеры. Возможно, «близнецы» не подзревают (делают вид?) друг о друге, иначе кому-то пришлось бы сменить название. Сегодня же мы рассматриваем немецкий «биг-бэнд». Коллектив немолодой, но обильной дискографией не хвастает. Новый альбом характеризуется интересным, молодежным звучанием. Несмотря на неординарность, релиз прослушивается на одном дыхании от корки до корки. Композиции наполнены задором, энергией, хорошим настроением. Работа перестривается запоминающимися мотивами, исполненными на духовых инструментах (саксофон, труба и другие). Стоит отметить разнообразие звучания музыкантов, затрагивающую множество дружных музыкальных направлений. Легкий по звучанию и восприятию альбом — симпатично и со вкусом.

Alexander Alyabiev «The Magic Drum, Orchestral & Incidental Music»
(Россия \ ЕС, классика).
Fuga Liberia, 2008

Современная поп-культура не воспринимает классику как коммерчески успешный «продукт». Классическая музыка не нуждается в обзорах, ибо трудов на данную тему — бесчисленное множество. В итоге, все сводится к обсуждению качества (достоверности) исполнения конкретного произведения тем или иным оркестром. Представляем новую работу всемирно известного коллектива «Musica Viva» под руководством Александра Рудина. Уникальность оркестра в стремлении к поиску неизвестных, неприевшихся произведений и доведении их до слушателя. Творчество Алябьева открывается совершенно с другой стороны, приятно радуя слух звучанием каждой ноты. Музыканты постарались передать всю палитру чувств композитора: жизнь, любовь, радость, стремление, переживания, народность и многое другое. Релиз стоит пристального внимания ценителей, а также разносторонних меломанов.

Гоблин ничего не получает
за пиратские копии

Я не призываю материться. Я — за права авторов

текст
Андрей
Колобаев

иллюстрация
Михаил
Иванов

Самое смешное, что в представлении соотечественников гоблины — это здоровенные монстры из мультика про мишек Гамми, хотя на самом деле там были тролли. Но почему-то их перевели как гоблинов. А Гоблин — это такое мифическое существо из английского фольклора, кельтского. Маленькое, зелененькое, мерзкое... Видите: даже тут неправильно перевели...

Неудивительно, когда бывший мент становится классным детективщиком. Но мало кто знает, что автор нестандартных переводов голливудских блокбастеров Дмитрий Пучков начинал как простой российский опер из угро. Там он получил кличку Гоблин.

После смены Дмитрий сдавал пушку на хранение, шел домой и переводил... для друзей. Сейчас его «клиенты» — вся Россия и постсоветское пространство, любители «правдивых переводов» и черного юмора. А сам он больше всего любит работать с детскими мультяшками.

— Дмитрий, первый вопрос так и вертится на языке. Говорят, Гоблином вас прозвали питерские бандиты. Боялись и уважали?

— Не совсем так. Был у нас такой уголовный репортер Александр Глебович Невзоров, помните «600 секунд»? Он в тот период называл всех ментов «еринскими упырями» — в честь нашего тогдашнего министра Ерина. А потом мы прочитали в газете статью под названием «Гоблины в милицеских шинелях». Ну, и в шутку тоже стали друг друга «гоблинами» называть. А поскольку я был старший по руководящей должности, так ко мне и прилипло.

— В чем «фишка» Гоблина?

— Во-первых, я перевожу адекватно: только то, что произнес актер, ни больше, ни меньше. Во-вторых, подход — совершенно другой. Качественный перевод изготавливается единственным способом: текст английский переводится в текст русский. Потом литературно правится и только после этого зачитывается. Это требует времени и усидчивости, но иначе — никак. Ну, и третье — абсолютно никакой цензуры. Мое правило: нецензурную брань следует переводить как нецензурную брань. А поскольку большинство боевиков голливудских изобилуют нецензурной бранью, в итоге, фильмы обретают совершенно чудовищное звучание на русском языке. Зато ты уже смотришь не «кинцо про гангстеров», а реальную жизнь. А как люди говорят в реальной жизни, я сам знаю неплохо.

— Насколько я знаю, в одном «Криминальном чтиве» слово «fuck» употребляется чуть ли не сотню раз. Разве необходимо все это переводить?

— Ну, если точнее, то 247 раз, причем в различных комбинациях. Задача переводчика — переводить, а не корчить из себя

цензора. Что и как должно быть в фильме — решают сценарист и режиссер, а уж никак не переводчик.

«Криминальное чтение» в обычном переводе у всех вызывает хи-хи ха-ха. А откуда там может быть хи-хи ха-ха, когда фильм — про тупых мутантов, которые ходят и бошки друг другу простреливают?

Есть выдающиеся художественные фильмы типа «Большой куш» Гая Ричи. Отечественные переводчики его так «уделали», что смотреть невозможно без слез, в прокате он оглушительно провалился. А когда меня спрашивают: «Дмитрий, а какой фильм в своем переводе ты присоветуешь посмотреть как наиболее выдающийся?», я частенько советую этот (в моей трактовке он называется «Спиз... ли»). Говорят, как так — дрянь же? Ну, вот у вас — дрянь, а у меня — шедевр. Бодрые шутки, прекрасно снято. А переводом угробили напрочь.

— Когда и как возникла идея перевести фильмы?

— В 1995. В перестройку видео хлынуло, бурно-мутной волной страну захлестнуло. Все смотрели все подряд, наперегонки!

Я тоже купил видик и тоже начал смотреть. И был в полном ауте от того, насколько отвратительно были переведены западные фильмы! Даже с моими скудными познаниями в области английского стало ясно, что переводчики порой несут откровенную чушь. Достаточно посмотреть в оригинале какой-нибудь старый, 500 раз всеми виденный фильм типа «Командо» или «Лицо со шрамом». Фильм знаешь наизусть, но вдруг оказывается, что герои говорят, оказывается, совсем не о том, что ты долгие годы привык слышать в переводах, начисто заглушавших оригинал.

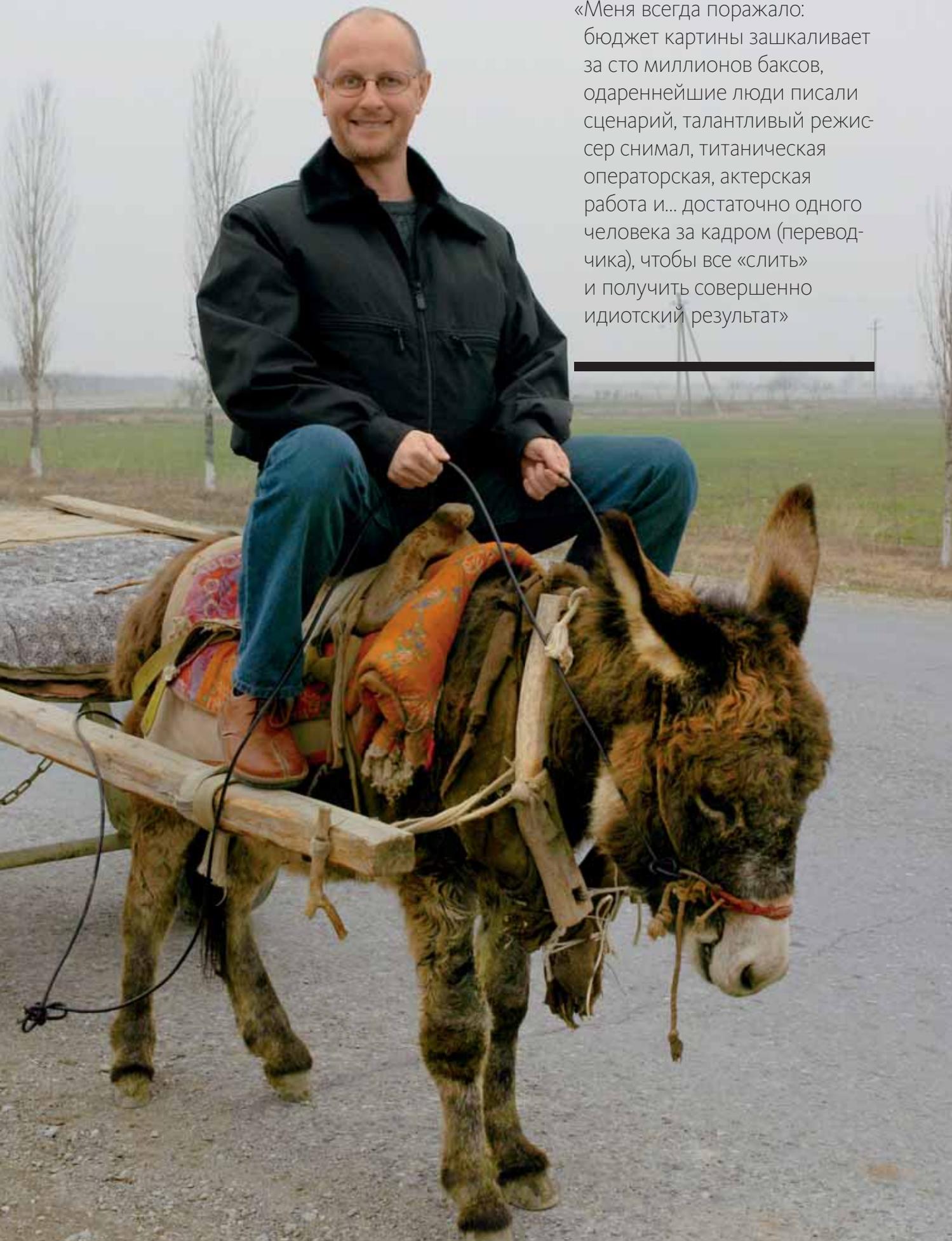
И я принялся старательно исправлять то, чему предшественники не уделили должного внимания. Первым перевел фильм «Путь Карлито». Об успехе никогда не задумывался — переводил для друзей, не понимающих по-английски. Результат вызывал резко полярную реакцию: одним страшно нравилось, другие плевались. Потом перевел еще десяток фильмов. А потом произошло то, что произошло. Рвануло.

— Британская газета «Observer» назвала вас новым лицом пиратской видеоиндустрии России. Как вам такой титул?

— Если честно, заколебал. Фильмы на CD и DVD с пометкой «В переводе

«Я советую смотреть «Большой куш». Говорят, как так — дрянь же? Ну, вот у вас — дрянь, а у меня — шедевр»

«Имея минимальные познания, любой пятиклассник может «прилепить» текст к видео. Что, собственно, и делают все пираты. Сущность пиратства в том, чтобы денег никому не платить. В том числе и мне»

«Меня всегда поражало: бюджет картины зашкаливает за сто миллионов баксов, одареннейшие люди писали сценарий, талантливый режиссер снимал, титаническая операторская, актерская работа и... достаточно одного человека за кадром (переводчика), чтобы все «слить» и получить совершенно идиотский результат»

Гоблина», действительно, очень хорошо продаются. Но деньги я за них не получаю. Это с моей стороны такое чистой воды бесребническое занятие — с целью наведения справедливости и приведения фильма в тот вид, который лично я считаю правильным. Звуковые файлы со всеми моими переводами лежат в интернете в свободном доступе. Имея минимальные познания, любой пятиклассник может прилепить текст к видео. Что, собственно, и делают все пираты.

Сущность пиратства в том, чтобы денег никому не платить. В том числе и мне.

— **На что же вы живете?**

— Изначально занимался написанием заметок про компьютерные игры для детей. Когда опубликовали первую, мне заплатили гонорар — 900 рублей. За месяц добросовестной службы мне платили 1090 рублей.

Вскоре по разным причинам из органов пришлось уволиться, и я еще более плотно стал заниматься компьютерными играми, в том числе переводами. Чуть позже в этой достаточно специфической отрасли я стал одним из самых главных писателей-переводчиков, если не самым главным.

На коробочках переведенных мной игр стали ставить специальный штампик: «В переводе ст. о/у Goblina», после чего игры раскупались вдвое лучше.

В общей сложности, продано более миллиона переведенных мной игр, так что, в той области я достаточно хорошо известен. Можно сказать, «в авторитете».

— **Неужели переводы фильмов ничего не приносят?**

— Я перевожу для лицензионных производителей — для телевидения, видеопроката и DVD. Например, для «Рен-ТВ» перевел 31 серию мультфильма «Южный парк», для кинокомпании СТВ творчески переработал фильм «Бумер», для компании CP Digital перевел коллекционные издания фильмов «Бешеные псы» и «Хроники Риддика» на DVD.

Работы много, и живу я совсем неплохо. Впереди маячит еще масса перспективных проектов. Если людям интересно то, что я делаю, у меня существуют определенные расценки, и я... наяриваю.

— **Кстати, откуда у опера такое знание английского языка?**

— В школе я учил немецкий. Но мне очень хотелось узнать, про что же истошно визжит группа «Лед Зеппелин», так отличавшаяся от «Самоцветов».

В итоге, когда перевел, оказалось, что лучше это вообще не переводить. На что гляжу — про то пою, стиль «акын» сплошной.

Язык учил потихоньку, сначала — сам, потом — на двухгодичных курсах при ДК милиции. Не могу сказать, что на данный момент знаю язык в совершенстве и не делаю ошибок. Все мои переводы сначала отсматривают друзья — очень вьедливо и крайне недоброжелательно. Услышав где-нибудь ляп, сразу радостно кричат — что ж ты, сволочь, там налажал, тут налажал!

— **Отдельный вопрос про ваши нашумевшие версии «Властилина колец». Наверное, у «пиратов» был настоящий праздник с плясками, когда они это услышали?**

— Мои переводы очень часто ругают за отсутствие шуток. Правильно, отвечаю, потому что в оригинале нет шутки, а то, что вы приняли за шутку, — отсебятина предыдущего переводчика. Нет, говорили мне, просто ты так не можешь, нет в тебе Божьей искры, поэтому и фильмы в твоём переводе получаются тупые. Я сперва злобствовал, а потом думаю — дай тоже пошучу. Ну, и нашутил.

Так родился проект «Божья искра» и фильмы «Братва и кольцо», «Две сорванные башни» и «Возвращение бомжа».

— **Значит, опять перевели для друзей, и это пошло гулять по стране?**

— При нынешних технологиях и возможностях копирования оно расплозается, как пожар в степи. Мгновенно. Ну, и, конечно, потому что очень необычно и смешно.

— **Чувство юмора у вас — природное?**

— Считаю, что да. С интеллектом связано напрямую — давно заметил. Чем умнее человек, тем он интереснее острит.

— **Будем считать, что слава к вам пришла. Чего ждать от вас дальше?**

— Мне уже поступали разные предложения, например, диалоги писать для разных фильмов, где действуют специфические герои уголовно-полицейского характера. Предлагали даже сценарии сочинять. Но я считаю, что умею сочинять только в строго ограниченной области и только тогда, когда мне это очень сильно интересно. То есть на заказ не могу сотворить шедевр.

— **Божья искра нужна?**

— Именно. А самому очень хочется снять, например... фильм. С милицией, бандитами. То есть нечто злобно-веселое. Циничное. Про жизнь. ☺

«Я всегда говорю, что фильмы, которые я перевожу, не для детей. И уверен, что моими стараниями в недалеком будущем на афиши кинотеатров вернутся таблички: «Детям до 16...»

«Я работаю только в строго ограниченной области и когда мне это интересно. И не могу казать, что на заказ могу сотворить шедевр «вот просто без промедления»...

АВТОР, пиши еще!

или Особенности
российского
книжного бума

текст
Евгений
Шляхов

Писатель Максим Горький как-то сказал, что каждый человек имеет право написать одну книгу. Видимо, писатель подразумевал «только одну книгу», однако человечество восприняло его заявление буквально и стало массово литераторствовать.

Количество наименований книг, выходящих ежегодно в стране, перевалило за стотысячный рубеж еще в 2006 и до сих пор уверенно держится на взятой высоте. Федеральное агентство по печати и массовым коммуникациям рапортует о достижениях книгоиздателей так азартно, будто бы решило извести комитет по развитию лесной промышленности.

Пишут домохозяйки и телеведущие, врачи и блоггеры, политики, олигархи, их жены, любовницы, садовники, повара и собаки.

И только у меня еще нет своей книги. Это, я считаю, неправильно.

Вначале было слово

К сожалению, чтобы издать свою книгу, ее нужно написать. Для чего требуются творческая натура, вдохновение, талант, фантазия, желание разобраться в себе и мире, кризис младшего, среднего и старшего возрастов, тщеславие и многое другое.

«Еще Антон Чехов предлагал родившегося дитяту сразу же пребольно высечь, приговаривая: «Не будь писателем!» И если уже начнет писать, то значит, так тому и быть», — просветила меня писатель Юлия Пелехова, автор трех биографических книг. — Просто однажды наступает в жизни момент, когда не написать вот это самое, что хочешь сказать, уже невозможно». Первую книгу Юлия написала в сложный период жизни, после тюрьмы и предательства, под влиянием друзей, которые старались вернуть ее к жизни.

«Я писать начала неожиданно для себя», — рассказала автор острозюжетной прозы Мария Биккер. Сначала выслушала отзывы друзей и близких, потом передала рукопись в издательство. Там отказали. Но писать Мария не бросила: сам отказ стал мощным стимулом для творческого роста. А все ее последующие произведения

были издательствами одобрены.

И петербуржец Сергей Кормилицын, написавший пять исторических книг, первую выпустил совершенно случайно: защитил кандидатскую и ушел из науки на журналистские заработки. Издательство «Нева» предложило «переписать диссертацию человеческим языком и опубликовать. Оказалось, что один из бывших студентов меня порекомендовал. Первая книжка разошлась. Спросили, не хочу ли я продолжить в том же духе», — вспоминает он.

Кормилицыну хорошо — был обладателем информации, которой ни у кого больше не оказалось, и хотел сказать дилетантам правду. А мне что делать? Я никакой особой правды не знаю, и знать не хочу, а хочу быть писателем, с дачей в Переделкине и никак иначе.

«Моя первая книга была о проекте «Дом-2», — подкинула мне блестящую идею бывшая участница этого телешоу Люся Алексеева. — Написала я быстро, за полтора месяца. С упованием переживала все те эмоции, которые были на проекте. Часто просыпалась ночью, чтобы записать то, что вспомнилось. Проблем с издательством не возникло. Они наперебой предлагали свои услуги. Вторую

книгу выпустить гораздо легче, чем первую, так как есть опыт сотрудничества с издателями».

Издатель в России — больше чем издатель

Про издателей-то я как раз и не подумал. Допустим, написал я роман, хороший, с юмором, про жизнь, природу и пылающие чресла. А что дальше? Я позвонил в три разных известных издательства. Про книгу спрашивали мало, сразу предложив самому оплатить весь тираж. Тысяча экземпляров с версткой, корректурой, редакторской правкой, оформлением и обложкой стоит от 100 до 500 тысяч рублей (500 — это с написани-ем), в зависимости от издательства, типа бумаги, формата и пр.

В провинции эту же книгу мне были готовы напечатать за 50 тысяч, что с экономической точки зрения должно было радовать, а не радовало. Выиграли амбиции — мне должны платить за книгу, а не я! На этой ноте возмущения я еще раз перезвонил во все издательства и, сразу сославшись на безденежье, порекомендовал печатать мой гипотетический роман за их счет. Там посоветовали прислать рукопись и ждать. Что-то мне подсказывало, что ждать придется долго. Хотелось успеть до пенсии. Чтобы отвлечься, я принялся подсчитывать возможные барыши.

«Самый большой гонорар, который я получил по авторскому договору — 3000 долларов, — поделился своим опытом Александр Гриценко, писатель и литературный критик. — Это было издание пьесы «Носитель». Вообще, сейчас в наше время серьезную литературу издатели брать не хотят. А если и берут, то платят очень мало. Средний гонорар не превышает тысячи долларов. За пьесу мне заплатили больше, потому что она получила литературную премию «Дебют». В издательствах ждут авторов, которые пишут фантастику или детективы. Хотя очень сложно убедить редактора прочитать. Рукопись желателно принести самому, в распечатанном виде, а потом звонить, не переставая. Тогда, возможно, через полгода-год ваш текст прочтут. Издательствам нужны новые коммерчески успешные авторы, но самотеку уделяется мало внимания, ибо не до этого».

Для профессии писателя нужен сильный характер и вера в себя — это и Юлия Пелехова подтвердит: «Мы с одним мелким, но противным издательством были навязаны друг другу в результате каких-то договоренностей «на высшем уровне». Они уговорили меня изменить название книги, пообещав, что изначально будет поставлено подзаголовком. Обманули. Мнения автора, что он хотел бы видеть на обложке, также никто не спрашивал».

Также Юлия рассказала, что издательство не спешило исправить ошибки, которые были выявлены на допечатном этапе, а также выплачивать гонорар. «Республика индиго» вышла почти через полтора года после сдачи рукописи, — вспоминает писательница. — Такой же путь проходили и более известные писатели. Долго заставляли писать «в стол» Маринину. Акунина не издавали пять лет. Веллер описал свои мытарства в книге «Мое дело». Когда мне становилось очень грустно от поведения издательства, я перечитывала Веллера».

«Лучше всего продаются женские детективы. Авторы других коммерческих жанров еще не скоро догонят по тиражам Дарью Донцову. Потому что домохозяйки — самый благодатный читатель»

Я уже тоже собрался перечитывать Веллера, но автор психологической женской прозы Ника Муратова неожиданно успокоила: «Написать первую книгу легче, чем издать. Думаешь, ты гений и обижаешься, что издатели этого не видят. Со временем становится наоборот. Писать тяжелее — больше требований к себе, а издавать легче, так как уже есть наработанные отношения с издательством. Правда, чтобы втиснуться в готовую серию, мне пришлось исправлять чуть ли не половину текста. Многие авторы не хотят

этого делать, продолжают искать своего издателя, где их рукописи примут такими, какие они есть».

Конъюнктурный вопрос

И все же — книги выходят, я же вижу — полки в магазинах гнутся под их тяжестью. И то, что люди эти книги покупают, я тоже вижу. Может, попробовать писать то, что лучше продается? Я ж — вообще не очень принципиальный, я ж ради домика на море могу и на потребу массовой аудитории литераторствовать...

«Лучше всего продаются женские детективы, — обрадовал меня Александр Гриценко. — Авторы других коммерческих жанров еще не скоро догонят по тиражам Дарью Донцову. Потому что домохозяйки — самый благодатный читатель». Гриценко отметил также, что именно среди детективов много некачественных поделок. Этих авторов выпускают небольшими тиражами в известных сериях, поэтому книги расходятся. Некачественного фэнтези тоже

очень много. Но, в отличие от детективистов, авторы неудачных фэнтезийных книг быстро сходят с арены. Почему-то недостает «вампирических романов», «ужасов» — того, что в Штатах издают миллионными тиражами.

Решиться на фэнтези или на «ужасы» мне категорически не хватало духа, а на женские детективы — пола. Поэтому я присматривал жанры полегче. Вот Евгений Шестаков, автор «Пьяных ёжиков» и «Дятла, оборудованного клювом», промышленляет юмором. С издателями у Евгения проблем не было: «Заплатили за первую книгу

неплохо, с учетом российских реалий. Но нормально зарабатывать только сочинительством писатель-юморист не может. Он должен либо выступать на сцене, либо делать что-то еще».

Да что же это такое — подумал я, подразумевая безвыходность своего положения. Книгу захочешь — не напишешь, напишешь — не издашь, издашь — не продашь. Но ведь пресловутый Минаев — продается! Робски — продается!

«Откуда взялся Минаев, как вы думаете?» — ответил вопросом на вопрос о конъюнктуре критик Андрей Немзер. — Вмиг взлетел со своими романами на вершины топов продаж. Важнейшим условием стала простая вещь — вложения. Продается лучше всего то, во что вложено больше денег».

«Писатель и его книги сегодня — это товар, — подтвердила Юлия Пелехова. — Издатели сами цинично говорят, что мы продадим кого угодно, сделав соответствующую рекламу. Есть непроверенные сведения о том, что книги Оксаны Робски издателю принесли вместе с полутора миллионами долларов на их раскрутку. Результатом, как видите, стала великая рублевская писательница. Правда, сейчас ее книги издавать уже никто не хочет».

«В России профессия писателя была модной всегда, — уверен Александр Гриценко. — Писатель в России — это светский духовник, психолог, жрец. Мода на профессию «писатель» возродилась, потому что богатые люди нашей страны решили расширить зону своего влияния... Но они не понимают, что писать нужно учиться с детства, этому надо посвящать целую жизнь, только тогда, возможно, что-то и выйдет стоящее».

Откуда бум?

Массовое писательство телеведущих, участников шоу, актеров и спортсменов объясняется корыстным интересом издательств — известные лица хорошо продаются. Звездам и писателям хорошо приходится. Как рассказала Люся Алексеева, большинство из них надиктовывают книгу на диктофон, а потом передают редактору на расшифровку записи.

Другое дело — откуда же взялся книжный бум, почему писать стали люди, не известные широкому кругу, далекие и от литературы, и от телевидения? «Книжного бума в России нет, — твердо заверил меня Михаил Веллер. — Тиражи неуклонно падают. Стараясь выжить, издатели забывают все щели в рынке всевозможной продукции». «То, что называется сегодня в России книжным бумом — это пока еще отголосок прежнего «а что, уже можно? И долго еще будет можно?» То есть можно писать о чем угодно и читать об этом же, — утверждает Юлия Пелехова. — Пока еще не прошло детское желание эпатировать, не удовлетворена потребность в рефлексии, что всегда было свойственно русским».

А писатель Мария Биккер уверена, что бум все-таки имеется, и причину его видит крайне неожиданную: «Половина населения России — романтики, и у многих создается иллюзия, что написать «легкую» книгу легко».

«Издают много, а читают все меньше, — удивляется критик Александр Гриценко. — Обывателям в маленьких городах не известны Букеровские лауреаты Маканин, Славникова, Кабаков. Они не знают модных авторов — Минаева, Робски. Например, в Астрахани можно купить Маркеса,

Борхеса или Кафку только в одном магазине, да и там книги этих авторов лежат в единственном экземпляре — на всякий случай». По данным исследования ВЦИОМ, только 27 процентов россиян в свободное время читают книги.

Александр добавляет, что в лучшем случае более взрослая часть населения потребляет романы Донцовой и Устиновой. Студенты предпочитают фэнтези. Серьезную литературу не читают вовсе. Стали, по мнению Гриценко, покупать больше книг жители крупных городов — Москвы, Санкт-Петербурга, Новосибирска, Казани. Население городов-миллионников мечтает о дорогих машинах, деньгах, гламуре. Для них важно не качество литературы, а возможность прикоснуться через роман к красивой жизни. За счет этой группы потребителей объем издаваемых книг увеличивается — они приобретают романы Робски, Минаева. Но, как правило, это книги-однодневки.

«В том, что 99 процентов сочинений наших современников исчезнет, нет ничего нового, — утверждает Гриценко. — Когда я учился в Литературном институте, то мы с сокурсниками попытались отыскать книги литераторов 20-х годов. Ну, тех самых, описанных у Булгакова, из МАССОЛИТа. Обрыскали все архивы и библиотеки, ничего не нашли. Кое-что из их творчества, совсем мало, обнаружили в газетах: книги, не имеющие художественной ценности, долго не хранятся. То же самое, думаю, ждет и многих современных авторов».

Так что, пожалуй, хорошо, что у меня пока нет своей книги. Это, я считаю, очень правильно. ☐

Почему романы и повести
издают сегодня чаще рассказов

Культформат

В том, что сейчас в России широко публикуется всякий, у кого есть на то деньги и желание, сомнений уже и не осталось. Другое дело, что книги эти, как правило, романы и прочие длинные произведения

По оценкам Владимира Кукушкина, редактора издательства «ОГИ», количество издаваемых рассказов за последние годы убавилось процентов на девяносто. «Нет спроса, поэтому издательства не берутся за их публикацию», — объясняет Левон Григорян, генеральный директор ИД «Гелеос».

«Чтобы автор мог жить со своих произведений, ему нужно издавать 2—3 книги в год, — подсчитывает Илья Фальковский, член совета директоров ОАО «Международная книга». — По объему роман — это рассказов так 50. Писать в год 100—150 хороших рассказов мало кому под силу. Для современности короткие формы предпочтительней длинных, потому что таковы скорости, ритм жизни. Но если рассказы перестанут печататься вообще, литература окажется под угрозой — читателя будет хватать, в основном, на боевики, поповские детективы и т.п.»

Сохранение рассказов как жанра заботит разве что литжурнал «Новый мир». С 2000 года он вручает Литературную премию им. Юрия Казакова. За первое место полагается 3000 долларов. Но широкой публике имена победителей особо не известны.

«Написать хороший рассказ намного тяжелее, чем роман или повесть. Я бы лично не взялась, — признается Люся Лютикова. — «АСТ», где я издаюсь, еженедельно получает около 10 (!) рукописей со всех уголков России. Как вы думаете, сколько среди них сборников рассказов? Ни одного. Появись сейчас на литературном небосклоне новый Рэй Брэдбери или Антон Павлович Чехов, издатели вцепились бы в него мертвой хваткой».

Михаил Визель, редактор «Иностранной литературы», считает, что «толщина книги в эпоху блогов дает некоторую минимальную гарантию серьезности намерений автора. Сборники и антологии рассказов сейчас «отжаты» из крупных коммерческих издательств в маргинальные, «нишевые» (Ad Marginem выпускает рассказы

Альдо Нове, «Колонна» — Пола Боулза).

Мейнстримовые издательства («Захаров») позволяют себе издавать рассказы авторов уровня Пелевина или Сорокина. На худой конец, Прилепина («Вагриус»).

Владимир Харитонов, редактор «АСТ», считает, что стереотип о коммерческой неуспешности рассказов сложился у издателей лет семь назад. «Ультракультура» выпускала сборники рассказов, они продавались не хуже и не лучше других книг. Рассказы удобны для чтения в метро. В США их издают и читают. Наверное, рассказы вернутся и в Россию».

Константин Мильчин, книжный обозреватель «Ведомостей», полагает, что процесс

«Я абсолютно уверена, что, появившись сейчас на литературном небосклоне новый Рэй Брэдбери или Антон Павлович Чехов, издатели вцепились бы в него мертвой хваткой»

уже пошел: «Сейчас многие писатели в одной книге с романом публикуют рассказы. Есть новые авторы, получившие известность именно благодаря коротким текстам: Анна Старобинец, Владимир Нестеренко».

«Что на самом деле хотят читатели, никто не знает. То, что рассказы печатать не стоит, решили маркетуны издательств», — размышляет Алексей Боярский, специализирующийся на рассказах из офисной жизни.

С одной стороны, применение рыночных законов к искусству все-таки обедняет его. Зачастую именно производитель, изо всех сил старающийся подстроиться под спрос, не понимает, что именно он и способен этот спрос формировать.

С другой стороны, качественные авторы (и их рассказы) все равно будут издаваться. Кафка, Платонов и многие другие получили известность, несмотря ни на что. ☐

текст
Александр
Литой

Александра Захарова:

На сцене
нужно
ЖИТЬ

Хорошо знакомая широкому зрителю по фильмам «Формула любви» и «Убить дракона» народная артистка России Александра Захарова является настоящей примой в театральном мире. Ключевые роли в постановках легендарного Ленкома, две Государственные премии и «Хрустальные Турандот»... Дочь великого режиссера уверена, что сцена не позволяет лгать, что главное в человеке — способность удивляться, и что нашей жизнью управляет всемогущая Судьба

текст
Елена
Воробьева

фото
Сергей
Шиманев

«Театр — искусство живое, ему много столетий, и Бог даст, еще проживет и переживет все, что будет»

— **Один артист сказал, что его герои на сцене всегда равны его возрасту. Это так или нет? Известно, что королева сцены Сара Бернар в семьдесят лет сыграла Джульетту, а в роли Гамлета покорила Станиславского. А двадцатилетнего Орленка, несчастного сына Наполеона Бонапарта, актриса сыграла, когда ей шел пятьдесят шестой год!**

— Сцена — вещь условная. Она на метр выше зала. На ней ты должен быть правдив, реалистичен. На сцене ты — свободен. Как актер ты интересен именно, когда ты — над ситуацией, когда не утопаешь в этом, а чуть-чуть над... Это удается большим актерам и крупным личностям в жизни.

Среди моих героинь есть, конечно, роли, соответствующие моему возрасту, — например, Екатерина I или графиня Альмавива. Но сегодня возрастные критерии сдвинулись на десять лет, если не больше. Помните, как во времена Пушкина: «Шла старая, беззубая женщина сорока лет»... А нынче сорок — это самый расцвет жизни, как для женщин, так и для мужчин.

Ведь как красива, как хороша Катрин Денев в свои годы — в нее и сейчас можно влюбиться! А великая Эдит Пиаф?! Не важно, сколько тебе лет. Важна Индивидуальность, Самобытность, Дух. Важно то, как ты живешь, твое мировоззрение.

— **Что нового происходит в вашей творческой жизни?**

— У нас вышел замечательный спектакль «Женитьба», по Николаю Васильевичу Гоголю, где я играю Агафью Тихоновну. Выпускал «Женитьбу» Александр Абдулов — сыграл три спектакля в Самаре. Мы так и думали: «обкатаем» спектакль в Самаре и привезем в Москву, но...

Как говорится, хочешь рассмешить Бога — расскажи ему о своих планах.

В кино снялась в четырехсерийной телевизионной картине — мелодраме, вместе с Адой Роговцевой, Игорем Золотовицким. Сейчас начинаю работать в дебютной картине Сергея Степанченко. В этом месяце театр едет на гастроли в Санкт-Петербург — везем «Шута Балакирева» и «Женитьбу». А в ноябре планируются гастроли в Израиле со спектаклем «Женитьба».

— **На что для вас делится мир?**

— Мир для меня такой, какой он есть. Театр. Дом. Кинематограф — к сожалению, в наименьшей степени. Я мало снимаюсь.

Театр для меня — тот же дом. Мне дороги люди, которые в нем служат. Раньше актеры говорили: «Я не работаю в театре. Я в нем служу». Про себя скажу, что я служу в театре.

— **В чем, на ваш взгляд, особенность театра?**

— Театр — искусство живое, ему много столетий, и Бог даст, еще проживет и переживет все, что будет. Потому что в театре актер соединяется со зрителем, с пространством, и с нами вместе что-то происходит.

В театре нельзя обманывать. В кино может обмануть крупный план. В театре — нет. Если в тебе нет определенной энергетики, если у тебя не болит душа, если у тебя нет четкой жизненной позиции, то ты неинтересен. Театр — это вот сейчас, в это мгновение...

Мне иногда кажется, когда выхожу на поклон — все, вот еще один спектакль, и такого уже не будет.

— **Актер — ранимый человек?**

— Конечно, а иначе на него неинтересно смотреть. Если артисту на все наплевать в жизни, на сцене, то тогда зачем на нее выходить? А играть... играть можно в карты или в домино. На Сцене играть нельзя, на Сцене нужно Жить. Когда на сцене просто играют — это сразу видно, а когда играют в жизни — зачастую становится противно.

— **Современная жизнь порой бывает очень жесткой. Как же сохранить в себе чистоту души?**

— Наверное, нужно обладать какой-то степенью таланта и оптимизма. В жизни больше хорошего, чем плохого. Ценно, когда человек умеет это видеть, когда он не утрачивает способность верить и доверять. А если он теряет эту способность удивляться и радоваться чему-то простому и одновременно гениальному — цветам, дождю, солнцу, животным, — вот это по-настоящему страшно.

Думаю, что во всем надо искать позитив — иначе не выжить.

— **Искусство — великое приобретение человечества. Как вы считаете, оно помогает жить?**

— Безусловно. Например, идешь по центральной улице и видишь замечательный проект — на стене дома висит копия известной картины. Разглядывая ее, ты отвлекаешься от бесконечных вывесок, растяжек, витрин. Едешь по Ленинградке — кругом реклама, реклама и, вдруг... копия полотна Борисова-Мусатова. Как здорово!

— **Нельзя ко всему ровно относиться в жизни?**

— Нельзя быть ко всему лояльным! Нужно жить страстями. Надо что-то любить, что-то ненавидеть. Когда в жизни боишься выразить словами свои взгляды, свое настроение, свое приятие или неприятие чего-либо, тогда эти слова

«Играть можно в карты, на Сцене играть нельзя, на Сцене нужно Жить. Когда на сцене играют — это видно, а когда играют в жизни — противно»

«Нельзя быть ко всему лояльным! Нужно жить страстями. Надо что-то любить, что-то ненавидеть»

«В жизни отвечаешь за все — за хорошее и за плохое. Все возвращается и все наказуется. Если украл — изволь отдать. Возвращать придется гораздо больше»

остаются внутри, растворяются в тебе, и мне кажется, человек становится ко всему безразличен и равнодушен: к бездомным детям, к брошенным животным, ко всему... И тогда, можно сказать, он умирает...

— **Значит, вы считаете, что покой в душе — это плохо?**

— Нет, наоборот. Покой — это счастье, «на свете счастья нет, а есть покой и воля». Обрести покой очень сложно — это духовное, философское понятие. Помните, у Булгакова Понтий Пилат просит покоя? Покой — это верх блаженства.

— **Может ли в жизни наступить некий момент удовлетворения собой, или все время нужно стремиться «вверх»?**

— Чем выше в жизни планка — тем выше ты прыгаешь. Человек не может постоянно парить, широко расправив крылья, есть и взлеты, есть и падения. А в общем, у каждого — свой путь.

— **А как правильно его выбрать?**

— Я — фаталист и верю в Судьбу, от нее не уйдешь. Это как спектакль выстраивается: вот есть определенные основы в пьесе, и ты идешь по мизансценам, по этим невидимым колышкам, да, у тебя есть коридор для импровизаций, но он небольшой...

— **Почему зрители, сидящие в зале, спереживают Ромео и Джульетте, а в жизни часто предают свою любовь?**

— Не знаю... Мои родители живут вместе пятьдесят с лишним лет. Если у них давление измерить, то оно будет абсолютно одинаковым, анализ крови будет один и тот же.

Предать любовь — это страшно. Мне кажется, даже страшнее для того, кто предает. А тот, кого предали, приобретает горький опыт и становится во многом мудрее. Тот же, кто предал, — о своей душе не думает.

— **Какие качества не приемлете в людях?**

— Зависть. Самое отвратительное качество. Зависть разрушает человека, его мозг, его душу. Завистник убивает человека, которому завидует, посылая злую энергию. И еще злость и жадность — они разновидность зависти.

Можно любить или негодовать, но ни в коем случае не злиться! А уж на сцене — подавно: когда злость, мелкопакозная злость выдается за темперамент — это всегда очень чувствуется, зритель не обманешь. Мне не понятно, когда люди копят деньги, когда «царь Кашей над золотом чахнет». Откуда ты знаешь, может, Аннушка уже разлила масло?... Может, кирпич летит сверху?... Надо проявлять в жизни разумный эгоизм, чтобы людям вокруг жилось легче.

— **Хорошие деяния человека, как и плохие, всегда возвращаются?**

— Конечно. В жизни отвечаешь за все — и за хорошее и за плохое.

Все возвращается и все наказуется. Если украл — лучше верни. Иначе возвращать придется гораздо больше.

— **Говорят, вы очень любите литературу и много читаете?**

— Дело не в количестве. Важно не то, сколько ты книг прочитал, а те мысли, которые появились после чтения.

— **Вы много путешествуете, а есть ли места, куда вам хотелось бы вернуться?**

— Сложно сказать... Очень нравится Германия, особенно люблю Мюнхен.

Последнее время мы живем за городом. У нас — небольшой дом и небольшой участок. Чтобы создать свой «микромир», мы посадили березы, большие кусты сирени, рябину, акацию. Все утопает в зелени. Зеленый цвет — такой разный, в природе существует великое множество его оттенков — диву даешься!

Забор засадили диким виноградом, и осенью он становится пунцово-багровым, рядом красуются красно-желтые клены. Деревья, кусты сажали все сами, и посадили неупорядоченно. И в этом тоже, своего рода, творчество Марка Анатольевича, мамы, меня. С одной стороны, у нас получилось подобие березовой рощи, с другой — ботанического сада.

Эдакий Эдемский сад, и я его очень-очень люблю! Лучше этого места сейчас, мне кажется, нет на Земле! Даже не хочется уезжать в Москву. А как дивно птицы поют! Ночью заливаются соловьи, ранним утром слетаются кричащие утки, чуть позже еще какие-то птицы к ним «подключаются», вороны «присоединяются», лягушки вступают... Настоящий джазовый оркестр, такое удивительное многоголосье!

— **Можете назвать интересный фильм, который удалось посмотреть?**

— Недавно включила канал «Культура» — шел старый, классический французский фильм «Дон Кихот». Черно-белый, пленка плохого качества, смотрю и никак не могу понять, кто на экране. Какой-то огромный человек... Завораживающий голос...

Глаз не оторвать! Такая глыба! Оказалось, это был Шаляпин!!!

— **Вы могли бы представить себя в другой профессии?**

— Я — актерский ребенок, нанюхавшийся закулисных опилок, сбрендивший от любви к сцене. К тому же у меня такая группа крови, которая не позволяет не выходить на сцену. ☞

премьера

Елена Воробьева
на подмостках

Спектакль «РАСПУТНИК», Э.Э. Шмитт
Театр Сатиры

Эрик-Эммануэль Шмитт — один из самых известных и востребованных в Европе писателей и драматургов. В 1997 г. Шмитт написал пьесу «Распутник», своего рода философскую комедию о Дидро. Как рассказывает сам Шмитт, «Дидро — мой учитель, но не в плане философии, а в плане свободы. Он для меня — пример того, чем должен быть писатель. Надо писать философию в виде сказок, пьес, диалогов. Не быть носителем правильного вкуса, а наоборот, иметь смелость смешивать анекдоты с серьезными вещами, делать неожиданные ходы. И еще мне нравится в нем то, что он изначально не претендует на истину». Философские опыты, отношения с миром и личность Дени Дидро интересовали Э.-Э.Шмитта всю сознательную жизнь. Началось все с работы над диссертацией, а закончилось пьесами и романами. Шмитт, а вслед за ним постановочная группа Театра Сатиры, решили показать знаменитого философа во всем блеске противоречий. Андрей Житинкин и блестящая актерская компания во главе с народными артистами Юрием Васильевым и Аленой Яковлевой показывают, насколько этот блестящий мыслитель был свободен, как свободно менял свои мнения, противоречил себе, начинал каждый раз с нуля, все время размышлял, никогда не был ни в чем уверен.

«Это самая веселая моя пьеса. Написанная весной, для весны, с сильным ощущением обновления, жизненной силы», — сказал о своей работе Э.-Э.Шмитт. В спектакле заняты прекрасные актеры Ю. Васильев, А. Яковлева, М. Ильина, Е. Подкаминская, С. Малюкова, Е. Свиридова, О. Вавилов, И. Шмаков.

Балет С. Прокофьева «РОМЕО И ДЖУЛЬЕТТА»
Русский Императорский балет под руководством
Гедиминаса Таранды на сцене «Новой Оперы»

Сюжет бессмертной трагедии Уильяма Шекспира привлекал многих композиторов и балетмейстеров. Сергей Сергеевич Прокофьев был первым композитором, который создал настоящий шекспировский балет — один из лучших балетов XX века. Его музыка волшебна, проникновенна и невероятно нравится танцовщикам, под нее, со слов знаменитых мастеров, легко танцевать.

«История о кровной вражде двух семейств, о любви и смерти двух влюбленных в сочетании с «сильной, поистине зримой музыкой, столь созвучной Шекспиру, музыкой, содержащей ясные, яркие характеристики», — считала великая Галина Уланова. Давней мечтой балетмейстера и танцовщика Гедиминаса Таранды была постановка «Ромео и Джульетты». Его интересовало все — и прекрасная, чистая любовь юных героев, и красочная ренессансная Верона, и комические образы кормилицы и слуг. Это своеобразная театральная фреска — масштабная и лиричная, темпераментная и трогательная. Она воскрешает в памяти незабываемые композиции мастеров эпохи Возрождения. Хореография спектакля следует классическим традициям с использованием итальянских мотивов.

Хореография — Леонида Лавровского, редакция — Михаила Лавровского, хореография финала второго акта балета — Гедиминаса Таранды, сценография — Евгения Лысика, художник по костюмам — Анна Ипатьева. Спектакль идет в сопровождении блистательного оркестра театра «Новая Опера».

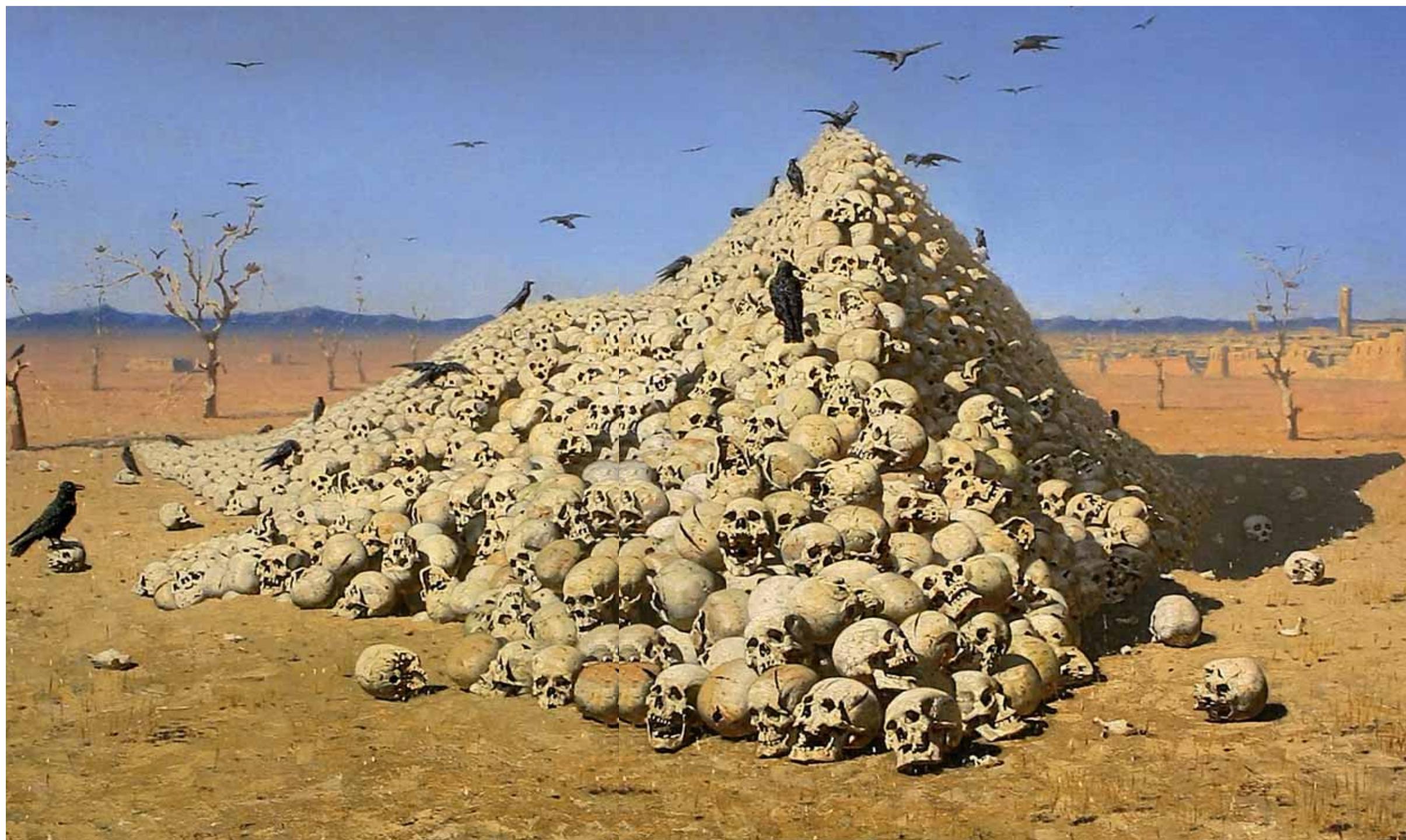

«Апофеоз войны»

Василий Верещагин

Сюжет этой картины Василий Верещагин нашел в трудах историков. Грозный Тамерлан приказывал воздвигать пирамиды из голов поверженных врагов во устрашение подданных своей огромной империи. И позже по примеру великого предшественника среднеазиатские правители возводили такие «памятники» своим врагам. Поначалу Верещагин хотел назвать картину «Торжество Тамерлана». Но потом передумал — содержание, пафос полотна был гораздо шире. И художник назвал свою картину «Апофеоз войны», а на раме начертил: «Посвящается всем великим завоевателям: прошедшим, настоящим и будущим». Рассказывают, что когда его просили определить ее жанр, он говорил, что это — натюрморт. Мертвая натура.

текст
Ирина
Опимах

«Смертельно раненный»

Летом 1867 года двадцатипятилетний Василий Верещагин вернулся в Петербург из Парижа. Этот молодой художник, совсем недавно отказавшийся от карьеры морского офицера, поучившийся в Академии художеств и посидевший в классе известного парижского живописца Жерома, считал, что ему не хватает новых впечатлений. И тут его преподаватель и друг А.Е. Бейдеман обмолвился, что туркестанский генерал-губернатор Константин Петрович Кауфман ищет себе в свиту художника, дабы тот на батальных полотнах запечатлел подвиги его и его солдат во славу великой России.

Ислам запрещал рисовать людей, и потому местные жители возмущались, когда Верещагин делал эскизы с их портретами. Но, заметив сходство, улыбались и прощали нарушение мусульманских законов

Верещагин сразу загорелся — Туркестан даст ему новые сюжеты, новые краски.

А еще ему страстно хотелось узнать, что это такое — настоящая война. Он встретился с Кауфманом, показал

«Двери Тимура (Тамерлана)»

ему свои работы, и тот согласился взять в Туркестан молодого способного художника.

Верещагин выехал из Петербурга в Туркестан в августе 1867 года. На пути ему попадались развалины старинных городов и крепостей, которые разрушало время и местные жители. В Джанекенте, древнем заброшенном городе, художник произвел с помощью двух нанятых казахов раскопки и обнаружил человеческие кости, останки животных, кувшины, обломки глиняной утвари, кусочки стекла и украшений.

Во время раскопок он жил в настоящей кибитке, погружаясь в быт и обычаи казахов. И почти каждый день делал записи в своем дневнике, рассказывая о том, что с ним происходит в этом так не похожем на Петербург мире. В альбоме появляются выразительные портреты казахов — молодых и старых, женщин и мужчин.

Добравшись до Ташкента, Верещагин обосновался в единственной тогда в городе гостинице. Она выходила окнами на центральную площадь, посреди которой стояла церковь, построенная русскими. Рядом возвышался дом губернатора. В записках Верещагина — подробное описание тогдашнего Ташкента: глинобитные домики бедняков и жилища богачей, узкие улочки и каменные мечети.

Казалось, представители всех народов стремились попасть на ташкентский базар, и Верещагин без усталы зарисовывал в свой альбом портреты самых разных представителей человеческой породы. Он замечал, что очень многие из них, нередко походившие на настоящие скелеты, находили удовольствие в покуривании наркотических трав. Он видел местных женщин, живших, как пленницы в своем собственном доме.

«Перед атакой. Под Плевной»

Однажды на глазах Верещагина группа всадников преследовала бегущую женщину. Догнав, они осыпали ее грубой бранью, а один из них спешился, накиннул на шею женщины аркан и привязал несчастную к седлу. Эта женщина сбежала от мужа, объяснили Верещагину, а потому заслуживает наказания. Художник попытался заступиться за женщину, но ему сказали, что купленная жена становится собственностью мужа, а потому не имеет никаких прав, кроме права умереть.

Снабженный рекомендательными письмами властей, художник много путешествовал по селениям и городам Туркестана.

Что бы с ним ни происходило, он не выпускал из рук карандаш и блокнот. Ислам запрещал рисовать людей, и потому местные жители возмущались, когда художник делал эскизы с их портретами. Но, заметив сходство, улыбались и прощали нарушение мусульманских законов.

На подступах к Самарканду шли бои русских отрядов с войсками эмира. В конце концов, русские взяли город. «Жители города, — писал Верещагин, — видя, как их единовольцы бежали что есть мочи, поспешили запереть перед их носом ворота, так как боялись своих солдат более, нежели христианского войска... Они послали к победителю депутацию из главных граждан, между которыми были мулла и аксакалы, и на другой день сражения один отряд русской армии вступил в Самарканд с генералом Кауфманом». Это бескровное взятие столицы произошло 2 мая 1868 года.

Город Тамерлана и Улугбека очень понравился художнику. В его альбоме стали появляться сады, дома, утопающие в зелени, величественные дворцы и мечети, лавки и

Верещагин назвал свою картину «Апофеоз войны», а на раме начертал: «Посвящается всем великим завоевателям: прошедшим, настоящим и будущим»

мастерские ремесленников, жанровые сценки, произведения народных умельцев, яркие портреты.

В городе было беспокойно — эмир и его люди постоянно подстрекали горожан к нападению на русских. И когда Кауфман, который не придавал большого значения подстрекательской деятельности эмира, покинул город с основными силами, оставив в Самаркандской крепости лишь небольшой гарнизон, противник начал штурм.

Вот когда художнику «посчастливилось» не только увидеть, но и поучаствовать в настоящих военных действиях! Гарнизон русских насчитывал всего пятьсот человек, в эмирском войске было около двадцати тысяч!

Верещагин встал в ряды защитников крепости. Семь суток художник сражался, как простой солдат, убирал тела погибших, был с солдатами и днем, и ночью, видел умирающих в лазарете, изуверскую жестокость противника, всеобщее ожесточение — как с одной, так и с другой стороны.

Тем временем войска Кауфмана одержали победу над армией бухарского эмира, вошли в Самарканд, и мир в го-

«Побежденные.
Панихида»

роде был восстановлен. Кауфман жестоко покарал людей эмира. Верещагин рассказывал в своих записках о жестокости и часто бессмысленном насилии.

За проявленное мужество при обороне Самарканда Верещагин был награжден Георгиевским крестом, который он, совершенно равнодушный к наградам, иногда носил. Видимо, эта награда напоминала ему о первом столкновении с Войной.

Вскоре Верещагин уехал в Петербург. Из Азии он увез множество рисунков и набросков, которые должны были стать основой серии картин. Пришло время для большой выставки туркестанских работ, и, поддержанный Кауфманом, Верещагин открыл экспозицию, в которую входили не только его картины, но и одежда, украшения, предметы быта народов Туркестана. Как же были удивлены ее посетители, увидев картины, столь далекие от обычных батальных полотен, прославлявших русское оружие! Честно, искренне, без прикрас, Верещагин показывал сущность войны, рассказывал о культуре народов, живущих вдали от петербургских проспектов, на окраинах огромной империи.

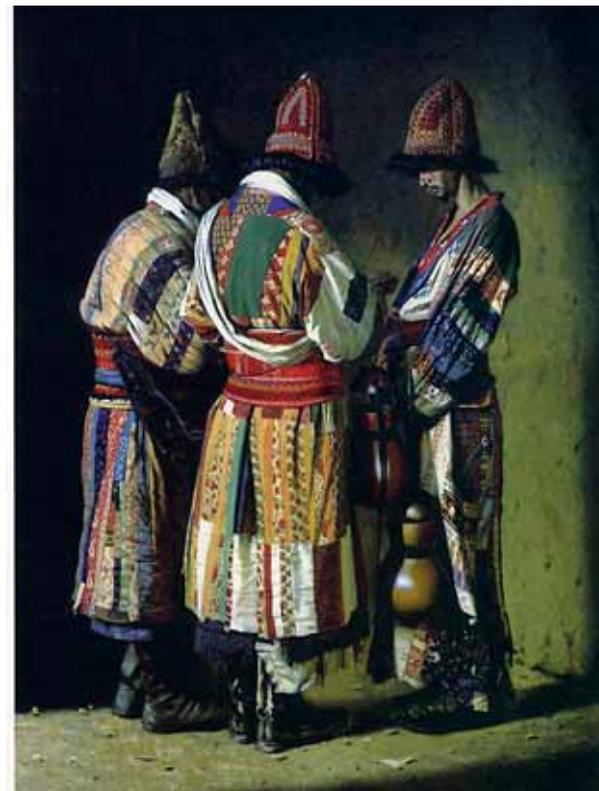
В первый же день выставку посетила царская чета — император Александр II с супругой Марией Александровной. Императору понравились работы художника, и он даже пожелал с ним встретиться. Но тот сказался больным — Верещагин не любил официальных встреч и приемов.

Художник не считал свой туркестанский цикл законченным и опять рвался в Азию. Кауфман, удовлетворенный успехом выставки, дал ему разрешение на новую поездку, и Верещагин уехал сначала в Ташкент, а оттуда — в экспедиции по краю, в поисках новых впечатлений.

Царское правительство не спешило приобрести картины смутьяна и антипатриота Верещагина. Их купил П.М. Третьяков, сразу понявший художественную ценность туркестанского цикла

В конце 1870 года Верещагин снова возвращается в Петербург. «Из Туркестана он воротился живописцем войны и потрясающих трагедий, живописцем такого склада, какого прежде еще никто не видывал и не слыхивал ни у нас, ни в Европе», — писал выдающийся русский критик В.В. Стасов. Теперь ему было необходимо осмыслить обретенный опыт — художественный и жизненный, ему нужно место для спокойной работы. Париж казался слишком шумным, суетливым, да к тому же в то время город был осажден прусскими войсками. В Италии — всегда много туристов. Мюнхен же — спокойный и вполне культурный город. Да и немецким художник владел неплохо.

В Мюнхене Верещагин устраивает себе мастерскую за городом. Вдова Теодора Горшельдта, его близкого друга, отдает в его распоряжение мастерскую мужа. И художник полностью погружается в работу, лишь изредка посещая выставки. Но затворник Верещагин монахом все-таки не

«Дервиши
в праздничных нарядах»

был — именно в Мюнхене он знакомится с милой немкой Элизабет Марией Фишер, которая впоследствии стала его женой и самым близким и верным другом. Эта хрупкая женщина всегда была с ним рядом, даже в самых далеких путешествиях.

«Он засел в Мюнхене на целых три года. Что он в эти три года сделал — это громадно, это непостижимо уже и по внешнему объему картин, составляющих целую галерею, но еще более это громадно и непостижимо по новизне, силе и глубине высказанного кистью содержания... в картинах его разливается горячее знойное солнце... К тридцати годам своей жизни Верещагин становится одним из самых необыкновенных колористов, какие только появлялись в Европе в последние века...» — писал В.В. Стасов.

Среди картин, потрясших Стасова, — «Продажа ребенка-невольника», гневный протест против рабства и торговли детьми, страшный «Самаркандский зиндан», посвященный обреченным на смерть узникам жуткой подземной тюрьмы, «Двери Тамерлана» и «У дверей мечети» — полотна, блестяще передающие дух восточных деспотий и фанатизм воинов. Верещагин пишет проповедующих мулл, эмиров и их солдат, простых крестьян и их семейства. Он рассказывает о мире, где люди живут по другим законам и нравственным установлениям, где жизнь человеческая ничего не значит, но где была создана высочайшая культура, памятники которой важно сохранить и для ныне живущих, и для тех, кто придет после.

Он пишет русских солдат, забытых на поле боя, картины осад туркестанских крепостей. Он создает портрет

Василий
Верещагин

Войны, где нет победителей и побежденных, потому что она всем несет смерть.

В 1873 году весь туркестанский цикл выставлялся в Лондоне, в Хрустальном дворце, а через год картины показывали в Петербурге. Вход на выставку был бесплатный — жесткое условие Верещагина. Он хотел, чтобы простые люди, у которых в кармане нет лишних денег, могли увидеть то, что увидел в Средней Азии он сам. Многие приняли с восторгом его полотна, но некоторые, излишне патристично настроенные господа, и среди них Александр II и генерал Кауфман, обвинили Верещагина в тенденциозности и клевете на русскую армию. Подавленный несправедливой критикой, художник уничтожил три картины, вызвавшие наиболее резкие оценки.

Правительство не спешило приобрести картины антипатриота Верещагина. Зато П.М.Третьяков сразу понял художественную ценность туркестанского цикла, и теперь, благодаря ему, эти картины, и знаменитый «Апофеоз войны», можно увидеть в Третьяковской галерее.

Когда в 1904 году началась русско-японская война, шестидесятидвухлетний Верещагин бросил все и, обещая детям и жене не рисковать, уехал на Дальний Восток.

Художника принял на борт флагманского корабля «Петропавловск» адмирал Степан Осипович Макаров, выдающийся русский флотоводец и ученый. Когда «Петропавловск» спешил к осажденному японцами Порт-Артуру, корабль подорвался на японской мине.

Чудом спасшийся капитан судна Н.М. Яковлев рассказывал, что в последний момент перед взрывом видел Верещагина с альбомом в руках. ☞

Старая Прага

фото
Юлиан
Рибник
текст
Лиза
Макарова

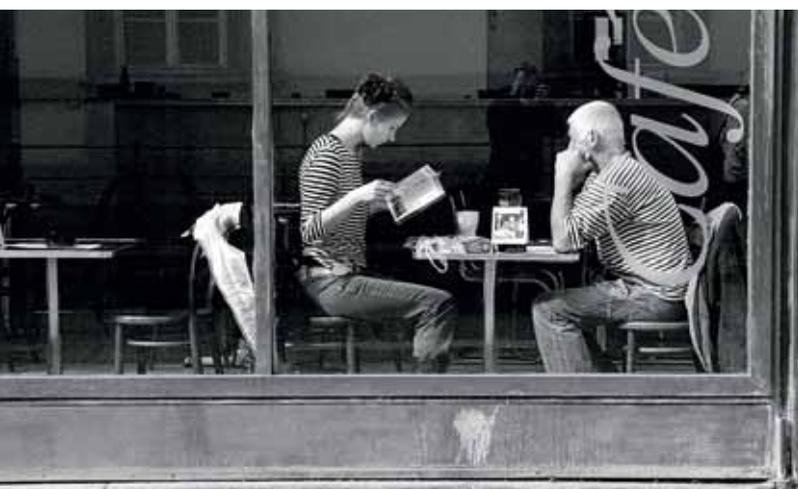
Собор
Святого
Витта

Ей очень, очень, очень много лет. Каждый камень ее мостовой мог бы заменить пухлый том исторической энциклопедии — если б умел говорить. Она сочетает уют, келейность, неспешность и открытость — недаром уверенно держит первое место в мире по количеству туристов. Практически на каждой ее улице живет свое привидение. Аборигены клянутся, что призраков легко можно увидеть после полуночи. В общем, не зря столице Чехии дали такое имя — Прага. Это слово обозначает «порог». Порог между двумя мирами. И, быть может, поэтому здесь самое высокое в Европе количество самоубийств. И, наверное, мистических преданий

Одна из легенд — король Карл IV. Он правил страной в XIV веке и сделал ее центром Европы, оставив после себя отнюдь не мифическое наследство. В частности, под его руководством воздвигли Карлов мост, соединивший два берега Влтавы

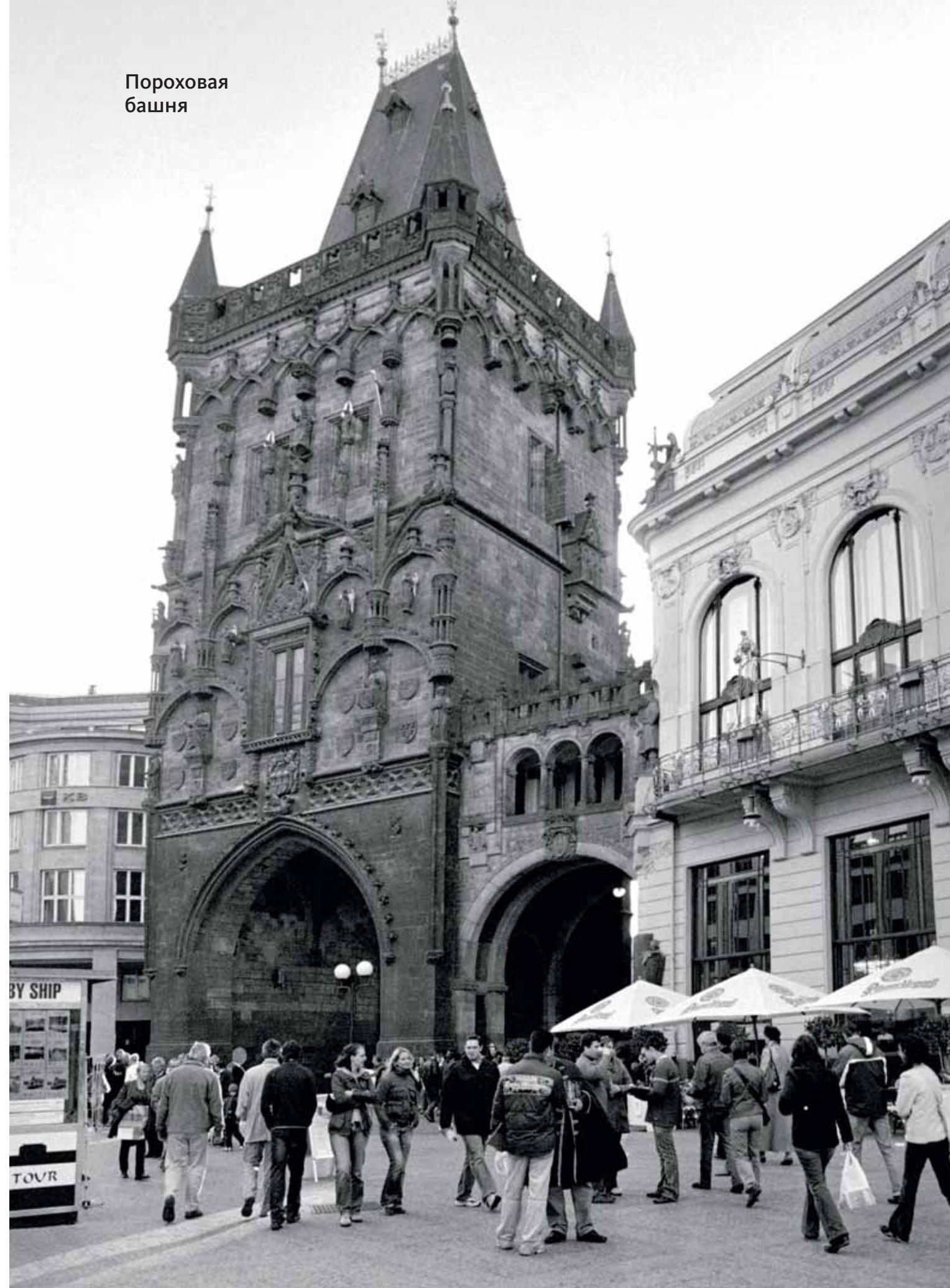
По краям моста — скульптуры святых. Один из них — священник, казненный монархом за то, что отказался выдать тайну исповеди королевы. Считается, если прикоснуться к барельефу, на котором изображена эта история, рукой и загадать желание, оно непременно сбудется. «Волшебным» является именно изображение мученика, но тысячами ладоней до блеска отполированы и фигурка короля, и фигурка его жены, и даже скульптурка их собаки

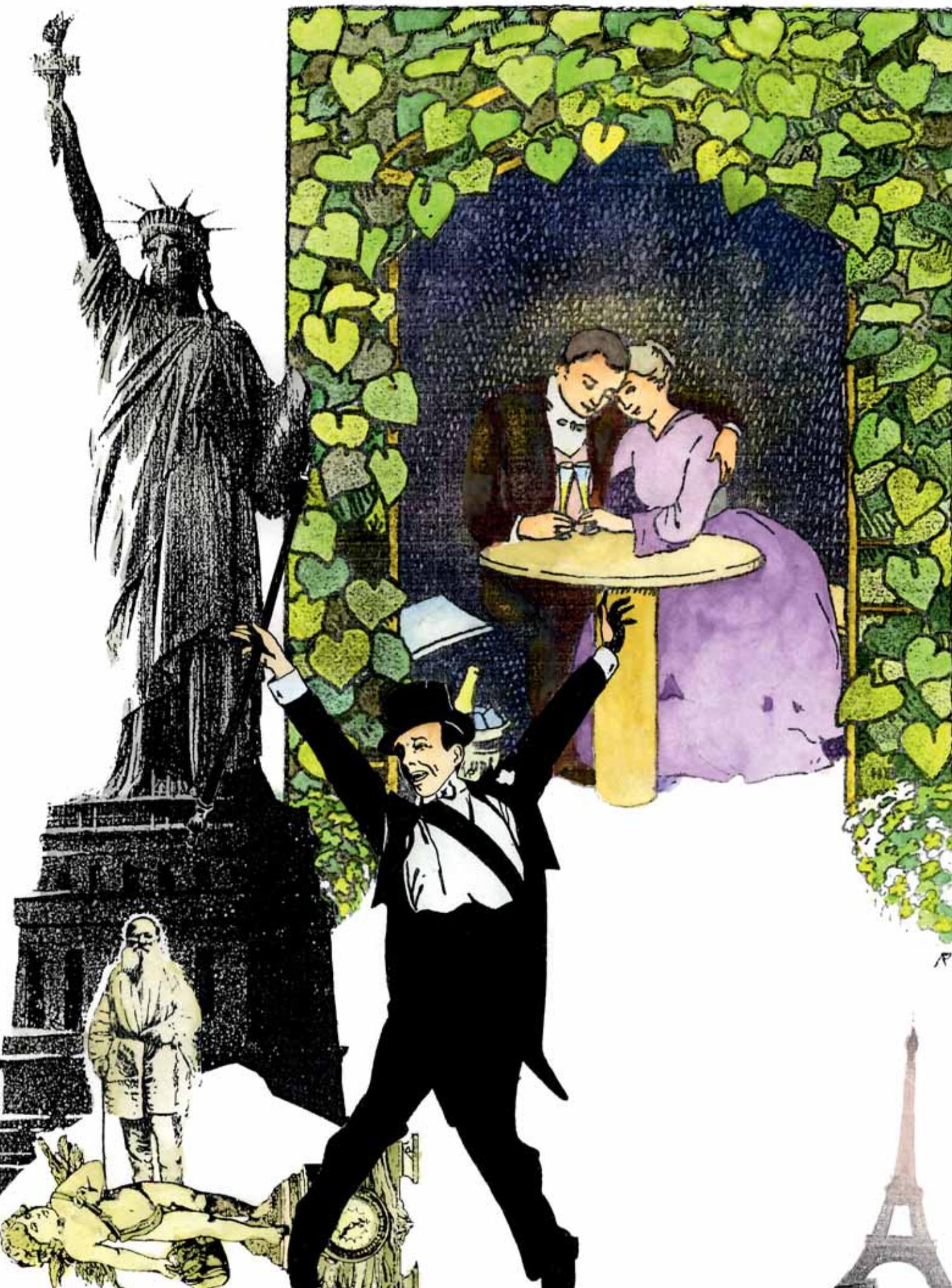

Ратуша на Староместной площади известна своими часами на весь мир. Каждый час наружу выезжают разные фигурки, а скелет, символизирующий Смерть, качает головой, напоминая о бренности жизни. Раньше он еще и клалал челюстями, но после того, как в них застрял воробей, механизм отключили. Именно здесь снимались «Три орешка для Золушки», многие другие сказки, и даже «Сибирский цирюльник». В Праге хорошо перешагивать в иную реальность — кинематографичную, отстраненную, отдохновенную

Пороховая башня

Любовь и русская литература

Войдя в номер отеля и оставшись один, казалось, впервые за целую вечность, Эшенден сел и огляделся. Не было у него сил тут же распаковывать вещи. Как же много номеров отелей он повидал с начала войны, роскошных и обшарпанных, в разных городах и странах! Создавалось ощущение, что всю сознательную жизнь он провел на чемоданах.

Эшенден задался вопросом, как возьмется за дело, ради которого сюда и прибыл, чувствуя себя при этом страшно одиноким, затерянным среди бескрайних просторов России. Он возражал, когда ему поручали эту миссию, говорил, что она ему не по плечу, но его протесты тут же отменили. Выбрали Эшендена не потому, что, по мнению начальства, он идеально подходил для выполнения этого задания, просто на тот момент никого лучше не нашлось.

В дверь постучали, и Эшенден, довольный тем, что может пустить в ход несколько слов, выученных на незнакомом языке, ответил по-русски. Когда дверь открылась, он вскочил.

— Заходите, заходите. Очень рад вас видеть!

В номер вошли трое мужчин. Он знал их в лицо, потому что они плыли на одном с ним судне из Сан-Франциско в Иокогаму, но, следуя полученным инструкциям, избегали контактов с Эшенденем. Всех троих, чехов по национальности, выслали из своей страны за революционную деятельность, и они давно уже жили в Америке, но теперь их направили в Россию, чтобы они помогли Эшендену с выполнением порученного задания и свели его с профессором З., который пользовался непрекращаемым авторитетом среди чехов, находящихся в России. Командовал троицей некий Эгон Орт, высокий, худощавый мужчина, с маленькой седой головой, священник одной из церквей на Среднем Западе и доктор богословия, покинувший свой приход, чтобы послужить делу освобождения родины. У Эшендена сложилось впечатление, что человек он неглупый и не столь уж щепетилен в вопросах совести. Священник, следующий какой-либо идее, имеет определенное преимущество перед мирянами: он может убедить себя, что Небеса одобряют едва ни не любое его деяние. В глазах доктора Орта поблескивали веселые огоньки, и ему не было чуждо чувство сдержанного юмора.

Сомерсет
Моэм

В Иокогаме Эшенден провел с ним две секретные встречи и выяснил, что профессор З. никогда не поступится своими принципами, хоть он стремится освободить свою страну из-под австрийского гнета и знает, что такое возможно лишь после падения Австро-Венгерской империи. Душой и телом он был с Антантой, но не пошел бы против своей совести и считал, что игра должна вестись честно, в открытую. Вот почему некоторые действия предстояло предпринять без его ведома. Влияние этого человека было столь велико, что его пожелания не могли игнорироваться, но в данном случае и Эшенден, и Орт понимали: чем меньше будет знать профессор об их делах, тем лучше.

перевод
с английского
Виктор
Вебер

Доктор Орт прибыл в Петроград за неделю до Эшендена и теперь доложил обстановку. Эшенден решил, что ситуация критическая, и, если они хотели чего-то добиться, действовать следовало быстро. Армия выказывала недовольство и бунтовала, положение правительства, возглавляемого безвольным Керенским, представлялось шатким: его не сбрасывали только потому, что ни у кого не хватало смелости взять власть. Страна стояла перед лицом голода, и существовала реальная возможность наступления немцев на Петроград. Послы Великобритании и Соединенных Штатов знали о приезде Эшендена, но его миссия держалась в секрете даже от них, и по некоторым причинам он не мог рассчитывать на их содействие. Эшенден попросил доктора Орта организовать встречу с профессором З., чтобы узнать его видение ситуации и объяснить ему, что он располагает финансовыми возможностями для того, чтобы

иллюстрация
Роман
Львов

поддержать любой план, позволяющий предотвратить катастрофу, которую, по мнению Антанты, неизбежно вызвал бы заключенный Россией сепаратный мир. Но Эшендену также хотелось завязать контакты с влиятельными людьми из разных слоев общества. Мистер Харрингтон, с его деловыми предложениями и рекомендательными письмами, намеревался встретиться с членами кабинета министров, и ему требовался переводчик. Доктор Орт говорил на русском не хуже, чем на родном языке, и Эшендена осенило: чех как нельзя лучше подходит на эту роль. Он ввел своего гостя в курс дела, и они договорились, что во время ленча с мистером Харрингтоном доктор Орт подойдет к их столику, поприветствует Эшендена, словно в Петрограде видит его впервые, после чего англичанин представит доктора мистеру Харрингтону и, умело направляя разговор, даст понять американцу, что лучшего переводчика не найти, и доктор Орт ниспослан ему с небес.

Но Эшенден вспомнил вдруг еще об одном человеке в России, который мог бы ему помочь, поэтому спросил у Орта:

— Вам что-нибудь известно о женщине, которую зовут Анастасия Александровна Леонидова? Она — дочь Александра Денисьева.

— О нем я, разумеется, знаю все.

— У меня есть основания полагать, что Анастасия Леонидова сейчас в Петрограде. Вы сможете выяснить, где она живет и чем занимается?

— Несомненно.

Доктор Орт что-то сказал на чешском одному из сопровождавших его мужчин. Чувствовалось, что оба (один — высокий блондин, второй — брюнет невысокого росточка) — парни сообразительные. Они были моложе доктора Орта, и Эшенден понимал, что задача у них одна — выполнять его поручения. Мужчина кивнул, поднялся, пожал руку Эшендену и отбыл.

— Все необходимые сведения вы получите во второй половине дня, — пообещал доктор Орт.

— Что ж, тогда остается только ждать, — кивнул Эшенден. — По правде говоря, я одиннадцать дней не мылся, так что, очень хочется принять ванну.

Писатель так и не мог решить, где ему лучше думать — в вагоне поезда или в ванне. Если дело касалось новых идей, он, пожалуй, отдавал предпочтение поезду, движущемуся равномерно и не слишком быстро. К примеру, многие из них посещали его во время поездок по равнинам Франции. Но в части наслаждения воспоминаниями или наращивания плоти на уже готовом сюжетном скелете ничто не могло сравниться с ванной, наполненной горячей водой. Вот и теперь, погрузившись в мыльную воду, как буйвол — в грязный пруд, Эшенден вспоминал мрачноватую веселость своих отношений с Анастасией Александровной Леонидовой.

В этих воспоминаниях можно найти лишь смутные намеки на способность Эшендена проявить страсть, иронически называемую нежной. Специалисты науки о любви, это милые существа, профессионально занимающиеся тем самым, что философы полагают уходом от действительности, утверждали, что писатели, художники и музыканты, то есть все те, кто связан с искусством, по части любви выдающихся успехов не добиваются. Шуму много, а толку мало. Что-то вещают или томно вздыхают, пишут красивые фразы и создают романтический антураж, но, в конце концов, выясняется, что любят они больше себя или искусство (для многих — это одно и то же), а никак не объект их страсти, тогда как этому объекту, руководствующемуся здоровой сексуальностью, хотелось бы получить что-то более материальное. Возможно, так оно и есть, и в этом кроется причина (ранее никем не упомянутая) той злобной ненависти, которую женщины в глубине души питают к искусству. В любом случае, за последние двадцать лет очаровательные женщины не раз заставляли трепетать сердце Эшендена. Он пережил немало приятных минут, за которые потом приходилось расплачиваться душевными страданиями, но, даже испытывая самые жестокие муки неразделенной любви, он мог сказать себе, причем без всякой иронии, что все эти тревожления «лили воду на мельницу его творчества».

Анастасия Александровна Леонидова была дочерью революционера, осужденного на пожизненную каторгу. Он бежал из Сибири, куда его сослали, и обосновался в Лондоне. Человек талантливый, он тридцать лет зарабатывал на жизнь не зная пером, и даже занял видное положение в английской словесности. По достижении совершеннолетия Анастасия Александровна вышла замуж за Владимира Семеновича Максимова, также российского политического эмигранта. Эшенден познакомился с ней через несколько лет после их бракосочетания. Именно в этот период Европа открыла для себя Россию. Все читали русских прозаиков, русские танцоры покорили цивилизованный мир, русские композиторы затронули душевные струны людей, начинающих уставать от Вагнера. Русское искусство обрушилось на Европу, как эпидемия гриппа. В моду входили новые фразы, новые цвета, новые эмоции, и высоколбые без малейшей запинки называли себя представителями *intelligentsia*. На английском слово это произносилось легко, хотя с правописанием возникали проблемы.

Эшенден не отставал от других. Сменил обивку мягкой мебели в гостиной, повесил на стену икону, читал Чехова и ходил на балет.

Анастасия Александровна по рождению, образу жизни, образованию была типичной интеллигенткой. Жила с мужем в крохотном домике рядом с Риджентс-Парк, и здесь литературный люд Лондона мог с робким благоговением взирать на бледнолицых, бородатых гигантов, привалившихся к стене, подобно

атлантам. Все до единого — революционеры, которые только чудом оказались здесь, а не «во глубине сибирских руд». Дамы от литературы дрожащей рукой подносили к губам стаканы с водкой. Если вам везло, и судьба благосклонно вам улыбалась, вы могли пожать руку Дягилеву. Подобно лепестку цветка персикового дерева, гонимому легким ветерком, здесь появлялась, чтобы тут же исчезнуть, сама Павлова. В те годы Эшенден еще не достиг таких больших успехов, чтобы пренебрежительно взирать на снобов, к каковым, безусловно, в молодости относился и сам, и хотя некоторые уже косо поглядывали на него, другие (оптимисты, сохранившие веру в человека) по-прежнему возлагали на него определенные надежды. Анастасия Александровна сказала ему в глаза, что он — истинный интеллигент. Эшенден почти в это поверил. Он пребывал в том состоянии, когда мог поверить во все. Его переполняли восторг и возбуждение. Ему казалось, что он вот-вот ухватит за хвост жар-птицу романтической любви, за которой так долго гонялся. Анастасия Александровна покорила его прекрасными глазами, чуть пышноватыми формами, высокими скулами, вздернутым носиком (возможно, доставшимся от татар), большим ртом с крупными, квадратными зубами и белоснежной кожей. В одежде она предпочитала яркие тона. В ее темных, меланхоличных глазах Эшендену виделись бескрайние российские степи, Кремль с бьющими колоколами, пасхальные службы в Исаакиевском соборе, густые серебристые березовые леса и Невский проспект. Просто удивительно, сколь много видел он в этих глазах, круглых, блестящих, чуть выпученных, как у пекинеса. Они напоминали об Алеше из «Братьев Карамазовых» и о Наташе из «Войны и мира», об Анне Карениной и «Отцах и детях».

Эшенден вскорости пришел к выводу, что муж Анастасии Александровны ее недостойн, а со временем узнал, что она разделяет его мнение. И действительно, роста Владимиру Семеновичу определенно не хватало, а его большую, продолговатую голову словно специально вытянули вверх, будто лакричную конфету. Венчала ее, как и у всех русских, копна непокорных волос. С трудом верилось, что царское правительство действительно боялось революционной деятельности этого мягкого и скромного человека. Он преподавал русский язык и писал статьи в московские газеты. Присушие ему дружелюбие и покладистость оказались незаменимыми в семейной жизни, потому что Анастасия Александровна частенько показывала характер: если у нее болели зубы, на долю Владимира Семеновича выпадали мучения грешников в аду, а когда сердце переполняла горечь из-за несчастий, постигших Родину, ему оставалось только пожалеть, что он появился на свет Божий. Эшенден не мог не признать, что жизнь у Владимира Семеновича — не сахар, а его полнейшая безобидность привела к тому, что Эшендену даже начал нравиться этот странный русский. Поэтому, когда он открылся Анастасии Александровне в своей страсти и с радостью узнал, что чувство это взаимное, вопрос, а как быть с Владимиром Семеновичем, поставил его в тупик. Ни он, ни Анастасия Александровна не желали более ни минуты жить друг без друга. Эшенден, правда, немного опасался, что с ее революционными воззрениями она никогда не согласится выйти за него, но, к удивлению и немалому облегчению Эшендена, она тут же приняла его предложение.

— Как, по-вашему, Владимир Семенович согласится на развод? — спросил он, сидя на диване, привалившись спиной к подушкам, обивка которых цветом ассоциировалась с протухшим сырым мясом, и держа за руку Анастасию Александровну.

— Володя обожает меня, — ответила она. — У него разобьется сердце.

— Он — милый человек, и я не хотел бы, чтобы он жестоко страдал. Надеюсь, он сможет это пережить.

— Этого он никогда не переживет. Такова уж русская душа. Мне совершенно ясно, как только я от него уйду, он подумает, что потерял все, ради чего стоило жить. Никогда не знала мужчины, столь влюбленно-го в женщину, как он влюблен в меня. Но, разумеется, он не встанет между мной и моим счастьем. Для этого он слишком великодушен. Володя понимает, если дело касается развития моей личности, у меня нет права на нерешительность. Он, безусловно, вернет мне свободу.

В то время английский закон о разводе был еще более сложным и абсурдным, чем ныне, так что, Эшенден, на случай, если Анастасия Александровна не знакома с его положениями, объяснил ей сложности, с которыми им предстояло столкнуться. Она мягко накрыла его руку своей.

— Володя ни в коем случае не подвергнет меня вульгарному позорищу публичного бракоразводного процесса. Как только я скажу ему, что решила стать вашей женой, он покончит с собой.

— Какой кошмар! — воскликнул Эшенден.

Он ужасался, но при этом его охватывал восторг. Все это очень уж походило на русский роман, и он буквально видел эти трогательные и жуткие страницы, страницы и страницы, на которых Достоевский описал бы сложившуюся ситуацию. Перед его мысленным взором представляли невыносимые терзания, которыми мучились герои, разбитые бутылки из-под шампанского, поездки к цыганам, водка, обмороки, гипнотические состояния и бесконечно, бесконечно долгие речи всех действующих лиц. Ах, какими страшными были эти страницы, но при этом захватывающими и раздирающими душу.

— Нас это ужасно печалит, — продолжала Анастасия Александровна, — но я не в силах представить себе, что еще он может сделать. Я не могу просить его жить без меня. Он превратится в судно без руля или автомобиль без карбюратора. Я так хорошо знаю Володю — он покончит с собой.

— Каким образом? — спросил Эшенден, которого, как и всех реалистов, более всего интересовали подробности.

— Выстрелом вышибет себе мозги.

Эшендену вспомнилась драма «Росмерхольм». В свое время он обожал Ибсена и даже подумывал над тем, чтобы выучить норвежский, прочитать творения Мастера в оригинале и раскрыть тайну притягательности его мыслей. Однажды он даже видел самого Ибсена: живой классик потягивал мюнхенское пиво.

— Но разве мы не лишимся счастья, зная, что на нашей совести смерть человека? — спросил он. — Боюсь, он так и будет стоять между нами. На веки вечные.

— Конечно, мы будем страдать, мы будем безмерно страдать, — ответствовала Анастасия Александровна. — Но как мы можем что-либо изменить? Такова жизнь. Мы должны подумать и о Володе. Речь идет и о его счастье. Он предпочтет уйти из жизни.

Она отвернулась, и Эшенден увидел, как крупные слезы покатались по ее щекам. От волнения перехватило дыхание. У него было доброе сердце, и его ужасала даже сама мысль о бедном Владимире, лежащем на полу с пулей в голове.

Эти русские, ну и забавы у них!

Совладав с эмоциями, Анастасия Александровна повернулась к Эшендену и посмотрела на него влажными, круглыми, чуть выпученными глазами.

— Мы должны убедиться, что поступаем правильно, — заявила она. — Я никогда не прошу себе, если позволю Володе совершить самоубийство, а потом выяснится, что я допустила ошибку. Думаю, мы должны проверить нашу любовь.

— Но разве вы не уверены? — От напряжения голос Эшендена даже осип. — Я — уверен.

— Давайте на неделю съездим в Париж и посмотрим, что из этого выйдет. Тогда мы будем знать наверняка. Эшенден придерживался традиционных взглядов на институт семьи, и предложение это застало его врасплох. Но лишь на мгновение. Анастасию он обожал. Тем не менее, она все тонко чувствовала, и от нее не укрылась его мимолетная нерешительность.

— Надеюсь, вам чужды мещанские предрассудки? — спросила она.

— Разумеется, — торопливо заверил ее Эшенден, который скорее согласился бы, чтобы его назвали подлецом, чем мещанином. — Я думаю, это блестящая идея.

— Почему женщина должна ставить на кон всю свою жизнь? Невозможно узнать, каков из себя мужчина, пока не поживешь с ним. По-моему, это справедливо, дать ей шанс передумать, прежде чем будет поздно.

— Совершенно верно, — поддакнул Эшенден.

Анастасия Александровна относилась к тем женщинам, у которых слова не расходятся с делом, и занялась необходимыми приготовлениями, чтобы в следующую субботу они могли уехать в Париж.

— Я не скажу Володе, что еду с тобой, — предупредила она. — Его это только расстроит.

— Что было бы весьма прискорбно, — кивнул Эшенден.

— А если в конце недели я приду к выводу, что допустила ошибку, ему нет никакой нужды узнать об этом.

— И это правильно.

Они встретились на вокзале Виктория.

— Каким классом мы едем? — спросила Анастасия Александровна.

— Первым.

— Как приятно это слышать. Отец и Владимир, руководствуясь своими принципами, путешествуют только третьим, но меня в поезде всегда укачивает. Так и хочется положить голову на чье-то плечо. В купе первого класса это как-то удобнее.

Едва поезд тронулся, Анастасия Александровна сказала, что у нее кружится голова, сняла шляпу и положила голову на плечо Эшендена. Он обнял ее за талию.

— Не шевелись, хорошо? — попросила она.

Когда они поднялись на борт парома, она заглянула в дамскую комнату, в Кале смогла плотно перекусить, однако в поезде вновь сняла шляпу и положила голову на плечо Эшендена. Он подумал, что неплохо бы почитать и взял книгу.

— Ты мог бы не читать? — попросила она. — Если тебе не трудно, прижми меня к себе. Когда ты переворачиваешь страницы, у меня все плывет перед глазами.

Наконец, они добрались до Парижа и пошли в маленький отель на Левом берегу, который порекомендовала Анастасия Александровна, добавив, что у этого отеля — особенная аура. Она терпеть не могла все эти помпезные гранд-отели на другом берегу Сены, полагала их невыносимо вульгарными и мещанскими.

— Я пойду, куда ты пожелаешь, — заявил Эшенден, — при условии, что там будет ванная комната.

Анастасия Александровна улыбнулась и ущипнула его за щеку.

— Какой же ты восхитительно англичанистый! Неужели ты не смог бы неделю обходиться без ванны? Дорогой, дорогой, тебе предстоит многому научиться.

Они до глубокой ночи говорили о Максиме Горьком и Карле Марксе, о судьбах человечества, любви и братстве людей, выпили несчетное множество чашек с русским чаем, поэтому утром Эшенден с удовольствием бы позавтракал в постели и поднялся только к ленчу, но Анастасия Александровна вставала рано: жизнь коротка, успеть нужно многое, так что, грешно завтракать хоть на минуту позже половины девятого. И к этому часу они сидели в полутемной маленькой столовой, окна которой не открывались, как минимум, с месяц. Так что аура отеля обладала еще и неповторимым запахом. Эшенден спросил Анастасию Александровну, что она будет есть на завтрак.

— Омлет, — ответила она.

Ела она с удовольствием. Эшенден уже заметил, что аппетит у нее — отменный. Предположил, это национальная черта. Трудно, знаете ли, представить, что послеполуденная трапеза Анны Карениной могла состоять из чашки кофе и сдобы с изюмом.

После завтрака они пошли в Лувр, во второй половине дня погуляли по Люксембургскому саду. Пообедали рано, чтобы не опоздать на спектакль в «Комеди Франсез». Вечером отправились в русское кабаре, где потанцевали. Когда утром, в половине девятого они вновь сидели за столиком, Эшенден спросил Анастасию Александровну, что она будет на завтрак.

— Омлет, — услышал в ответ.

— Но мы же ели омлет вчера, — запротестовал он.

— Давай съедим и сегодня, — улыбнулась она.

— Хорошо.

День они провели, как и предыдущий, только вместо Лувра побывали в Карнавале¹, а вместо Люксембургского сада — в музее Гиме². Но наутро, когда на вопрос Эшендена Анастасия Александровна опять попросила заказать на завтрак омлет, его сердце упало.

— Но мы ели омлет вчера и позавчера, — напомнил он.

— Тебе не кажется, что это веская причина съесть его и сегодня?

— Нет, не кажется.

— Уж не подвело ли тебя этим утром чувство юмора? — спросила она. — Я ем омлет каждый день.

Лучшего блюда из яиц просто нет.

— Очень хорошо. В таком случае мы, разумеется, съедим омлет.

На следующее утро Эшенден уже смотреть на него не мог.

— Тебе омлет, как и всегда? — спросил он.

— Разумеется. — Анастасия нежно ему улыбнулась, продемонстрировав два ряда больших, квадратных зубов.

— Хорошо, я закажу тебе омлет, а себе — яичницу-глазунью.

Улыбка исчезла с ее лица.

— Яичницу-глазунью? Не думаешь ли ты, что это необдуманное решение? Так ли необходимо нагружать повара лишней работой? Вы, англичане, все одинаковые, для вас слуги — машины. Вам не приходило в голову, что у них такие же сердца, что и у вас? Те же чувства, те же эмоции? Так чего удивляться, что пролетариат кипит от негодования, видя чудовищный эгоизм буржуа... таких, как ты!

— Ты действительно думаешь, что в Англии произойдет революция, если в Париже я закажу на завтрак яичницу-глазунью, а не омлет?

Анастасия Александровна возмущенно вскинула голову.

— Это дело принципа. Ты думаешь, это шутка. Разумеется, я знаю, ты просто забавляешься, и я могу посмеяться над шуткой, как и любой другой, например, Чехов хорошо известен в России, как юморист. Но неужели ты не понимаешь, о чем речь? Неверен сам подход. Ты какой-то бесчувственный, и говорил бы так, если бы стал свидетелем событий тысяча девятьсот пятого года в Петербурге. Когда я думаю о толпах перед Зимним Дворцом, о стоящих на коленях в снегу женщинах и детях, об атакующих их казаках... ох, нет, нет, нет!

Ее глаза наполнились слезами, лицо перекосило от боли. Она взяла Эшендена за руку.

— Я знаю, у тебя доброе сердце. Это просто легкомыслие, и больше мы говорить на эту тему не будем. Я знаю, у тебя — богатое воображение, и ты все тонко чувствуешь. Ты ведь закажешь себе омлет, как и я, правда?

— Естественно, — отозвался Эшенден.

В оставшиеся дни он каждое утро ел омлет. Официант даже заметил:

— Monsieur aime les aufit brouilles .

В конце недели они вернулись в Лондон. Эшенден обнимал Анастасию Александровну, а ее голова покоилась на его плече от Парижа до Кале и от Дувра до Лондона. Ему вдруг вспомнилось, что поездка на поезде от Нью-Йорка до Сан-Франциско занимает пять суток. Когда они прибыли на вокзал Виктория и стояли в ожидании кэба, Анастасия Александровна посмотрела на Эшендена круглыми, блестящими, чуть выпученными глазами и спросила:

— Мы чудесно провели время, не правда ли?

— Восхитительно.

— Я уже приняла решение. Эксперимент удался. Я готова выйти за тебя в любой день, только скажи.

Эшенден тут же представил себе, как до конца своих дней придется есть по утрам омлет. Посадив Анастасию Александровну в кэб, сам он сел в другой и попросил отвезти его в «Кьюнард», где купил билет на первый же корабль, отплывающий в Америку.

И ни один иммигрант, стремящийся к свободе и новой жизни, не взирал на статую Свободы с большей радостью, чем Эшенден, когда одним ясным, солнечным утром его пароход входил в нью-йоркскую гавань. ■

¹ Карнавале – Музей истории Парижа.

² Музей Гиме – Музей восточных искусств.

Владимир Евгеньевич Жаботинский (1880—1940) родился в семье крупного еврейского коммерсанта в Одессе. В 1898 году за участие в рукописном журнале, где была помещена сатира на директора, он был исключен вместе с Корнеем Чуковским. В 1898—1901 годах он проучился на юридическом факультете Бернского и Римского университетов, и позже, в 1912 году, получил диплом о высшем образовании. В литературу Владимир Жаботинский вошел очень рано. В 1897—1898 годах «Одесский листок» напечатал его статью и первое стихотворение. В 1903 году Жаботинский переехал в Петербург, где сотрудничал во многих газетах и журналах. В дальнейшем скорость его перемещений по России и миру

возрастала. В 1905—1907 годах он объездил всю Россию, читая лекции. В совершенстве владея многими языками, в 1910 году Жаботинский выступает в качестве редактора и автора в Константинополе в журналах «Младотурок» и «Заря» (на французском языке), «Эльхудо» (на испанском языке), «Гамевассер» (на иврите). В 1911—1914 годах — он вновь в России, печатается в «Одесских новостях», «Русской мысли», «Современнике», переписывается с В.Г.Короленко, А.В.Амфитеатовым, М.Горьким. С началом Первой мировой войны становится корреспондентом «Русских ведомостей», участвует в боевых действиях против Турции. В 1920 году в Иерусалиме британские власти приговорили его к 15 годам

тюрем за антиколониальную борьбу. Под давлением международной общественности через три месяца Жаботинского выпустили из тюрьмы и выслали из Палестины. Он перебирается во Францию и здесь активно участвует в литературной жизни русской эмиграции: печатается в журнале «Современные записки», выпускает исторический роман «Самсон Назорей» (Берлин, 1927). В 1940 году Владимир Жаботинский выехал в США и там скончался. Современному читателю он интересен как автор, создавший множество произведений, которые спустя многие десятилетия после написания сохраняют и свежесть красок минувшего, и яркость человеческих судеб и характеров, не столь уж изменившихся во времени.

Белка

Было мне тогда семь лет, а теперь — шестьдесят; легко высчитать, когда это случилось. Жил я в предместье крупного приморского города, у тетки-вдовы. В городе, в числе прочих неудобств, была двухклассная школа, основанная двумя барышнями. Публика смотрела на это учреждение косо: впоследствии я сообразил, что оно было, вероятно, создано с передовыми намерениями — барышни, по-видимому, начитались книжек. Нам, детям, велено было звать их не по имени-отчеству, а просто Катя и Маруся. Катя поставляла всю науку для первого класса, Маруся — для второго. Переходных экзаменов не было: просто иногда врывалась в первый класс Маруся, вдруг, посреди урока, и объявляла указ о том, что такие-то через «е» и такие-то через «я» переходят во второй; и оглашенные, забрав книжки и свертки с завтраком, «переходили» — причем обыкновенно стоял вой, ибо Катя числилась доброй, а Маруся — напротив. Из вышеупомянутой вариации правописания вытекает, что школа была смешанная. Это и была главная причина, почему на нее косились. Многие недоумевали, как могло правительство разрешить училище — по выражению местного остряка — для мальчиков и девочек обоего пола. Но школ было мало, и потому у отважных барышень была целая толпа учеников, включая меня и Белку.

Настоящего имени ее не помню. Много лет спустя я встретил взрослую госпожу, которая училась когда-то в той же школе и которая мне почему-то показалась продолжением Белки; но она покраснела и ответила упорным отрицанием. Облика Белки я тоже не помню, хотя иные, выслушав мой доклад, почтут это странным ввиду тех исключительно благоприятных для наблюдения условий, при коих однажды я имел возможность ее изучать. Помню только, что она была старше меня, лет одиннадцати, и принадлежала к аристократии второго класса. Это было для меня достаточной причиной, чтобы не интересоваться ни ею, ни ее именем, ни внешностью.

Мои друзья были Адмирал и Кися. Адмирал был мой сосед по парте, первый силач нашего класса; я стыдливо обожал его манеру обращения со мною — это была упоительная, головокружительная смесь презрения с покровительством. Кися была еще моложе меня — «младше», на нашем наречии. Она была моя «пара». Парой называлась у нас потребительская кооперация: на большой перемене оба члена каждой пары обязаны были

иллюстрация
Лев
Рябинин

публикация
Станислав
Никоненко

предъявить друг другу свои съестные припасы в целях обоюдовыгодного обмена. Когда у меня была сардинка, Кися всегда получала хвостик или даже бюст, если я был ею (то есть Кисеей) доволен, зато мне предоставлялось право догрызть ее пшенку (на книжном языке она называется кукуруза) — только иногда приходилось во время дернуть ее за косу, иначе она по инерции вторгалась в мою половину этой деликатесы.

Я был вполне доволен обществом Киси и Адмирала (почему его так называли, рассказать не хочу) и знать не знал и думать не думал ни о каких посторонних фигурах — менее всего о Белке.

Конец моему счастью положил водовоз. В теткиной семье не было мужчин, а потому некому было водить меня в баню, а потому тетка лично, раз в неделю обрабатывала меня в корыте. Водовоз давно протестовал против такой экстравагантности, утверждая, будто лошадь его чует эти три лишних ведра в бочке и потому с нею по субботам нет сладу. Разногласие кончилось оживленной дискуссией, он сказал тетке что-то ужасное, но был тут же — словесно — разбит наголову; однако победа осталась за ним, ибо он наотрез отказался впредь поставлять сверхсметные ведра. В то утро был на свете один счастливый мальчик, а именно я. Но счастье мелькнуло и отлетело, потому что тетка постановила взять меня в тот же вечер с собой и кузинами в специальное чистилище для дам. Кассирша была ее приятельница, а вид у меня был совсем еще безвредный: раза два на железной дороге тетя выдала меня за пятилетнего, и кондуктор поверил.

Не знаю, как для кого — теперь на свете много людей с опытом широким и разнообразным, — но в моей жизни это было совершенно исключительное впечатление. Хуже всего то, что и впечатления никакого не получилось. Помню только большую комнату, полную дам, у которых у всех были чепчики на голове; было страшно жарко и скользко, пар стоял туманом, и тетка сто лет подряд царапала меня мыльной мочалкой, словно вымещающая на моей коже водовозово красноречие. Покончив со мною, она увела кузин в другую комнату, где были полки: ибо любила забраться на самый верх, где, по ее словам, человек становится на десять лет моложе. Я остался один в этом странном и неприветливом мире; забился в угол на скамье, скрестил ноги по-турецки и предался грустным помыслам о несправедливости рока.

И вдруг я увидел — даже не знаю, как это сказать — увидел что-то, смутно похожее на что-то. Сначала я обратил внимание на эту фигуру потому, что костюм ее отличался от костюма других — то есть на ней не было даже чепчика, и косы ее были связаны в смешной пучок на макушке. Но я тут же заметил, что и она почему-то глядит мне прямо в лицо с другого конца комнаты; и еще через мгновение, полный внутренней паники, я вдруг сообразил, что она принадлежит к миру, который я знаю. Трудно себе представить (впрочем, может быть, есть и такие, которым не трудно, — это опять-таки дело опыта и навыка), до чего нелегко узнать человека при таких радикально измененных условиях. Только тогда, когда она медленно и уверенно двинулась по направлению ко мне, — только тогда я окончательно понял, что это Белка. Она подошла близко, на шаг или меньше, спокойно осмотрела меня с головы до ног и потом опять уставилась мне в глаза со строгим и неодобрительным выражением на лице. Я так смутился, что кивнул ей головою, хотя и отдавал себе отчет, что это вряд ли при таких условиях принято. Она не обратила на мое приветствие никакого внимания и сказала негромко, но тоном бесконечной повелительности:

— Этого чтоб никогда больше не было.

Госпожа царственных размеров, вероятно, мать взяла ее после этого за руку и стала тереть мочалкой; тетка моя вынырнула из-за парной завесы, красная, как бурак, и мы пошли домой.

Я проснулся на следующее утро с ясным сознанием, что влюблен. Nonni soit¹, кто посмеет пришить к этому факту фрейдовскую подкладку. Я свои чувства помню ясно: я влюбился в ее лицо, и только. Тысячу раз бывает, что видишь лицо, картину, пейзаж чуть ли не каждый день, и никакого впечатления они на тебя не производят; но вдруг, благодаря новой раме, или новой шляпке, или случайной игре луча, они тебя захватывают. Ее наряд накануне сыграл просто эту роль — новой рамки для ее лица.

Но я очень влюбился. Это выражалось даже в физическом неудобстве: когда я думал о Белке, мне трудно было дышать как следует — кто-то словно зажал в кулаке мое сердце, как воробьиного птенца, не крепко, но как раз достаточно для того, чтобы не дать человеку вздохнуть во всю ширину. Это было неудобно, больно и великолепно. Я не помню, как я провел то воскресенье. Гордость меня переполняла; я решил, что никто никогда ничего не должен узнать. Разве, пожалуй, чуть-чуть намекну Адмиралу: он такой мужественный, несмотря на колыбельное происхождение его клички. И приятно будет дать ему понять, что и во мне что-то есть особенное — а что, не скажу. А впрочем, вряд ли стоит намекать даже Адмиралу. Кисе, конечно, ни слова. Но одно ясно: Белке я дам жить в безмятежном покое, не нарушенном ни даже дымкой подозрения о моей чудесной боли. Я решил не смотреть на нее. Пройдет — отвернусь. Может быть, даже попрошу тетку перевести меня в другую школу, хотя она способна разговориться на тему о том, что только недавно уплатила двадцать рублей за полугодие. Как бы там ни было — Белке ни слова, ни взгляда; нельзя портить волшебную тайну бурюю прозою встреч и бесед.

Вспоминая об этом теперь, начинаю понимать, зачем Петрарка и вся та компания так усердно всю жизнь старались держаться подальше от своих возлюбленных. Дело, очевидно, в том, что это были младенческие годы человечества. Поклонение Принцессе Грезе есть, в сущности, детская привилегия. И еще одно: да не дерзнет никто сказать, что я передаю свои воспоминания в неправильном стиле, вставляя мысли и

выражения, недоступные ребенку. Я утверждаю, что чувствовал тогда все то, что здесь рассказано, и еще много больше, но только в других словах и образах, бесконечно более красивых. Ни одному поэту не сравняться с чудом детской мысли; а впрочем, это не относится к делу.

В понедельник, по дороге в школу, я твердо решил ничего не говорить даже Адмиралу. Но оказалось, что в это утро он почему-то действовал мне на нервы. Прежде я любил сознавать его превосходство, любоваться небрежным молодечеством, с которым он списывал диктовку через плечо мальчика на первой скамье или съедал свой завтрак во время урока. Но сегодня меня это раздражало. В конце концов, когда мне будет столько лет, сколько ему теперь, я могу сделаться таким же силачом, и еще в семьдесят семь раз сильнее; а кто ест свой завтрак до большой перемены, тот обманывает не просто Катю, что, конечно, «ловко», но и свою пару, что уже нехорошо. А списывать? Я и теперь мог бы его перещеголять, но только мальчик, сидящий перед ним, чересчур высок и широк для меня, а мальчик, сидящий передо мною, сам давно раз навсегда потерял в моих глазах свой научный авторитет: не знал, где именно пишется «ять» в слове «дешевле». Общий вывод у меня получился тот, что глупо терпеть бессознательное Адмиралово самомнение, когда у меня самого в кармане такая бомба. Словом, я низко уткнулся в диктовку и шепнул:

— А я тебе могу рассказать такое, что у тебя глаза на лоб полезут.

— Ерунда. Что?

Конечно: я стоял на грани рокового шага. Который раз и навсегда отрежет всю мою прошлую жизнь, семь лет четыре месяца одиннадцать дней, — на пороге нового, жуткого, головокружительного бытия. Я зарыл свой нос в тетрадь и прошипел:

— Я влюбился в Белку-второклассницу.

В жизни я не видел, ни до того, ни после, чтобы человек так зарделся, как покраснел Адмирал. Он разинул рот. Он положительно заикался:

— В... врешь!

Шепотом я отчеканил формулу клятвы, которая в школе считалась ненарушимой; начиналась она со слов «Покарай меня...», но конца я не смею процитировать — могу только упомянуть, что девочки этой клятвы не произносили, да она и логически не была к ним применима. По всем традициям, после этой клятвы сомневаться не полагалось. Но случай был слишком необычайный для точного следования традиции. Я почувствовал, что Адмирал все еще не убежден; и тут же по тому беспроволочному телеграфу, которым Бог наделил зверей и детей, мне точно передалось, что именно должен я сделать, дабы уверить его окончательно. И сделал. Катя только что продиктовала: «Возьми каранда-шик и листо-чек бумаги...» Вместо того я написал большими буквами «Белка», толкнул Адмирала ногой и шепнул:

— Смотри.

Он посмотрел и моментально убедился, навеки и бесповоротно, — я же намуслил палец, растер свежие чернила в бесформенное пятно (это гораздо радикальнее, чем просто зачеркнуть) и написал, как ни в чем не бывало: «лесточик».

Пятиминутную перемену после первого урока я провел отшельником. Я ушел в дальний угол двора и там, между курятником и колодцем, пять минут подряд шагал взад и вперед. Попытался было скрестить руки на груди, но тогда неудобно стало шагать; поэтому я скрестил руки сзади, на поясице, и принял выражение важное и недоступное. Я ни разу даже не оглянулся на чернь, хотя все же не мог отделиться от снисходительного удовлетворения при мысли, что многие, вероятно, обратили внимание на мой образ действий и спрашивают друг друга: «Чего этот осел бродит там один-одинешенек?» Раз мне показалось, что слышу голос Белки: «Ника, брось, а то опять отлуплю!» Судя по последнему слову, это был именно ее голос. У Белки была большая боевая репутация. Голос ее бросил меня в жар, но я не обернулся.

И во время урока я сохранял ту же холодную отчужденность. Это была Священная история — предмет, который мы любили, потому что Катя увлекалась и забывала вызывать, и можно было спокойно беседовать друг с другом или меняться марками. У меня был в кармане красный Гонконг; Адмирал на днях обещал дать мне за него Монако плюс старую семикопеечную без стрелок (большая редкость). Но я не хотел ни говорить с Адмиралом, ни осквернить свой праздник торговлей... Адмирал, очевидно, был и сам подавлен моим возвышением. Он не сказал мне ни слова — только изредка косился в мою сторону, крадучись, с видом почти испуганного любопытства.

Вторая перемена: десять минут. Я опять зашагал от колодца к курятнику. На этот раз сомнения не было: они все на меня смотрели. Не глядя, я видел, как они собирались кучками, но издали, обмениваясь замечаниями, которых я не слышал и которыми не интересовался. Большой, по-видимому, спрос был на Адмирала: некоторые кучки приглашали его на консультацию, к другим он подходил по собственному почину. Не слыша, я мог, однако, без труда построить в своем воображении весь ход их беседы. Я представлял себе загадочный вид, с которым Адмирал отказывался от дачи показаний. «Конечно, знаю. Очень удивительная вещь, но я обещал не рассказывать». Мне показалось. Что кто-то захихикал — обычный отклик вульгарной души, когда она стоит лицом к лицу с таинством.

¹ Пусть будет стыдно тому... (фр.)

¹ Красивый жест (фр.)

На третьем уроке Катя была невыносимо надоедлива; и кто-то с Камчатки запустил в меня комком жеваной промокашки. Я не оглянулся.

В начале большой перемены я сделал, по-моему, *un beau geste*!. Кися, моя пара, ждала меня с широко раскрытыми глазами, полными вопросительных знаков. Я сказал: «Кися, я не хочу есть. Возьми все — кроме половины моего кавуна», — и, не дожидаясь спасибо, я сломал ломоть надвое и удалился, погрузив рот и щеки в упругое, ароматное, прохладное мясо монастырского арбуза и далеко выплевывая черные косточки с тщательным изяществом. На этот раз я уселся на срубе колодца, спиной ко всем. Я подобрал под себя ноги по-турецки: это мне живо напомнило тот вечер, жар и румянец залил мне лицо, и ясно опять я почувствовал ту чудесную жестокую руку вокруг сердца... Вдруг, без всякого повода и перехода, страшная мысль ударила меня по темени. Ведь я забыл взять с Адмирала клятву, что он никому не расскажет! В первый миг я не поверил своей памяти. Это было чудовищно невозможно. Это было против всех обычаев школы. Даже ближайшим друзьям никто ничего не поверял, не потребовав заранее произнесения той самой непередаваемой формулы. Адмирал ее не произнес. Это было ужасно. Я начал подозревать, что лестное внимание моих коллег во время второй перемены объяснялось, может быть, не столько заинтригованным изумлением, сколько точным знанием всех обстоятельств дела, и что весь ход их перешептывания с Адмиралом был совершенно не тот, как я воображал. Он разболтал, этот... И я безмолвно применил к нему краткое слово, живописующее ту непростительную слабость, которой он обязан был своим позорным прозвищем.

В эту минуту я услышал крик. Это взывала ко мне Кися, вопя изо всех сил:

— Удирай! Белка ищет тебя! Белка идет тебя лупить!

Я обернулся и увидел свою «пару» — она бежала ко мне, и ее косы прыгали вокруг головы. Школа давно успела прожевать свои завтраки, и уже со всех сторон сбегались они полюбоваться на драку; а вдали, в первый раз за этот день, я увидел Белку, тонкую, быстроногую, без спешки несущуюся в направлении моего угла, бледную, как ангел смерти. Я знал ее воинские таланты, но срам был еще больше страха.

Я вскочил и помчался в дверь, оттуда — в сени, оттуда — вверх по лестнице. Кися, запыхавшись, бежала за мной и все время выкрикивала что-то бестолковое; она была в таком перепуге, что уж и не помнила слов — но я слышал ясно, как она кричала:

— Белка, Белка, он бежит по лестнице! Он прячется в раздевальной!

Я уверен, что Кися не хотела меня выдать, но она была очень взволнована и просто не могла удержать свои впечатления. Должен признаться, что я действительно спрятался в раздевальной. Я был раздавлен унижением, больше не чувствовал ни горя, ни обиды, с одним только желанием — умереть. Готов и поныне настаивать, что я, собственно, не спрятался: эти пальто и кофточки, среди которых я забился, были, в сущности, единственным подвернувшимся мне суррогатом самоубийства. Но суррогаты всегда бесполезны. Пролетела секунда — и я услышал бегущие легкие шаги; сильная рука вытащила меня из-за чьей-то полы — я зажмурил глаза и подчинился. Слышал я гневные слова, чувствовал косточки твердого кулака на своей переносице, удар ее ладони на моей щеке — мне было все равно. Мое бесчувствие разозлило ее: она сказала: «А, ты так?» — И рука ее схватила меня за волосы, рванула голову назад и вниз; я был вынужден свалиться на колени, и она больно зажала мой затылок и шею в сгибе локтя. Тогда я взглянул и прямо над собой увидел бледное лицо и горящие глаза; ее зубы не были сжаты, словно она хотела уку- сить; и, отпустив мои волосы, она высоко занесла правую руку для нового удара. Кися захлебывалась и бормотала у двери; прежде чем ударить, Белка обернулась к ней и крикнула:

— Убирайся, не то...

Я услышал топот убегающей Киси. Белка опять замахнулась. Но теперь на меня что-то нашло: теперь я ненавидел ее, во мне нарастал мятеж, желание унижить и оскорбить ее, и будь что будет. Прямо ей в лицо, так близко нагнувшееся к моему, что я чувствовал ее дыхание, прямо в лицо ей я злобно прошипел:

— Это правда, я тебя люблю, и ничего ты со мной не поделаешь!

Я опять зажмурился и ждал удара, дивясь, что он все еще не упал. Рука, сзади сжимавшая мою шею, стиснула еще сильнее; мне трудно было дышать. Вдруг ее дыхание на моей щеке стало жарче и ближе. Она в самом деле хотела уку- сить; с ней это бывало, я знал; и опять в торжестве отчаяния я шепотом повторил свое оскорбление:

— Это правда...

Странная оказалась у нее манера кусаться. Это было не так больно, как я ожидал, — или если больно, то совсем по-другому. Оглядываясь теперь на то время, я вынужден прийти к заключению, что Белка была много старше своих лет. Укус ее тянулся без конца, века за веками, я задыхался, сначала это была пытка, но потом, по мере того, как скользили века за веками, пытка прошла, осталось только что-то новое и — не умею рассказать, какое. Вдруг это кончилось, я был свободен. Я не хотел встать; я сидел на полу, спрятав лицо в не знаю чью сорвавшуюся кофточку. Еще с секунду длилось молчание; потом я опять услышал ее голос, несколько издали, голос спокойный, холодный и повелительный:

— Этого чтоб больше не было.

Она ушла, а я плакал одиноко о своем унижении и о многом другом. Кися пробралась ко мне на цыпочках и присела рядом; она всхлипывала, но все же гладила меня по голове и повторяла, утешая:

— Это ничего, ведь ты ей тоже дал сдачи.

Она знала, что это неправда, но, может быть, и Кися была женщина. ☞

Высокоумная

а однажды увидела Наталья Борисовна сон — явь, видение яркое, как наяву: будто сидит она на лавке, около монастыря, в одежде инокини, и лицо ее такое спокойное, умиротворенное, будто падает на него отсвет света нездешнего, звезды яркой небесной. А под ногами — плита могильная с какой-то надписью.

Поняла она тогда по надписи, что сие пред нею — стены Киево-Печерской Лавры, где так хотел упокоиться ее

батюшка, фельдмаршал «гнезда Петрова», граф Борис Шереметев, и где она сама обретет вечное успокоение.

Очнулась Наталья от видения странного — сон не сон, явь не явь, и поведала близким и родным, что хочет укрыться в монастыре, утишить там скорбь свою неизбывную, быть поближе к душе любимого мужа, да, может статься, и сыну младшенькому вымолить у Матушки заступницы Божией исцеление от болезни страшной...

— Наташенька, светик мой, где ты?

Немолодая уже, но подвижная женщина во вдовьих одеждах ходила по саду, по одному из знаменитых московских приусадебных садов, и искала свою любимицу, старшую дочь Наталью. Графиня Анна Петровна — Шереметева по второму мужу, в первом браке — Нарышкина, урожденная Салтыкова, из всех своих четверых поздних детей более всего лелеяла свет-Наташеньку. И отец ее, граф Борис Петрович Шереметев, тоже Наташу выделял, да только скончался рано, когда дочери было семь лет...

— Наташенька, куда же ты подевалась?

Девочка — послушная, смишленная, только иногда находило на нее мечтательное настроение. Хорошо, если в своей светелке, а то, как вот теперь, — ушла в сад и пропала. Поди найди ее в разросшихся кустах сирени да жасмина, среди смородины и крыжовника. А, может, не замечалась, а зачиталась — и это за ней водилось, грамоте обучилась сама, быстрее братьев. Это уж никуда не годилось: знатной да богатой боярышне не читать надобно, а на пальцах вышивать и сказки слушать. Пока не настанет время в свет выезжать, суженого искать...

Анна Петровна перекрестилась со вздохом. За первого-то мужа ее саму выдали совсем девчонкой, одна знатная семья с другой породнилась — что Салтыковы, что Нарышкины при дворе Петра I были в чести, да и при других царях тоже. А как овдовела, сам Петр сосватал ее со вдовым же фельдмаршалом Шереметевым. «Молодому» было за шестьдесят, вдвое старше своей супруги. Хоть и недолго, а хорошо пожили, пятерых деток нажили, из них Наташенька — всех лучше.

Наташа батюшку помнила, но — точно во сне. Зато матушку любила без памяти, и та отвечала ей тем же. Графиня Шереметева, в молодости блиставшая на петровских ассамблеях, была женщиной незаурядного ума, по тем временам весьма просвещенной, и дочерей старалась воспитать в том же духе.

Только этим, пожалуй, можно объяснить столь необычные для той эпохи отношения между матерью и дочкой. «...Старалась о воспитании моем, чтобы ничего не упустить в науках, и все возможности употребляла, чтобы мне умножить достоинств. Я была очень любима у матери своей», — писала на склоне лет Наталья Борисовна в «Своеручных записках».

В старой грамматической тетради по немецкому языку написано затейливым, но еще полудетским, неустоявшимся почерком графинюшки Натальи Борисовны Шереметевой: «Я хочу, чтоб все люди были счастливы так, как я!»

Счастье то длилось до четырнадцати лет, до поры, пока жива была матушка, а Натальюшку стали считать завидною невестою. В те времена брачный возраст на Руси наступал рано. Но Анна Петровна не успела устроить брак хотя бы старшей дочери — скончалась скоропостижно, не прожив и пятидесяти лет.

Смерть матери потрясла, пожалуй, только Наталью. Прочие же родственники пеклись совсем о другом — о выгодном для семьи брачном союзе. После двух лет траура ее начали вывозить в свет. «Надеюсь, тогда все обо мне рассуждали: такого великого господина дочь, знатство и богатство, кроме природных достоинств, обратит очи всех знатных женихов на себя...» «...Тогда обыкновенно всегда, где слышат невесту богатую, тут и женихи льстятся», — вспоминала она. Действительно, многих пленяли не

Светлана
Бестужева-Лада

иллюстрация
Лев
Рябинин

только знатность и богатство юной графини, но и ее красота, ум. Да только на люди юная Наташа показывалась неохотно.

Она чувствовала себя одиноко среди родственников, мечтавших поскорее выдать ее замуж, чтобы оставить заботы о ней. Предоставленная самой себе, девушка могла по-разному вести себя, никому до нее дела не было. Но Наташа рассудила иначе:

«Пришло на меня высокоумие, вздумала себя сохранять от излишнева гуляния — тогда очень наблюдали честь... Я свою молодость пленила разумом, удерживала на время свои желания в рассуждении о том, что еще будет время к моему удовольствию, заранее приучала себя к скуке. И так я жила после матери своей два года. Дни мои проходили без утешки».

Занятия алгеброй и геометрией, черчение, чтение... Это вместо балов, да прогулок. Руки, вечно перепачканные тушью или чернилами, простенький сарафанчик, лента обвивает русую головку с длинной — до колен — косой в руку толщиной. Это вместо фижм, кружев и бриллиантов, вместо притираний ароматных да буклей навитых.

«Я очень была счастлива женихами», — писала она в своих «Записках». Но держала себя строго, о чем не могли не знать московские свахи. Все повторяла:

— Веселье у меня еще будет, надобно допрежь скуки отведать.

— Дура ты, Наташка, — бросал иной раз в сердцах братец Петруша.

А в ответ слышал:

— Нет, сударь, ошиблись. Высокоумная я...

Женихи появлялись, тщились обратить на себя внимание, отчаивались, исчезали. И вдруг...

«Вся сфера небесная для меня переменялась», — вспоминала она об этих днях много лет спустя. К пятнадцатилетней Наташе посватался Иван Долгорукий, царский куртизан, наследник одной из знатнейших и богатейших семей России того времени. Сестра его Екатерина была сговорена за самого императора, юного Петра II, и Иван обещал своему царственному другу, что под венец с ним пойдет в один день. Он выбрал себе невесту — «ангела-Наташеньку», хотя сам был далеко не ангел: о похождениях и пьяных увеселениях князя Долгорукого знала вся Москва.

Знала, конечно, и Наташа, только любовь зла — влюбилась юная графиня с первого взгляда в молодого красавца. Иван и вправду был хорош собой, весел, к тому же умел нравиться женщинам.

Предложение князя Ивана было с радостью встречено и родственниками графини, которые стремились породниться с могущественным и приближенным к царю кланом Долгоруких. Они тщательно обсудили все стороны будущего брака, и накануне Рождества состоялся торжественный обряд обручения Ивана и Натальи в присутствии царя, всей императорской фамилии, невесты императора Екатерины, иностранных министров, придворных и многочисленных родственников с обеих сторон.

Обручение проводили один архиерей и два архимандрита, все комнаты шереметевского дворца были заполнены гостями. Обручальные кольца стоили по тем временам невероятных денег, перстень Натальи — шесть тысяч, а перстень Ивана — двенадцать тысяч рублей.

Кроме того, одарили их несметными подарками: бриллиантовыми серьгами и украшениями, «часами, табакерками и готовальнями и всякою галантерею», а еще подарили «шесть пуд серебра, старинные великие кубки и флаши золоченые»...

Все, что можно было придумать для увеселения гостей, было сделано. На улице собрался народ, закрыв выход для всех карет, и радостно приветствовал дочь фельдмаршала. Салютовали пушки, всю ночь на 24 декабря 1729 года у ворот шереметевского дворца на Воздвиженке толпился народ.

А, между тем, судьба жениха и всей его семьи была уже предрешена: «Это ли мое благополучие и веселье долго ли продолжалось? Не более как от декабря 24 дня по январь 18 дня».

Слишком жестокой оказалась плата за любовь: за каждый день счастья — год страданий и горя. Именно такой ценой расплатилась Наташа за любовь к царскому фавориту. Не зря бытовала на Руси поговорка: «Кто возле царей пребывает, тот подле смерти ходит».

Вскоре после обручения скоропостижно скончался Петр II. В день его смерти — в день предполагаемой двойной свадьбы — Шереметевы собрались на семейный совет. Решили в один голос: помолвку расторгнуть немедленно. «Сродники» стали уговаривать Наталью отказать жениху, которому грозила беда.

— Спасибо, что печетесь, — сухо ответила она, — но нет у меня такой глупой привычки, чтобы сегодня одного любить, а завтра — другого.

— Дура ты, Наталья, — стонал брат. — Пропадешь ведь с ним, дура!

— Ошиблись, сударь. Высокоумная я...

Вечером того же дня Наталья встретилась со своим женихом.

«Присягали мы оба друг другу, что нас ничто не разлучит, кроме смерти; я готова была с ним хотя бы все земные пропасти пройти... Отдав одному сердце — жить и умереть вместе. Мне казалось, что не можно без суда человека обвинить и подвергнуть гневу или отнять честь или имя. Однако после уже узнала, что при несчастливом случае и правда не помогает».

Наталья думала, что представляет себе, на что идет: немилость, ссылка, жизнь в глухой деревне. Так что с того, лишь бы милый был рядом. Если бы знала, какую горькую чашу придется испить до дна...

«Куда девались искатели, друзья? Все спрятались, и ближние одалече меня стали...»

Еще вчера — общая любимица, гордость семьи, счастливая невеста. Теперь все ее избегают, словно прокаженную. А ведь еще есть время отказать жениху. Наталья же сама торопила, настаивала, рвалась навстречу неизбежному. В тот самый день, 8 апреля 1730 года, когда решалась судьба Долгоруких, в Горенках, в убогой деревенской церквушке, состоялось венчание. Никто из огромной родни Шереметевых, кроме двух старушек, не приехал на свадьбу. Когда на третий день после венчания пришла весть о ссылке всех Долгоруких («ехать в дальние деревни и там жить до указа»), даже родные братья и сестры побоялись проститься с Натальей Борисовной.

«Подумайте, каково мне было! Будучи в 16 лет, ни от кого руку помощи не иметь и ни с кем о себе посоветовать, а надобно и дом, и долг, и честь сохранить, и верность. Какое это злое время было! Куда еду — не знаю, и где буду жить — не ведаю. Только что слезами обливаюсь».

Приехала Наташа в дом свекра вся заплаканная, света не видела перед собой. Там встречала ее вся семья Долгоруких. После венчания в церкви всего три дня было покоя, а на третий день приехал в Горенки сенатский секретарь и объявил указ императрицы: не мешкая, не чинясь и не умытничая, собраться и ехать в дальние пензенские деревни, а там ждать дальнейших указов.

Тяжко пришлось Наталье Борисовне, слишком молода была для таких испытаний — только вошла в незнакомую семью и принуждена ехать с ними в ссылку. Не было у нее и практического опыта, не взяла с собой ничего дорогого, все подарки, шубы, драгоценности отослала брату на сохранение. Никто не научил ее, как собраться. Золовки прятали золото, украшения, она же только ходила за мужем, «чтобы из глаз моих никому не ушел». Брат прислал ей тысячу рублей на дорогу, она же взяла себе только четыреста, остальные отослала назад, приготовив еще мужу тулуп, себе шубу и одно черное платье.

После поняла она свою глупость, да было поздно. Дорогою узнали Долгорукие, что едут они в Березов, который отстоит от столицы на 4 тысячи верст к северу. Старый князь Долгорукий чуть ума не лишился: именно туда сам он сослал несколько лет тому назад своего злейшего врага, светлейшего князя Меншикова со всей семьей. И вот теперь уже его семья в страшную глушь волочится, да под неусыпным караулом.

Указ предписывал содержать арестантов под суровым надзором, никуда их не выпускать, кроме церкви, никого не принимать, переписки ни с кем не вести, бумаги и чернил не давать. Из Тобольска в Березов добирались на старом дощанике.

«С апреля по сентябрь были в дороге. Всего много было; великие страхи, громы, ветры чрезвычайные... Завезли нас в маленький городок, который сидит на острове; кругом вода; жители едят рыбу сырую, ездят на собаках, носят оленьи кожи; как с него сдерут, не разрезавши брюха, так и наденут, передние ноги вместо рукавов... После дворцовых палат избы кедровые, оконца ледяные вместо стекла».

Долгая, на десять месяцев, зима, леса непроходимые да болота — вот в какие гибельные места попала изнеженная и привыкшая к роскоши юная княгиня Наталья. Но скорбела она не о своей участи.

«Пускай бы я одна в страдании была — товарища своего не могу видеть безвинно страдающего...».

В Березове, через год после свадьбы, у семнадцатилетней княгини родился сын Михаил. Трудно родился — в этом «медвежьем углу» не то что врача — повитуху сыскать не было никакой возможности. Единственная добрая душа в семье Долгоруких — свекровь, княгиня Прасковья Юрьевна, умерла, не доехав до места ссылки. Остальные Наталью только шпыняли да заставляли себя обслуживать так, что даже караульные солдаты ее жалели:

— Они-то ссыльные, а ты, княгинюшка, одна ровно каторжная тут.

От мужа никакой поддержки Наталья не видела: князь Иван, поддавшись в ссылке отчаянию, проводил дни в пьянстве с мелкими чиновниками, попами и купцами. А если не пил — так сидел в избе, вспоминал, сколь весело с покойным другом-государем гулял, какие вина пил, какие блюда откусивал, да из какой посуды. Жена иной раз не выдерживала — всдыхивала:

— Довольно бы вам, сударь, блюда да кубки пересчитывать! Чай, сейчас других дел достаточно...

Нет, не желал князь Иван «другими делами» заниматься. Ему ли, в высоких палатах рожденному, дрова рубить, избу чинить? Это Меншиков в ссылке себя трудами спасал: собственноручно дом выстроил, часовенку над рекой срубил, огород развел. Так Меншиков, хоть и числился «светлейшим князем», происхождения был подлого, простонародного. Другое дело — Долгорукий!

Наталье Борисовне, образованной, с душой чуткой и отзывчивой, нелегко приходилось и с надменными, капризными, невежественными золовками. Те, тоже привыкшие к роскоши и достатку, не желали ни за водой сходить, ни еду приготовить. Все приходилось делать Наташе, а вместо благодарности получала она лишь оскорбления да обиды. Больше других лютовала Екатерина, несостоявшаяся императрица российская:

— Ох, и дура же ты, Наташка! Польстилась на долгоруковские богатства, залетела, птичка шереметевская, на наши хлеба. Да не вышло у тебя, не вышло, потому что — дура...

— Нет, сударыня, ошиблись. Высокоумная я...

Духовно одинокая, терпящая постоянные мелкие обиды, грубость, молодая женщина проявила исключительную твердость характера. Воспитывала сына, поддерживала павшего духом мужа. И... благодарила судьбу за то, что жизнь дала «знать такого человека, который того стоил, чтобы за любовь жизнью своей заплатить, целый век странствовать и всякие беды сносить».

«...Истинная его ко мне любовь принудила дух свой стеснить и утаивать эту тоску и перестать плакать, и должна была и его еще подкреплять, чтоб он себя не сокрушил: он всего свету дороже был. Вот любовь до чего довела: все оставила, и честь, и богатство, и сродников, и стражду с ним и скитаюсь. Этому причина все непорочная любовь, которою я не постыжусь ни перед Богом, ни перед целым светом, потому что он один в сердце моем был. Мне казалось, что он для меня родился, я для него, и нам друг без друга жить нельзя...»

По недостатку помещений в доме, который выстроил для себя светлейший князь Меншиков, князю Ивану с женой выделили дровяной сарай, наскоро перегороденный и снабженный двумя печками. Жить в нем было невозможно, от холода умер почти сразу после рождения второй сын княгини Натальи — Иван. Но молодую женщину и это не сломило. Когда вскоре после приезда в ссылку скончался старый князь Долгорукий, главой семьи стал князь Иван. А на деле отвечала за все молодая княгиня. За все и за всех.

Семья Долгоруких не была дружной, они часто ссорились и пререкались друг с другом, говорили много бранных слов. Об этом доносили даже императрице Анне Иоановне, которая в 1731 году издала специальный указ: «Сказать Долгоруковым, чтоб они впредь от ссор и непристойных слов конечно воздержались и жили смиренно, под опасением настрожайшего содержания».

А Наталья Борисовна нраву была тихого, доброго и смогла расположить к себе охрану, которая стала снисходительней к ним. Им разрешили выходить из острога в город, бывать в гостях и принимать у себя. Воевода Березова и его семья сошлись с ними, приглашали к себе и часто проводили время вместе. Жена воеводы присылала Долгоруким «разную харчу», меха. Из оставшихся у них дорогих вещей князь Иван и княжна Наталья делали подарки своим благодетелям.

Общительный и веселый от природы князь Иван завел дружбу и знакомство с офицерами гарнизона, с местным духовенством и городскими обывателями. Всем интересно было послушать рассказы о житье при царском дворе столь именитого в прошлом вельможи. Особенно он сошелся с флотским поручиком Овцыным. Они часто вместе кутили, и вино развязывало язык князя. Он проговаривался о многом, неосторожно и резко отзывался об императрице, о цесаревне Елизавете Петровне, о придворных.

В числе прочих собутельников был таможенный подьячий Тишин, которому приглянулась бывшая царская невеста княжна Екатерина. Однажды напившись, Тишин высказал ей свои желания, а оскорбленная княжна пожаловалась Овцыну — тогда уже ее любовнику. Тот наказал обидчика, жестоко избив. Тишин поклялся отомстить и отправил донос сибирскому губернатору, в котором обвинял Долгоруких и майора Петрова с березовским губернатором в послаблении узникам.

Тогда отправили в Березов в 1738 году капитана сибирского гарнизона Ушакова с тайным предписанием, под видом лица, присланного по повелению императрицы для улучшения положения Долгоруких, разузнать все об их жизни. Он сумел войти ко многим в доверие, узнал все, что ему было нужно, а по его отъезде был получен строжайший приказ из Тобольска — отделить князя Ивана от сестер, братьев и жены и заключить его в тесную сырую землянку. Там ему давали грубой пищи лишь столько, чтобы он не умер с голоду. Наталья Борисовна выплакала у караульных солдат дозволение тайно по ночам видеться с мужем через оконце, едва пропускавшее свет, и носила ему ужин.

Но ее, снова беременную, ждали еще более тяжкие испытания. Темной ночью августа 1738 года к Березову подплыло судно с вооруженной командой. На него в полной тишине препроводили князя Ивана Алексеевича, двух его братьев, воеводу, майора Петрова, Овцына, трех священников, слуг Долгоруких и березовских обывателей, всего более 60 человек.

Их привезли в Тобольск к капитану Ушакову, который учинил над ними следствие, по тогдашнему обычаю «с пристрастием и розыском», то есть с пыткой. Девятнадцать человек были признаны виновными в послаблениях Долгоруким и потеряли жестокую кару: майора Петрова обезглавили, других били кнутом и записали в рядовые в сибирские полки.

Князь Иван подвергся особым пыткам, во время следствия содержался в тобольском остроге в ручных и ножных кандалах, прикованным к стене, истощился нравственно и физически и был близок к помешательству. Он бредил наяву и рассказал неожиданно даже то, о чем его не спрашивали — об истории сочинения подложного духовного завещания Петра II. Это дало новый ход делу, были взяты дяди князя Ивана, князья Сергей и Иван Григорьевичи и Василий Лукич Долгорукий. Всех их привезли в Шлиссельбург, а затем в Новгород, подвергли пыткам и затем казнили.

Страшная казнь ждала князя Ивана — его колесовали, четвертовали и обезглавили 8 ноября 1739 года на Скудельничьем поле близ Новгорода. А перед этим жестоко и долго пытали: подвешивали на дыбе, тянули жилы, били батогами, кнутом. В день казни своей Иван Алексеевич вел себя мужественно, исповедавшись и причастившись, надел чистую рубаху.

Когда палач отсек ему правую руку — читал псалом, и продолжал чтение сие, пока не потерял сознание от невыносимой боли. Палач тогда уж начал рубить правую ногу. Последними словами князя Долгорукого были: «Благодарю тебя, Господи, что сподобил мя познать милость Твою!»

Братья Ивана, князья Николай и Александр, были биты кнутом и после урезания языков сосланы на каторжные работы, князь Алексей отправлен матросом на Камчатку, а сестры — княжны Екатерина, Елена и Анна — заключены в разные сибирские монастыри.

Полтора года княгиня Наталья ничего не знала о судьбе мужа. Младшего сына Дмитрия родила уже после ареста и казни князя Ивана, сама находясь в заключении, под штыком. Дмитрию исполнился год, когда измученная неизвестностью Наталья написала первое и единственное прошение на имя императрицы Анны Иоанновны: если муж жив, не разлучать ее с ним...

— Хватилась, голубушка, — хмыкнула императрица, прочитав прошение. — Мужа твоего давно воронье по косточкам разнесло.

Но в тот самый день племянница императрицы — Анна Леопольдовна — родила долгожданного наследника, будущего «тайного императора» Иоанна. И императрица смилостивилась: разрешила ссыльной Долгорукой с детьми вернуться, но не в Москву, а в подмосковное имение брата, и жить там тишайше, никому ничего не сказывая...

Долог был путь княгини с детьми до Москвы, больше полугода добиралась водой да сушей. Только по дороге ни разу кошелек не развязала, копеечки не истратила, всюду добрые люди кормили и поили молодую женщину и двух малышей, давали кров, бесплатно везли на подводах и лодках... А она не отказывалась: проста стала, как те бабы, которые ей сочувствовали, помощь принимала да в пояс людям добрым кланялась. Так и добралась до столицы.

Наталья въехала в Первопрестольную в тот самый день, когда императрица Анна Иоанновна скончалась в страшных мучениях... Только тут и узнала княгиня от родных и свойственников о судьбе супруга, но лучше было бы, наверное, не знать ей того ужаса, что сокрушил немисливо ее душу.

В горести неизбывной поселилась Наталья Борисовна в селе Волынской, в шести верстах от Москвы, и полностью посвятила себя воспитанию сыновей. Старший — Михаил — рос здоровым имышленным, а вот младший — Дмитрий — тревожил мать своей хрупкостью, болезненностью и какой-то противоестественной задумчивостью. Да еще напасть — падучая болезнь у него открылась. Не прошли даром долгие месяцы в застенке...

Двадцать семь лет исполнилось княгине, а лучшие свои годы она провела так, как никому не пожелаешь. Хотя красивое лицо ее редко выдавало смятение, но глаза всегда были полны скорби и тоски, которые ничего не могло развеять.

Время от времени Наталья Борисовна появлялась в Москве: в семье старшего брата, графа Петра Борисовича, ее всегда принимали с радостью и теплом. Тот уже был женат: взял богатейшую невесту России, княжну Варвару Черкасскую. Отец Варвары был в числе тех сановников, которые угодливо поддержали монаршьи указы о расправе над Долгорукими, но теперь гнул спину перед новой императрицей — Елизаветой Петровной. Наталья Борисовна стала крестною матерью младшей дочери Петра Борисовича, Анны.

По указу императрицы Елизаветы, Долгорукие были возвращены из ссылок и монастырей, одарены именьями, а женщины — призваны ко двору. Бывшая царская невеста княжна Екатерина вышла замуж за графа Брюса, но вскоре умерла: здоровье ее было непоправимо подорвано лютыми сибирскими зимами, проведенными в томском монастыре.

Наталья Борисовна пыталась усердно хозяйствовать в имении, меняла обветшавшую мебель, разводила цветы, возрождала запущенный сад... Но холодно было душе ее, чувствовала она себя птицей с перебитыми крыльями и не раз горько признавалась подруге своей, княжне Александре Меншиковой, что, кабы не дети, ушла бы она сей же час в монастырь!

А красота ее все еще цвела пышным цветом, привораживая многих: затаенная печать страдания в огромных очах придавала всему ее облику еще больше таинственной прелести.

Во время короткого пребывания Натальи Борисовны в Петербурге подружилась она при дворе с Великою княгиней Екатериной Алексеевной, будущей императрицей, и та потом описывала в своих мемуарах, как смешно и немного наивно пытался ухаживать за «страдалицей-княгиней» очарованный ею сам Великий князь Петр Петрович, а она «обращалась с ним мудро и ласково, будто с малым ребенком, а из глаз ее всегда струилась мягкая печаль».

Великая княгиня обворожена была Натальею Борисовной почти магически, и искренне признавалась ей, что пример княгини Долгорукой не раз вдохновлял ее смятенную душу в печальные, трудные минуты, каких в жизни Екатерины Алексеевны было тоже немало.

К Наталье Борисовне многожды и сватались, и обещались составить счастье и ее, и детей, но душа ее оставалась словно закрытой на замок. Чем объяснить это, и как, она не могла понять, но все чаще овладевала ею нездешняя тоска маетная, и видела она во сне мужа зовущего ее то в белый цветущий сад, то в открытую церковь без купола, где горела вместо свечей огромная, яркая звезда... Видела она мужа изможденным, рубище его в кровавых пятнах и металась оттого, что не могла поехать на могилу его, праху поклониться!

По совету императрицы Елизаветы Петровны, очень благоволившей к княгине, начала Наталья Борисовна постройку церкви на Воздвиженке. Храм вышел славный, но и его открытые двери не успокоили, не утишили ее душевного пожара.

Болело сердце и за младшего — Дмитрия, все чаще стал он хворать, скрутила его немочь черная, бился он в припадках падучих, и никакие наговоры и заговоры бабушек-травниц не помогали. Только руки материнские да молитва!

Старший, Михаил, женился на княжне Голицыной, тоже отпрыске семьи, пострадавшей от гонений в царствование Анны Иоанновны. Внук княгини, поэт Иван Михайлович Долгорукий, названный Иваном в честь деда, вспоминал:

«Часто, держа меня на коленях, она сквозь слезы восклицала:

— Ванюша, друг мой, чье имя ты носишь!

Несчастный супруг ее беспрестанно жил в ее мыслях».

Наконец, после странного и чудного видения плиты могильной под своими ногами, она решила уехать с Дмитрием к святым мощам в Киево-Печерскую лавру. Князь Михаил возражать матери не стал — духу не хватило, ибо относился к ней всегда со столь высоким уважением, что, порой, ее саму оторопь брала.

Дмитрий постригся в монахи, а во Флоровском женском монастыре появилась новая схимница — сестра Нектария.

Так провела Наталья Борисовна, сестра Нектария, в монастыре последние восемнадцать лет своей жизни.

Относились к ней ласково и уважительно, строгими монастырскими бдениями не тревожили, жила она свободно, мог навещать ее в любое время всяк, кто хотел, но сама она была усердной молитвенницей, трудилась не покладая рук, вышивала для монастыря и монастырских церквей бисером и жемчугом, ухаживала за могилами брошенными, привечала странников и больных в монастырском приюте.

Написала она в келье своей книгу «Своеручные записки княгини Натальи Борисовны Долгорукой» и подарила внуку Ивану. Подарила она ему и кольцо жемчужное с гранатами, то самое, которое поднес ей на обручение князь ее любимый, Иван Алексеевич. Сберегла она кольцо это, несмотря на все невзгоды и горести жизни своей, и завещала Ванюше — младшему, как память о себе...

Памяти о себе ей нечего было стыдиться: освещена была память сия высоким и чистым светом любви. Любви, в которой много было живого и теплого, прощения и жалости, слез и скорби, заблуждений и понимания, но было и много такого, что считала Наталья Борисовна истинным Даром Божиим, освятившим всю ее «многоскорбную жизнь».

Иван Михайлович Долгорукий в 1810 году впервые опубликовал «Записки» своей бабушки, «знаменитой, — как он писал, — россиянки», в январской книжке московского журнала «Друг юношества». С 1810-го по 1913 год «Записки» Долгорукой публиковались неоднократно. Сама же рукопись находится сейчас в Центральном государственном архиве России.

...Плотная, тисненная, заметно пожелтевшая бумага. Ореховые чернила. Всего 52 листа, исписанные характерным почерком Натальи Долгорукой без заглавных букв, местами без гласных, без знаков препинания. И сюрприз — десять притч-рисунков, исполненных пером теми же ореховыми чернилами (Наталья Борисовна была искусной рисовальщицей).

И никакого преклонения перед царственной особой: в «Записках» воспоминания о прошлом (детство, картины помолвки, свадьба) сменяет сатирическое и весьма достоверное описание Анны Иоанновны. Наталья Долгорукая видела императрицу только раз, когда той присягали войска.

«Мой жених командовал гвардиено, он был майор, отдавал ей честь на лошади. И с того времени в жизни своей я ее не видела. Престрашного была взору, отвратное лицо имела, так была велика, когда между кавалеров идет, всех головой выше, и чрезвычайно толста».

На свете только одна абсолютная непреложность — свет истинной любви. Озаренной и очищенной именно этим светом, сохраненной им, и предстает перед нами многогрешная и великолепная жизнь князя Ивана Долгорукого. Говорят, что «муж в глазах жены выглядит настолько достойным, сколько любви к нему ей отпущено Богом».

Наталье Долгорукой Бог даровал любви так много, что хватило на три столетия с лишком. Поистине драгоценно было сердце женщины, могущее принять сей великий дар.

Княгиня Наталья Борисовна Долгорукая, одна из самых замечательных женщин своей эпохи, пережила своего младшего сына на два года и была похоронена в Киеве у стены Успенского собора Киево-Печерской лавры.

Как ей и привиделось в одночасье. ☞

УБИЙСТВО

судьи Робинсона

Глава 1

— Вы хоть раз катались на машине с приличной скоростью? — спросил я у Эллен. Мы только что свернули с песчаной подъездной дорожки «Кантри-Клаба» на 49-е шоссе.

— Иногда разгонялась даже до ста двадцати.

— Это чепуха. Следите за спидометром — когда стрелка дойдет до ста пятидесяти, дайте знать.

— Вы нас угробите, — очень спокойно заметила она.

— Вполне возможно, если лопнет шина!

В этом месте 49-е шоссе стрелой прорезает безлюдную долину. Августовскую ночь укутывал густой мерцающий сумрак. Асфальт мягко поблескивал в рассеянном желтом свете фар. Я сидел за рулем своей новой «игрушки» — длинной и приземистой, с лобовым стеклом, похожим на корму корабля.

Скорость постепенно росла. Сквозь свист ветра и шум мотора доносился ровный голос Эллен: «Сто двадцать... сто тридцать... сто... сто пятьдесят пять...»

Далеко впереди я заметил фары приближающейся машины и убрал ногу с педали, — скорость упала до восьмидесяти. Затем свернул вправо и остановился на обочине.

Эллен, удобно вытянув ноги, все еще не могла оторвать взгляд от спидометра.

— Смелости вам не занимать. Ну, и как, понравилось?

— Да. Мне просто необходимо было немножко расслабиться. У вас есть сигареты?

Мы молча закурили. Насколько я понял, девушка удрала с приема, чтобы поговорить со мной, а потому не хотел ее торопить — пусть начинает сама. Нечасто случалось мне оставаться наедине с Эллен Робинсон: мы встречались в клубе, иногда — у общих знакомых, обменивались парой слов... но не более.

Между нами стояло что-то вроде семейной вражды. Противостояние Спенсов и Робинсонов началось задолго до нашего рождения, и наши предки не сомневались, что, едва появившись на свет, мы будем так же инстинктивно ненавидеть друг друга. Отец упорно прививал мне отвращение к Робинсонам, а я, несмотря на все его старания, так и не почувствовал ни малейшей неприязни к Эллен. В семь лет у нее были белокурые косички, очаровательные голубые глаза, и она лазила по деревьям и играла в мяч, как мальчишка. Эллен мне нравилась. Но всякий раз, увидев, что я играю с дочкой Робинсона или провожаю ее после школы, отец устраивал мне суровую взбучку. В конце концов, я решил, что это слишком дорогая плата за дружбу. Теперь Эллен — двадцать два, а мне — двадцать семь, и уже много лет, по обоюдному молчаливому согласию, мы избегаем встреч.

Р.Л. Голдман

перевод
с французского
Мария Малькова
и Владимир
Григорьев

иллюстрация
Иван
Каменщик

Зачем она напросилась ко мне в машину? Я испытывал врожденное недоверие ко всему, что исходило от Робинсонов, постоянно ожидал от них какого-нибудь подвоха и частенько оказывался прав. Эллиен куда больше походила на дядю Эндрю, главу клана, чем на своего отца, судью. В ней чувствовались те же хладнокровие, упорство и неистовая жажда победы. Намекая, что не прочь прокатиться с ветерком, она, конечно, знала, что совсем недавно я приобрел новую мощную машину. Из чистого любопытства я уступил и теперь ждал, когда она, наконец, заговорит.

— Пора возвращаться в клуб, — вдруг сказала Эллиен, — нас могут хватиться.

По идее, мне следовало возразить, что торопиться некуда, но вместо этого я потянулся к зажиганию: «Как вам будет угодно».

Она задержала мою руку.

— Подождите! В конце концов, все это неважно.

— Ну, хорошо. — Я снова откинулся на спинку сиденья. — Так о чем вы хотели поговорить?

Не ожидая такой прямоты, Эллиен вздрогнула.

— Вы меня терпеть не можете, да?

— Ничуть. Вспомните, как мы дружили в детстве. А сейчас почти не встречаемся.

— Вы мне не доверяете, словно я что-то замышляю против вас, даже если мы случайно сталкиваемся в клубе или у друзей.

— Меня столько раз из-за вас лупили, что, волей-неволей, приучили к осторожности.

— Однако, говорят, вы вовсе не из пугливых.

— За пять лет у руля «Гэзет» я привык не слишком доверять ни себе, ни другим. Впрочем, готов отнестись к вам иначе — это зависит только от вас.

Она снова, уже с большим чувством, взяла меня за руку.

— Хорошо, Джерри.

— Вот мы и помолодели на пятнадцать лет, — улыбнулся я.

— Надеюсь, на сей раз вам не надерут уши.

— Вот уж чего не боюсь! Но имейте в виду: я не собираюсь забывать об осторожности — не раз видел фильмы с героинями вроде Маты Хари.

И хотя мой тон был явно шутивным, Эллиен ответила очень серьезно:

— Я — не шпионка. Когда дяде Эндрю надо что-то выведать, он прекрасно обходится без меня.

Политикой я не интересуюсь — такая грязь! Она отравила жизнь вашему отцу и, в конце концов, свела в могилу. А вы продолжаете его дело...

— Я унаследовал и «Гэзет» и ее политическое направление, стало быть, не мог не столкнуться с Эндрю Робинсоном.

— Да кому нужны ваши вечные стычки и клеветы?

Последнее слово рассердило меня.

— Вы что, намекаете на последнюю передовицу «Гэзет»?

— Это вы написали статью?

— Нет, Дженнисон. Он — ровесник отца, а потому еще способен писать такие вещи с должным подъемом. Но я совершенно не понимаю, что вас встревожило. Отец целых тридцать лет, по крайней мере, два раза в неделю, печатал передовицы, обличающие клан Робинсонов. Как, кстати, называлась последняя? Ах, да, — «Дом Робинсонов — на краю пропасти». Все это ровным счетом ничего не значит.

— И у вас не было никакого тайного умысла?

— Да что с вами, Эллиен? Я еще в клубе заметил, что вы нервничаете и чем-то озабочены.

— Мне показалось, что эта статья... Джерри, скажите правду: вы намекали не на папу?

— Даю вам слово, эта писанина так же безобидна, как прогноз погоды. Набор общих мест, каких полным-полно в любом политическом выступлении. Я бы с превеликим удовольствием вообще отказался от этой еженедельной жвачки, но наши друзья всегда с восторгом ее читают. Но при чем тут ваш отец? — Ответа не последовало, и я продолжил: — Все понятно, вы вообразили, будто я что-то раскопал, и решили узнать, насколько это серьезно. А теперь сами жалеете, что завели разговор.

Эллиен повернулась ко мне.

— Вы правы, — призналась она. — Я хотела просить вас отказаться от этой кампании.

— Ах, вот оно что? Теперь ясно, для чего вы затеяли трогательную встречу друзей детства! Ну, что, возвращаемся?

— Нет, сначала я вам все расскажу. А потом можете использовать услышанное, как хотите — даже напечатать... мне все равно... Но, думаю, вы не станете трепаться. Ни дядя Эндрю, ни политика тут ни при чем. Впрочем, рано или поздно вы все равно узнаете... Только имейте в виду: если это вдруг появится в газете, вы убьете моего отца.

— Почему именно я выбран на роль слушателя?

— Сама не знаю! Но я уже зашла слишком далеко. Мне просто необходимо выговориться, я так страдаю! Джерри, я...

Сообразив, что сейчас произойдет, я поспешно крикнул:

— Только не вздумайте рыдать! Со мной этот фокус не пройдет!

Но она уткнулась мне в плечо и горько заплакала. Слезы казались искренними: видимо, у бедняжки Эллиен и в самом деле накопело. Мне вдруг вспомнилось, как однажды в детстве она упала с дерева и сильно разбила коленку. Девочка даже не застонала. Я на руках отнес ее домой, а потом вернулся к себе, весь перепачканный кровью. А сегодня лацкан моего белого пиджака будет мокрым от слез и измазан помадой.

Я обнял вздрагивающие плечи и начал нежно гладить Эллиен по волосам, бормоча всякие бессмысленные слова. Что еще остается мужчине в таких случаях?

Скоро она успокоилась и стала искать носовой платок. Я протянул ей свой. Девушка наклонилась и вытерла глаза и щеки.

— Полегчало?

— Да. Это копилось так давно, что я просто не выдержала.

— Ну, что ж, ваша взяла. Так что там стряслось? Могу чем-нибудь помочь?

— Нет. Это безнадежно. Вот уже три месяца я наблюдаю, как зло проникает все глубже и глубже, и ничего не могу поделать. Скажите, Джерри, вы в последнее время видели моего отца?

— Нет, с прошлой зимы — ни разу.

— Вы бы его не узнали — он ужасно постарел. Этот мерзавец его убивает, — прошептала Эллиен.

— Я не понимаю, о чем вы. Какой мерзавец?

— Джонас Хэтфилд. Вы знакомы с ним, не так ли? Этот тип появился в Мидленде прошлой весной и выдает себя за евангелиста.

— Да-да, припоминаю. Хэтфилд проповедовал в предместьях, мы даже печатали для него программы и тексты. А что, он все еще здесь?

— Да, и живет в нашем доме.

Я удивленно посмотрел на Эллиен.

— Что делает у вас этот бродяга?

— Папа предложил ему переселиться к нам. Впрочем, это ничего не изменило: Хэтфилд и так постоянно торчал в доме. Ума не приложу, каким образом этот гнусный лицемер заполучил такую власть над отцом! Раньше папа даже в церковь не ходил. Потом как-то раз попал на проповедь Хэтфилда и с тех пор стал совсем другим человеком. Теперь он не читает ничего, кроме проповедей проклятого евангелиста или им же подаренного молитвенника.

— А что надо этому Хэтфилду? Денег?

— Конечно! Он из тех, кто лишь корысти ради прикидывается праведником — истинно верующие таких презирают. Хэтфилд уже вытянул из отца немало денег. Но это — пустяки. Нас больше волнует папино здоровье. Он чем-то напуган и живет в вечном страхе.

— Чего же он боится? Неужели Хэтфилд посмел угрожать ему?

— Не в том дело! Папа не боится ничего, что могло бы случиться с ним при жизни.

— Тогда чего же? Ада?

— Вот именно. — Эллиен наклонилась ко мне и с мольбой в голосе тихо добавила: — Папа всегда оставался честным человеком. Вы ведь знаете это, не так ли? Когда он был судьей, все... все свое состояние заработал честным путем.

— Поверьте, я вовсе не собираюсь утверждать обратное. Просто брату Эндрю Робинсона не составляло труда приумножить это состояние. А что об этом говорит Большой Босс Эндрю Робинсон? — не унимался я. — Неужели он не может вышвырнуть Хэтфилда из города?

— Дядя еще не принял окончательного решения. У папы — большое сердце, и нам приходится действовать очень осторожно. Дядя Эндрю хотел было прогнать евангелиста, но передумал и сейчас пытается повлиять на отца. Только, по-моему, это безнадежно.

— А пока вы с дядюшкой прикинули, что было бы полезно пооткровенничать со мной и, тем самым, нейтрализовать «Гэзет». Могу вас успокоить, Эллиен, моя газета — не бульварный листок. Передайте Большому Боссу, что вам удалось меня уговорить, и дело в шляпе...

— Клянусь вам, Джерри...

— Да ладно! В любом случае «Гэзет» не занимается подобными вещами. Давайте-ка вернемся в клуб — уже половина одиннадцатого.

На сей раз она не стала меня удерживать. Мчась по шоссе, я вдруг подумал, что Эллиен, в сущности, ничего мне не сказала. Истинного значения того, что случилось в доме Робинсонов, я еще не знал.

Примерно за милю до клуба я увидел машину, ехавшую нам навстречу. За рулем сидел Дон Уильямс. Он притормозил, несколько раз посигналил, и мы остановились бок о бок.

— Где вас носило? — спросил он. — Я уже четверть часа мотаюсь туда-сюда.

— Мы просто катались.

— Эллиен, вам несколько раз звонили.

— Кто?

— Понятия не имею. Один официант просил меня передать, чтобы вы позвонили домой.

— О, Боже! — Эллиен замерла, судорожно вцепившись в мою руку. — Ответите меня домой, Джерри! Быстро! — выдохнула она.

Я снова завел мотор, и секунду спустя мы сломя голову мчались в Мидленд. Тревога девушки передалась мне, и я ничуть не удивился при виде скопления автомобилей на песчаной аллее у дома судьи Робинсона. Прежде всего, там стоял черный «роллс-ройс» Эндрю Робинсона — за рулем, как всегда, сидел шофер и телохранитель Даган. Потом две полицейские машины: «бьюик» капитана Лаудербeka и патрульная машина. Чуть поодаль — еще один, не знакомый мне автомобиль. Впрочем, судя по красному кресту на лобовом стекле, он, несомненно, принадлежал врачу. Наконец, за углом виднелась «Скорая помощь».

Онемевшая от страха Эллен открыла дверцу. Я едва успел схватить ее за руку и помешать выскочить из машины на ходу. Эллен, за ней и я, побежали к крыльцу, где маячил полицейский из патрульной машины. Страж молча отодвинулся, и мы вошли в холл. Так впервые в жизни я оказался в доме Эллен.

Эндрю Робинсон шагнул навстречу племяннице. На вид ему можно было дать лет пятьдесят пять. Густые, некогда русые волосы совсем поседели, но, несмотря на это, квадратное, гладко выбритое лицо казалось румяным и свежим. Он был почти одного роста со мной (во мне — метр восемьдесят шесть), но выглядел гораздо внушительнее.

Присутствие дяди, казалось, вдохнуло в Эллен новые силы.

— Что с папой? — тревожно спросила она.

— Он умер, Эллен.

Плечи девушки поникли, она рванулась было к закрытой двери слева от нас, но вдруг, резко повернувшись на каблуках, решительно подошла к креслу с высокой резной спинкой и села.

Эндрю Робинсон следил за ней взглядом. Оба словно не замечали моего присутствия. Усевшись, Эллен спросила:

— Как это случилось?

Робинсон медлил с ответом, пристально глядя на племянницу и раздумывая, выдержит ли она еще один удар.

— Прошу вас, дядя, скажите, что произошло?

— Я же сказал тебе: он умер.

— Сердце?

Мне показалось, Эндрю с трудом сдерживает волнение: кулаки несколько раз нервно сжались и разжались.

— Его убили, — наконец выдавил из себя Робинсон.

Эллен пошатнулась и закрыла лицо руками.

— Мужайся, Эллен! — Дядя обнял ее за плечи.

— А известно... кто?

— Нет, но мы это узнаем.

— Где Хэтфилд?

— Где-то бродит, но если не вернется до половины двенадцатого, объявим розыск. — Большой Босс повернулся ко мне и без лишних церемоний бросил: — Тут только что болтался один из ваших репортеров — так он уже уехал в редакцию.

— Я привез Эллен, — отпарировал я. — Лаудербек здесь?

Он кивнул.

— Прин тоже?

— Да.

Я указал на закрытую дверь.

Робинсон снова кивнул.

— Мне туда можно?

— Спросите у Лаудербeka.

Я открыл дверь и оказался в библиотеке.

Передо мной была огромная комната. Три стены сплошь покрывали книжные полки. Сквозь большие стеклянные двери в четвертой виднелась широкая терраса, а дальше — сад. В детстве я часто пробирался в этот запретный сад и не раз видел через открытые двери спину сидящего за рабочим столом судьи.

Теперь возле этого стола стояли трое мужчин. Я подошел поближе: на окровавленном ковре, широко раскинув руки, лежал ничком мертвый судья Робинсон.

Капитана Лаудербeka и сержанта Прина я видел почти каждый день, а потому лишь дружески махнул им рукой. С медицинским экспертом доктором Рейнольдсом поздоровался более официально, потом склонился над телом. Судья был без пиджака, в белой рубашке, вымазанной кровью и разорванной чуть ниже плеч и в середине спины.

— Его ударили ножом? — спросил я у Лаудербeka.

— Да, семь раз. Следы ударов весьма отчетливы, каждая рана — примерно два дюйма глубиной.

— А что за нож?

Лаудербек пожал плечами.

— Пока мы его не нашли. Рейнольдс полагает, что убийца орудовал скальпелем. Три удара в спину, четыре — в грудь. И еще судью несколько раз стукнули молотком по голове, причем каждый удар — сам по себе смертелен.

Доктор Рейнольдс нахмурился и с упреком посмотрел на капитана. Домашний врач Робинсонов, естественно, терпеть меня не мог, а потому явно решил, что Лаудербек слишком много болтает. Но полицейский считал себя моим другом и мужественно не скрывал глубокой симпатии ко мне, хотя полностью зависел от Эндрю Робинсона, тайного хозяина муниципалитета Мидленда. А сержант Прин приходился Лаудербeku шурином.

Преувеличенная тревога врача действовала мне на нервы. Я достал из кармана блокнот и начал записывать, нарочно повторяя вслух:

— Наш выдающийся судебно-медицинский эксперт доктор Рейнольдс заявил, что раны были нанесены...

— Я не делал никаких заявлений! — прервал меня врач. — А только высказал свое личное мнение... и оно еще не проверено.

— Позвольте мне все же напечатать это — в конце концов, возможно, вы правы.

— Я протестую!

Я захлопнул блокнот.

— Послушайте, доктор, между нами говоря, что вы думаете о причинах смерти?

Коротышка Рейнольдс воинственно вздернул подбородок и долго сверлил меня взглядом, при этом его борода почти упиралась мне в грудь.

— Я нахожу оскорбительной ту легкость, которую вы позволяете себе в присутствии покойного! —

Он повернулся ко мне спиной и обратился к капитану: — Я ухожу. Если у вас все, я пришла за телом санитаров.

— Хорошо, — отозвался Лаудербек. — До свидания, доктор, и спасибо.

Когда тот наконец вышел из комнаты, я поинтересовался:

— А теперь расскажите толком, что тут произошло.

— Мы знаем не больше вашего, — проворчал капитан. — Кстати, Рейнольдс — не так уж плох, Джерри, просто немного раздражителен, вот и все.

— Рейнольдс — болван! Позавчера я встретил его на Принс-стрит со стетоскопом на шее — старый осел наверняка хотел показать всему городу, что он — домашний врач Робинсонов. Между прочим, двери библиотеки были открыты?

— Стеклянные — да. А та, что ведет в холл, — заперта изнутри.

— Значит, убийца пробрался через сад и террасу. Или заранее спрятался в комнате.

— По-моему, дело было так. Судья сидит за столом и что-то пишет. Убийца входит через стеклянную дверь. Судья слышит шум, отодвигает кресло, поворачивается и встает. Тепрь он оказывается лицом к лицу с убийцей, и тот бьет его молотком по голове — лобные кости разможены. Потом...

— А ножевые раны?

Лаудербек в замешательстве поскреб затылок.

— Тут дело посложнее... Судья лежал на ковре. Вероятно, он упал на живот, лицом вниз. Рейнольдс говорит, одного удара молотком хватило, чтобы его убить. С другой стороны, раны на груди — достаточно глубоки, чтобы кончик ножа достал до сердца.

— Может, его сначала оглушили?

— Наверняка. Зачем лупить молотком покойника?

— Думаете, разумнее сначала разнести череп, а потом колоть труп ножом? Все это как-то не очень вяжется.

— А по мне, — заявил Прин, — убийца держал судью за шею. Видите, воротник разорван и скручен, галстук развязан...

— Тоже не исключено. Может быть, убийца ударил несколько раз молотком, а потом схватил судью за горло и начал резать.

— Чем? Молотком?

— Он мог отшвырнуть молоток и выхватить из кармана кинжал или скальпель, а другой рукой в это время держал жертву за горло.

— Гм... гм... — недоверчиво хмыкнул я.

— А почему бы и нет? — спросил Лаудербек.

— Попробуйте-ка одной рукой удержать на ногах труп или человека, потерявшего сознание. А ведь Робинсон весил больше восьмидесяти килограммов!

— Видишь? — сказал капитан шурину. — Я же тебе говорил, что это невозможно.

— Нет, возможно! — уперся Прин. — По-другому все равно быть не могло.

— Ну, ладно, допустим, все именно так и было, — продолжал Лаудербек. — Убийца несколько раз ударил судью ножом, поддерживая его на весу, потом сделал шаг назад, и жертва ничком рухнула на ковер. Убийца склонился над ней и нанес три удара в спину. Годится?

— Гм... не очень.

С террасы вышли санитары с носилками.

— Мы еще не закончили, — сказал капитан. — Погодите несколько минут.

Санитары уселись на ступеньках крыльца, а Лаудербек напряженно вглядывался в мертвое тело.

— Может, Робинсона ударили в спину, когда он еще сидел за столом? — предположил я.

— Тогда он упал бы на бювар головой вперед. Нет, судья встал и увидел убийцу.

— Вы уверены?

Капитан нагнулся и с трудом перевернул труп.

— Поглядите: этот человек явно увидел что-то жуткое.

На окровавленном лице с вылезшими из орбит глазами застыло выражение беспредельного ужаса.

— Да, вы правы.

— Глядя на него, я еще вот о чем подумал... но нет, это чистое безумие!

— Что именно?

— Так, одна мыслишка... смахивает на рассуждения моего шурина — красиво, но неправдоподобно.

Но Прин и не думал сдаваться.

— Разве Рейнольдс не говорил, что удары наносились сверху вниз? Стало быть, убийца высокого роста... и достаточно силен... во всяком случае, чтобы...

— ...поддержать на весу судью! — расхохотался я.

Прин пожал плечами и замолчал. Лаудербек подозвал санитаров, и те вынесли труп.

Я присел на краешек стола и закурил.

— У меня тоже есть кое-какие соображения. Сначала судью ударили молотком. Он упал лицом вниз.

Убийца склонился и трижды вонзил ему нож в спину, потом перевернул жертву, желая убедиться, что все кончено. Тогда-то он на всякий случай и нанес еще несколько ударов в грудь.

— А воротник? — спросил Прин.

— Судья, должно быть, закричал. Чтобы заставить несчастного умолкнуть, убийца вцепился ему в горло и тут же стукнул молотком.

— Именно так я себе это и представлял, — согласился Лаудербек. — Но этого упряма ничем не убедишь. — Он задумчиво почесал подбородок. — Все это очень напоминает мне кое-что. Молоток. Нож. Остервенение убийцы. Удары, нанесенные в грудь и спину. Их число. И все же... все же это невозможно! Он не мог совершить этого убийства.

— Вы о ком? Кто не мог убить судью?

— Мясник Мэджи...

Дверь холла отворилась, и вошел Эндрю Робинсон. За ним семенил высокий и тощий Джонас Хэтфилд. Его и без того длинное узкое лицо вытянулось от страха. Евангелист был одет в черный лоснящийся редингот и черные бесформенные брюки. Войдя, он окинул комнату испытующим взглядом, пытаясь понять, что его ждет.

— А вот и Джонас Хэтфилд, Лаудербек, — бесстрастным тоном произнес Робинсон, словно имел в виду неодушевленный предмет, а не живого человека.

Хэтфилд затравленно смотрел на присутствующих.

— Давайте сядем, — предложил Лаудербек. — Этот человек сообщит нам более точные сведения.

Он сел в кресло у стола, мы с Прином устроились на диване, а Эндрю оседлал стул, облокотился на спинку и опустил подбородок на скрещенные руки. Хэтфилд долго переводил взгляд с одного пустого стула на другой и никак не мог решиться.

— Да садитесь вы, где угодно! — нетерпеливо бросил Лаудербек.

Евангелист бесшумно подошел к креслу и опустился на сиденье, потом, скрестив длинные ноги, заботливо разгладил ладонью складки редингота и нервно облизал пересохшие губы. Руки его вцепились в подлокотники кресла и, наконец, словно обессилев, опустились на колени.

Лаудербек, прищурившись, наблюдал за человеком в черном.

— Что вам известно об этом убийстве? — внезапно спросил он.

Хэтфилд откашлялся.

— Ровным счетом ничего. Я услышал о нем полчаса назад: на остановке трамвая продавался специальный выпуск газеты.

— Где вы провели вечер?

Хэтфилд поднял глаза к потолку, словно ища там ответа, затем склонил голову и изрек:

— Я был в гостях.

— Ну-ну, — с издевкой проговорил капитан. — Избавьте нас от лишних расспросов. Вы отужинали здесь в семь часов в обществе судьи и мисс Робинсон. Примерно в четверть девятого вы вместе с хозяином дома вошли в эту комнату, а мисс Робинсон поднялась к себе. В девять за девушкой заехал мистер Уильямс. Вы с судьей все еще были здесь. В четверть девятого, проходя по саду, вас видел лакей Майлс. Так чем вы занимались с тех пор?

Хэтфилд с опаской взглянул на Прина, державшего наготове блокнот и ручку. Это была излюбленная тактика Лаудербека: по мнению капитана, люди не так легко лгут, зная, что их ответы стенографируются.

— Я ушел в половине десятого, — осторожно начал евангелист, — и на трамвае поехал к дому одной особы, которой собирался нанести визит. Машины у меня нет. Когда я добрался до места, еще не было десяти. Там я пробыл около часа и сразу вернулся сюда.

— Где живет эта особа?

— В отеле «Мэдисон» на Сидер-стрит.

— Ее имя?

— Мисс Хэрриет Бентли. Администратор гостиницы видел, как я пришел и как ушел. Вам даже не придется допрашивать мисс Бентли.

— Уж это мы сами решим. Однако, я вижу, вы позаботились, чтобы вас заметили в гостинице.

— Я тут ни при чем! — возмутился Хэтфилд. — Стойка администратора — у самой двери, а заметил он меня, потому что был не занят, к тому же мы знакомы.

— Ладно. Тогда скажите мне вот что: сегодня вечером судья что-то писал. Мы нашли на столе открытую чернильницу и еще влажное перо, но то, что он написал, исчезло. У вас есть на этот счет какие-нибудь соображения?

— Ни малейших.

— При вас судья ничего не писал?

— Нет.

— Вы уверены?

— Совершенно. Мы беседовали на религиозные темы. Вы, наверное, не знаете, что я был духовным наставником судьи Робинсона?

— Капитан в курсе, — сквозь зубы процедил Эндрю. — Знает он и о вашем пагубном влиянии на моего брата, и о том, что вы порядком поживились за его счет.

Хэтфилд покраснел.

— Клевета!

— Не зарывайтесь! — сухо отрезал Эндрю. Он не шевельнулся, не повысил голоса, однако присутствовавшие явно почувствовали в его тоне угрозу. — Я что ж, по-вашему, лгу?

— Я... я имею право защищаться...

Эндрю резко встал, оборвав бормотание Хэтфилда. Подойдя к столу, он угрожающе навис над евангелистом.

— Защищаться от чего? Разве мой брат не давал вам денег?

— Не мне... не лично мне... Он жертвовал на добрые дела. Хвала Создателю, Дух Святой осенил судью, и в душу его вошло милосердие. — Хэтфилд благоговейно закрыл глаза и прошептал: — Аллилуйя! Аминь.

— У вас есть официальное разрешение проповедовать?

— Мне, как человеку...

— Отвечайте: да или нет?

— Нет.

— Тогда вы — самозванец и лицемер. И впредь прошу избавить нас от вашей лживой набожности.

Повторяю: вы оказывали на моего брата исключительно пагубное влияние. Вам удалось выудить у него уйму денег. Мой несчастный брат ослабел и телом, и разумом.

— Это душа его страдала.

— А вы лечили ее обильными кровопусканиями? Хорош врач! — Он достал из жилетного кармана бумажку. — В мае он вручил вам шестьсот долларов, в июне — две тысячи четыреста пятьдесят, в июле — еще четыре с половиной тысячи. Это только чеками. Мы еще не знаем, сколько вы нахватали наличными... а корешки чеков лежали в столе. Не так ли, капитан?

— Верно.

— Сегодня вечером вы получили от брата чек на пять тысяч долларов. Не сомневаюсь, что он и теперь у вас в кармане.

— Да, у меня.

— Отдайте его капитану!

Хэтфилд, упрямо сжав губы, покачал головой.

— Отдайте его капитану.

Большой Босс выждал несколько секунд, потом зашел за спину Хэтфилда, схватил его за шиворот и рывком поставил на ноги. Левая рука его скользнула во внутренний карман редингота и вытащила бумажник. Эндрю выпустил евангелиста и швырнул бумажник на стол.

— Возьмите чек, капитан, и присоедините к корешкам прочих.

Лицо Хэтфилда побагровело.

— Я протестую! Вы не смеете так со мной обращаться! У меня есть права. Ваши действия незаконны!

Лаудербек вынул чек и положил в конверт. Потом, не обращая ни малейшего внимания на возмущенные вопли евангелиста, принялся невозмутимо изучать содержимое бумажника.

Эндрю повернулся ко мне.

— Прекрасная тема для вашей «Гэзет». Права человека и беззаконие.

Хэтфилд вдруг встал и нетвердым шагом приблизился к столу.

— Да сядьте вы, — устало посоветовал Лаудербек. — Мы здесь не в бирюльки играем. Речь идет об убийстве.

— Тогда арестуйте меня! Я буду, по крайней мере, под защитой адвоката. Но вы не смеее! Вам же известно, что у меня железное алиби!

— Это не доказано. Мы еще не установили точное время смерти. Допустим, вы ушли отсюда в половине десятого. До отеля «Мэдисон» — минут двадцать езды.

— И у меня есть свидетели, которые подтвердят, что я был там до десяти.

— Хорошо! Но во сколько же был убит судья? В четверть десятого, когда Майлс вышел в сад, хозяин дома был еще жив. Возвращаясь обратно около десяти, слуга заметил, что в библиотеке пусто. Он вошел и обнаружил хозяина распростертым на ковре. Кто поручится, что в половине десятого, когда вы уходили, судья был жив?

Хэтфилд разинул рот от удивления. Лицо его постепенно покрывалось восковой бледностью, как от удара в солнечное сплетение.

— Нет, когда я уходил, он был жив. Господь тому свидетель.

— И это вы называете алиби?

— Зачем мне его убивать? Судья Робинсон питал ко мне искреннюю дружбу, помогал, давал деньги...

— Капитан, нечего с ним церемониться, — подзадорил полицейского Эндрю. — Зря этот гусь надеется выйти сухим из воды!

— Не очень-то я люблю подозреваемых, которые сами просят их арестовать, — продолжал Лаудербек. — Как выяснилось, ваше алиби не так уж неуязвимо: в нем есть пятнадцатиминутная «дыра». Вы последний, с кем судью видели живым. Три месяца вы тянули из него деньги, ибо то, чем вы занимались, обычно называется вымогательством. И вы еще спрашиваете о причинах убийства? Впрочем, есть и другие. Например, завещание, которое судья составил неделю назад под вашим влиянием. Позавчера он рассказал о нем дочери, прося позаботиться, чтобы никто не оспаривал завещанной вам доли. — Прервав обвинительную речь, капитан достал из ящика стола документ.

— Это приписка к последнему завещанию жертвы. Таким образом, у нас есть доказательство, что смерть судьи принесла вам пятьдесят тысяч долларов.

— Я сказал правду, — с трудом выговорил евангелист. — Чек был выписан раньше.

— Но на нем же сегодняшнее число!

— Да, судья подписал его сегодня утром. А вечером, после ужина, он ничего не писал, во всяком случае, при мне.

— Не может быть, на пере еще не высохли чернила. Вероятно, когда на судью напали, он что-то писал. Но что именно? Корзинка для бумаг пуста. Так где же документ?

— Не знаю.

— В ваших интересах рассказать нам все. Допустим (это всего лишь предположение), что чеком на пять тысяч долларов судья хотел окончательно откупиться от вас. Допустим также, что он решил изменить завещание и не оставлять вам пятьдесят тысяч долларов, ведь дочь и брат уже два дня просили его уничтожить приписку к завещанию. Я не ошибся, мистер Робинсон?

Эндрю кивнул.

— Сегодня утром я битых два часа уговаривал брата, и, в конце концов, он сказал, что подумает.

— И у вас есть серьезные основания полагать, что судья мог сделать по-вашему?

— Да, я объяснил ему, что мы всегда сумеем оспорить эту злосчастную приписку, сославшись на психическое расстройство завещателя, и умолял не вынуждать нас к подобным крайностям.

Капитан повернулся к Хэтфилду.

— Вот видите? Судье пришлось выбирать одно из двух: уничтожить приписку или заставить дочь обратиться в суд и доказывать умственную неполноценность отца.

— Но судья не собирался ничего менять в завещании! — воскликнул евангелист. — Вчера вечером он сам сказал мне об этом и добавил, что его родня окончательно рехнулась, потому что, оставляя дочери полмиллиона долларов, он имеет полное право пожертвовать пятьдесят тысяч на добрые дела.

— Ну, это ваша версия, но возможно также, что судья выписал вам чек на пять тысяч долларов, решив уничтожить приписку к завещанию. Вы можете доказать, что чек выписан утром? Непросохшие чернила свидетельствуют не в вашу пользу. Вам, разумеется, захотелось прикарманить и пять, и пятьдесят тысяч долларов. — Капитан умолк, откинулся на спинку стула и удовлетворенно улынулся.

Новый прилив сил буквально сбросил тощее и длинное тело Хэтфилда с кресла.

— Теперь я все понял! — крикнул он, сжимая кулаки. — Вы знаете, что я никого не убивал, и хотите просто запугать меня. — Он шагнул вперед и, облокотившись на стол, заглянул в глаза Эндрю Робинсону. — Вам нужно нагнать страху и, тем самым, избавиться от меня. Вы отобрали у меня чек, но я сумею заставить вас вернуть его. Я пойду в суд...

Капитан ошарашенно уставился на Хэтфилда. Прин захлопнул блокнот. Только Большой Босс и бровью не повел.

— В ваших словах есть доля истины, — вкрадчиво заметил он. — Я не до конца уверен, что это вы убили моего брата. Но зарубите себе на носу: я уже говорил и повторяю, вы вернете все до последнего цента.

— Никогда!

— Вот увидите. И даже письменно откажетесь от завещанного.

— Ни за что!

— Поглядим. В этом городе мне всегда удастся поступать по-своему. Не так ли, Спенс? — бросил он мне.

Я не ответил, втайне польщенный, что сам Робинсон призвал меня в свидетели. И тут же вспомнил то, что всегда говорил мне о нем отец: Большой Босс жесток и бессовестен, но, если хочешь его победить, лучше держаться подальше, ибо он обладает даром не только обезоруживать противника, но и обращать его в свою веру. Именно поэтому отец запретил мне общаться с кем бы то ни было из этой семьи.

Вот и сегодня Большой Босс — на коне. С каким безжалостным хладнокровием он расправляется с тем, кто имел неосторожность встать у него на пути!

— Пока брат был жив, я никак не мог вмешаться: врач предупредил меня, что его нельзя волновать.

Иначе я давным-давно пинками вышвырнул бы вас и из этого дома и вообще из города. Скажите, капитан, у вас достаточно улик, чтобы отправить его за решетку?

— Еще бы! — И, не поворачиваясь, Лаудербек бросил через плечо: — Вебер!

Вошел дежуривший на террасе полицейский.

— Уведите этого человека — он подозревается в убийстве.

Хэтфилд послушно пошел за Вебером, но у двери остановился.

— Вы еще пожалеете об этом, Робинсон!

Часы в холле пробили полночь. Когда дверь снова открылась, я увидел Эллен и поспешил к ней.

Девушка набросила на пижаму полосатый халатик. В домашних туфлях без каблучков она казалась совсем маленькой.

— Так это Хэтфилд?

— Нет.

— Тогда почему его арестовали?

— Есть кое-какие подозрения. Можно от вас позвонить?

Эллен молча указала на телефон под лестницей.

Я набрал номер редакции. Митчелл как раз трудился над статьей об убийстве судьи.

Когда я вернулся обратно, Эллен попросила меня:

— Джерри, расскажите подробности. Я знаю только, что отца убили. Но как это произошло?

— Его несколько раз ударили острым предметом, точнее, если верить доктору Рейнольдсу,

скальпелем.

— Скальпель... — медленно повторила она.

— Старайтесь не думать об этом. Идите-ка лучше к себе и попытайтесь уснуть.

— Я хочу знать все — любая мелочь может оказаться очень важной.

— Положитесь на полицию, уж они-то разберутся.

— Нет, убийца моего отца должен понести наказание.

— Полиция арестует его. В конце концов, они всегда находят виновного.

— Вовсе нет. Вы даже не представляете, что за этим может скрываться!

Я внимательно посмотрел на Эллен. Ее напряженное лицо покрывала смертельная бледность.

— Если вам что-нибудь известно, расскажите Лаудербеку.

— Нет! Но я так больше не могу. Прошу вас, помогите мне. Сейчас я ничего не скажу — давайте

увидимся завтра.

— Где?

— На углу Юнион-стрит, в два часа. Я подъеду на машине, вы сядете, и мы поедем кататься.

С этими словами Эллен поднялась к себе. Я немного постоял один, и через пару минут ко мне присоединились Лаудербек, Эндрю и Прин.

— Где Эллен? — спросил Робинсон.

— Ушла спать.

— Как она?

— Нормально.

Он подошел к лестнице, на секунду в нерешительности замер, потом взял со стула шляпу, и мы вышли на крыльцо. Эндрю растолкал дремавшего шофера и сразу же уехал. Я вернулся к полицейским.

— Ну, и вымотался я сегодня, — вздохнул Лаудербек. — Называется, хотел пораньше лечь спать, а, поглядите-ка, уже за полночь!

— Да, десять минут первого.

— Ну, и дела! Что вы думаете о Хэтфилде? Как, по-вашему, он убийца?

— Не знаю.

— Хэтфилд, конечно, мошенник, но еще ни разу не попадался.

— А вы откуда знаете?

— Навел справки. Эндрю Робинсон попросил об этом еще на прошлой неделе.

— На сей раз он — у вас в руках.

— Это еще вилами по воде... — Он недоговорил, так как Прин, перебив капитана, попросил у меня сигарету.

Я никак не мог вспомнить, о чем хотел спросить у Лаудербэка. И вдруг меня осенило.

— Кто такой Мясник Мэджи?

Полицейский удивленно посмотрел на меня.

— Как, вы не знаете? Это случилось шесть лет назад. Вы тогда как раз учились в университете. Псих.

Его звали Лон Мэджи, а уж Мясником окрестили газеты. Мы так и не смогли установить, откуда он взялся. Судя по всему, это Мэджи сначала устроил панику в Кливленде, потом в Толидо, а уж затем объявился в Мидленде. Вы что, в университете совсем газет не читали?

— Только то, что касалось спорта, особенно футбола. Я играл за университетскую команду. Но с чего вдруг вы вспомнили Мясника Мэджи?

— Тот же почерк. Прежде чем нам удалось его арестовать, этот тип убил шестерых: троих мужчин, двух женщин и девочку.

— А в чем заключалось его сумасшествие?

— Черт его знает! Док это как-то назвал, да у меня вылетело из головы.

— Паранойя?

— Вот-вот. Как-то вечером Мэджи ждал на остановке трамвая. Рядом стоял другой мужчина. Когда трамвай подъехал, этот другой бросился вперед и слегка толкнул Мясника. Войдя в трамвай, он извинился, но Мэджи смерил его убийственным взглядом. Уж мне этот взгляд знаком! Жаль, что вы не видели его в зале суда — парня пришлось цепями приковать к креслу, а само кресло приколотить к полу. Помнишь, Джо? — обратился он к шурина.

— Шесть лет не могу выкинуть это из головы. Порой аж ночью вскакиваю в холодном поту.

— Мужчина, что толкнул Мэджи, насмерть перепугался, — продолжал Лаудербек. — Псих так и жег его взглядом. Он попытался было выскочить на ходу, но Мясник не спускал с него глаз и кинулся следом. Бедняга подбежал к постовому и попросил проводить до дома. А на следующий день его труп нашли на пустыре... У него был проломлен череп, а на теле, спереди и сзади, — несколько ножевых ран.

— И где он теперь, этот Мэджи? — спросил я.

— В Грейстоуне. Пожизненное заключение. Само собой, даже думать о том, что он мог убить судью, — просто бред. И все-таки, Джерри, я не могу отделаться от мыслей о нем. Этот псих за три месяца прикончил шесть человек. Я видел их трупы. У всех разбиты головы и ножевые раны на груди и на спине.

— А каким ножом он орудовал?

— Тогда-то? Мясницким, конечно.

— Почему «тогда-то»?

Капитан принужденно засмеялся.

— Я же сказал, что в голову лезет всякая дичь! Сначала Мэджи убил продавца из бакалейной лавки — тот ошибся со сдачей. Потом женщину на Мередит-роуд — мы так и не выяснили, почему. Через неделю — девочку, которая просто испугалась его и попыталась убежать. Мэджи воспринял это как оскорбление. И всех одинаково — молотком и ножом.

— Черт возьми! — выругался Прин. — Теперь я вспомнил, что он сказал на суде.

— Да, и поэтому тоже я о нем подумал.

— И что же он сказал?

— Его судил Робинсон. Мы, конечно, не могли требовать смертной казни, раз парень не в своем уме. Речь шла только о пожизненном заключении. Суд шел целый день. Мэджи сидел, надежно прикованный к креслу. Вы бы видели пену у него на губах, когда стало ясно, что ему не вырваться! Тогда-то Мясник и обещал прикончить судью. А если хотите проведать его, съездите в Грейстоун и попросите разрешения у доктора Уилкса.

— Нет уж, благодарю покорно!

У крыльца остановилась патрульная машина. Из нее вышли трое полицейских, и Лаудербек приказал им охранять дом до утра.

— Мисс Робинсон и слуги — уже дома. Больше никого не пускать.

Мы двинулись к своим машинам. Я уже садился за руль, как вдруг услышал какой-то вой, как будто очень далеко кто-то кричал, то затихая, то вновь прорываясь еще более душераздирающим стоном. Автомобильная сирена так не воет. Звук был глубже, мощнее и глуше. Я слушал, не в силах сдвинуться с места и отчаянно борясь со страшной догадкой. Лаудербек уже завел мотор, но тот, несколько раз спазматически всхлипнув, внезапно заглох.

Я подошел к машине капитана.

— Вы тоже слышите, или у меня галлюцинации?

Лаудербек распахнул дверцу и побежал в дом, к телефону. Мы пошли следом. На верхней ступеньке лестницы стояла Эллиен. Я бросился к ней, крича:

— Идите спать! Дом охраняют!

— Это сирена Грейстоуна, — сказала девушка, едва шевеля губами.

— Должно быть, там что-то случилось.

— Это сирена Грейстоуна, — так же бесстрастно повторила Эллиен, словно не слыша меня.

Капитан положил трубку.

— Джо! Мясник Мэджи сбежал!

Теперь Эллиен услышала, и лицо ее застыло мертвенно-бледной маской.

Я сообразил, что сейчас произойдет, и кинулся наверх. Мгновение спустя она без сознания упала мне на руки.

Глава 2

Я с трудом поддерживал неподвижное тело, прикидывая, какая из закрытых дверей ведет в комнату Эллиен. Неожиданно одна из них распахнулась. В коридор вышла молодая женщина в пижаме и при виде нас изумленно вздрогнула.

— Я — Джерри Спенс! — выпалил я, чувствуя, что она сейчас закричит. — Мы с Эллиен — друзья.

Она сразу успокоилась.

— С Эллиен все в порядке — просто потеряла сознание. Где ее комната?

Молодая женщина открыла одну из дверей, и я осторожно опустил Эллиен на постель.

— Я позову доктора Рейнольдса, — предложила незнакомка.

— Не стоит. У вас есть нюхательная соль?

— Нет, сэр... бедняжка, как она бледна!

— Ничего страшного... тогда принесите сердечное.

Она вышла. Эллиен тут же открыла глаза. Через некоторое время взгляд ее принял осмысленное выражение, и девушка медленно повернулась ко мне.

— Я упала в обморок, — смущенно прошептала она, словно стыдясь такой слабости.

— Сейчас уже лучше? Вам надо хорошенько отдохнуть.

Но она упрямо села, спустив ноги на ковер, и прислушалась. Сирена умолкла. В холле раздавались мужские голоса. Эллиен снова помрачнела.

— Можете ничего не опасаться. Трое полицейских будут охранять вас всю ночь.

— Да я не боюсь... это не страх... это...

Женщина вернулась со стаканом, до половины наполненным какой-то мутной жидкостью.

— О, мисс Эллиен, вам полегчало?

— Да, спасибо, Кейт.

Я взял у нее стакан.

— Нет, я не хочу, — заупрямилась было Эллиен.

— Пейте-пейте.

Она залпом выпила лекарство и протянула стакан Кейт.

— Пожалуйста, принесите мне простой холодной воды... со льдом.

Я понял, что Эллиен хочет остаться со мной наедине, и только поэтому послала горничную вниз за льдом.

— Что вы хотели сказать? — прошептал я, как только за Кейт закрылась дверь.

Эллиен встала, подошла к двери и выглянула в коридор. Убедившись, что нас никто не слушает, она вернулась и быстро заговорила:

— Сейчас я все равно ничего не успею вам рассказать — Кейт вот-вот вернется. Главное, не забудьте, что мы встречаемся в два часа.

— Не беспокойтесь.

— Как вы думаете, полицейские поедут в Грейстоун?

— Несомненно.

— Тогда поезжайте с ними... если вам разрешат.

— Да я и спрашивать не стану! Но зачем это вам?

— Я хочу, чтобы вы увидели все своими глазами, а потом передали мне как можно подробнее.

Понимаете?

— Нет. Может быть, завтра, когда вы мне объясните, я и пойму.

Тут с улицы послышался шум мотора.

— Они уезжают!

Я бросился к окну. Прин уже сидел за рулем.

— Эй, Джо!

Он поднял голову.

— Подождите, я с вами!

— Давайте скорее!

Эллен вышла со мной на лестницу. Сжав мою руку, она подняла ко мне бледное личико.

— Смотрите во все глаза, Джерри.

— Хорошо, Эллен.

— А главное, следите за доктором Уилксом!

По лестнице уже поднималась Кейт, и Эллен, выпустив мою руку, быстро исчезла в своей комнате. В холле я увидел встревоженного Лаудербек. Он только что положил трубку.

— Если вы в Грейстоун, захватите меня!

Как только мы сели, машина рванула с места. Капитан ослабил галстук, расстегнул воротник и снял шляпу.

— Чем вы занимались там, наверху?

— Разговаривал с Эллен Робинсон.

— Она уже знает?

— Да.

— И боится?

— Нет.

— Я вызвал еще троих — теперь охрану дома лучше усилить, хотя не думаю, чтобы Мэджи вернулся. Ему и без того есть с кем поквитаться. Говорят, эти психи никогда не прощают обид.

— Теперь, небось, сами жалеете, что так непочтительно с ним обошлись?

— Зря смеетесь, Джерри, этот дьявол ненавидит меня не меньше, чем судью. Когда мы пытались его скрутить, еще до суда, я ободрал о него все руки. Уж этого Мясника точно не забыть!

— Не берите в голову — к утру он снова будет за решеткой.

— Надеюсь! — с чувством отозвался полицейский. — Во всяком случае, не усну спокойно, пока он не вернется в Грейстоун.

— Но как же, черт возьми, ему удалось смыться?

— Вот это мы и попытаемся выяснить.

Мы очень быстро миновали город. Прин гнал, не выключая сирены. А когда машина вылетела на автостраду, он до предела выжал газ. Вскоре перед нами выросла мрачная громада лечебницы, все ее окна ярко светились. Мощные прожекторы, установленные на крышах, шарили в темноте, заливая светом окрестные поля.

Лаудербек наклонился ко мне.

— Если они таким образом ищут Мэджи, то сбрендили почище его!

— Наверняка, таковы предписания. А вообще, когда ставили эти прожекторы, явно не обошлось без подмазки.

Перед распахнутыми воротами лечебницы стояла вооруженная охрана. Все время, пока мы ехали к главному корпусу, луч прожектора бил в глаза.

Лаудербек кипел от ярости.

— Ну, дают! — скрежетал он. — Три вооруженных бездельника — чтобы охранять открытые ворота!

Какого черта они не закроют решетку и не пошлют этих болванов искать Мэджи? Да еще этот придурок на крыше лепит своей штуковиной прямо в глаза! Ничего не понимаю!

— Я тоже.

— Похоже, в этой больничке врачи — такие же чокнутые, как и их пациенты! Чего удивляться, что Мэджи удрал? Ей-богу, сейчас я выложу Уилксу все, что думаю о его заведении! И черт с ним, если это будет стоить мне места!

— Скорее всего, так и выйдет, старина!

Впервые я побывал в психиатрической лечебнице Грейстоун пять лет назад, еще при жизни отца, когда еще только начинал работать в «Гэзет». Меня отправили на торжественное открытие новых корпусов. Тогда сюда съехалась вся мидлендская знать, прибыл даже губернатор штата. Многочисленные речи завершило выступление доктора Уилкса, текст которого был вручен мне потом в специальной «корочке». На обложке аршинными буквами значилось: печатать без сокращений.

Когда я принес этот «шедевр» отцу, он долго хохотал. Вот уже десять лет наша газета беспрестанно сетовала на отвратительное состояние лечебницы. У отца скопилась неплохая подборка документов, причем хватало бы публикации и одного из них, чтобы привлечь нас за клевету, не сумей мы доказать подлинности каждого факта. Отец умело использовал это оружие и начал яростную кампанию, которая завершилась строительством новых больничных корпусов. И вот теперь доктор Уилкс состряпал витиеватую статью, пытаясь приписать все заслуги себе одному.

Отец брезгливо швырнул творение Уилкса в корзину. Потом взял мой отчет о церемонии и сократил все, что касалось доктора Уилкса, до двух-трех строк.

С тех пор Грейстоун совершенно перестал интересоваться нашу газету — он больше не давал повода к нападкам на политику Робинсонов.

Оказавшись в холле главного корпуса, я подумал: а не сдуть ли пыль с той, прежней истории? Муниципальные выборы — на носу, из Грейстоуна сбежал опасный преступник, и у меня были законные

основания обвинить администрацию в халатности. Я просто ничего не знал о докторе Уилксе — только что на этот пост его назначил муниципалитет, то есть клан Робинсонов. Несомненно, наши противники попытаются выйти сухими из воды, свалив вину на какую-нибудь мелкую сошку, но в любом случае выступление газеты не пройдет незамеченным.

Я вдруг вспомнил, как, прощаясь, Эллен прошептала мне на ухо: «Следите за доктором Уилксом!» и как странно она повела себя на кухне и на лестнице, услышав грейстоунскую сирену. Знать бы, что скрывает Эллен!

На пороге лечебницы Лаудербек приколол к лацкану пиджака полицейский жетон.

— От этих ослов жди чего угодно! Кто-нибудь из них вполне может вообразить, что прожектора мало, да и пальнуть сдуру.

Я расхохотался. Меня ужасно забавляла эта внезапная вспышка гнева обычно спокойного и мягкого по характеру Лаудербек. Похоже, он счел побег Мясника Мэджи личным оскорблением.

Капитан спросил у одного из вооруженных охранников, слонявшихся по холлу, где кабинет Уилкса. Тот указал на закрытую дверь.

— Только он занят.

— А я, по-вашему, развлекаюсь? — прорычал Лаудербек и решительно направился к кабинету.

Он вошел без стука. Мы — следом.

Доктор Уилкс сидел за рабочим столом и беседовал с двумя не знакомыми мне мужчинами. При нашем появлении он на мгновение поднял глаза и тут же вернулся к прерванному разговору. Судя по всему, оба его собеседника были здешними врачами. Речь шла о каком-то раненом. Доктор настаивал на срочной операции. Он изъяснялся сухо и лаконично, при этом нервное подергивание тонких губ то и дело обнажало мелкие и очень белые зубы. Поскольку Эллен просила следить за Уилксом, я внимательно присматривался к нему. «Ты не просто человек, — думал я, — но и трамплин для Робинсонов в предвыборной борьбе».

Прошло не меньше пяти минут, прежде чем Уилкс проводил обоих врачей и, наконец, повернулся к нам.

— Что вам угодно? — обратился он к Лаудербеку, сообразив, что это старший по званию.

Капитан представился, а мы с Прином старались держаться у него за спиной. Уилкс видел меня всего один раз, и я надеялся, что вполне сойду за полицейского детектива.

— Я хотел бы задать вам несколько вопросов о том, что здесь произошло.

— Я и сам не прочь разобраться. Побег буйнопомешанного — сам по себе крайне неприятен, и я просто в отчаянии от того, что он стал причиной гибели судьи Робинсона.

— Так как же все-таки маньяку удалось бежать?

Доктор Уилкс, вскинув брови, посмотрел на часы.

— Мы обнаружили исчезновение Мэджи в пять минут первого. Сейчас — двенадцать двадцать пять.

Неужели вы думаете, мы могли успеть провести серьезное расследование?

Саркастический тон врача задел Лаудербек.

— Что ж, за дело возьмемся мы, я за этим и приехал.

— Сначала я расскажу вам все, что знаю, — примирительно произнес Уилкс, — а потом действуйте по своему усмотрению. Однако, мне кажется, куда важнее поймать беглеца, чем выяснять, как он сбежал.

— Все необходимое уже сделано. Еще до того, как ваша сирена умолкла, вся полиция была на ногах.

Мэджи убил судью Робинсона между девятью пятнадцатью и десятью, значит, сбежал он до...

— Побег произошел чуть позже девяти.

Лаудербек оторопел.

— Вы это точно знаете?

— Разумеется.

— И запустили сирену только в полночь?

— Капитан, мы обнаружили побег только в полночь, — с преувеличенным спокойствием проговорил врач. — Если позволите, я все же расскажу вам, что произошло. В девять часов охранник Кеннеди вошел в шестнадцатый блок, где содержался Мэджи. Это на первом этаже правого крыла. По инструкции, охрана должна совершать обход блока днем — с шести до шести — ежедневно, а ночью — каждые три часа. В шесть часов Кеннеди принес Мэджи ужин, а в девять пошел на обычный обход.

— И Мэджи еще сидел в камере?

Уилкс кивнул.

— Кеннеди это подтверждает?

— Нет. Кеннеди ничего не подтверждает — он с девяти часов в коме, а сейчас — на операционном столе, и два хирурга пытаются спасти ему жизнь.

Лаудербек привстал, но Уилкс жестом вернул его на место.

— Вам станет понятнее, капитан, когда вы дослушаете меня. Тогда, может, и спрашивать не придется. Итак, Кеннеди начал обход в девять. Он должен был проверить камеры и погасить свет. На этом его дежурство заканчивалось, а с полуночи заступал другой охранник — Корниш. В полночь Корниш вошел в шестнадцатый блок и стал осматривать камеры при свете электрического фонарика. В этом блоке, который охрана окрестила «Клеткой», всего трое заключенных, хотя камер шесть — они расположены в ряд, по

левой стороне коридора. Чтобы проникнуть в блок, охраннику нужно открыть две стальные двери. Пока все ясно?

— Да.

— К расположению камер мы еще вернемся. Это специальный блок для буйнопомешанных — считая Мэджи, таких было трое. Их невозможно держать вместе с остальными, поэтому приходится запирают в клетки. В конце коридора есть еще одна стальная дверь, она ведет во двор, куда заключенные по очереди выходят на прогулку.

Но вернемся к полуночному обходу Корниша. Он открыл первую стальную дверь, вошел и запер ее за собой, потом отворил вторую и также запер на ключ. Строго по инструкции.

Охранник двигался вдоль правой стены, освещая фонарем занятые камеры: первую, третью и пятую. Мэджи сидел в пятой. Обитатели первой и третьей спали. Корниш подумал было, что и Мэджи тоже спит, но, посветив фонариком, заметил на полу темное пятно — это оказалась кровь. Человек, лежавший на койке лицом к стене, был одет в серую грубошерстную одежду заключенного, но Кеннеди не так крепок телом, как Мэджи, да еще эта лужа крови... Вот Корниш сразу и сообразил, что к чему.

Камера была на замке. Стальная дверь в глубине коридора — тоже. В целом все выглядело нормально, за исключением того, что Мэджи исчез, а Кеннеди бился в агонии на койке сумасшедшего.

— Что он с ним сделал? — спросил Лаудербек.

— Разбил череп.

— Чем?

— Еще не установили. Возможно, тяжелым металлическим кольцом, на котором охранники носят ключи.

Капитан молча покачал головой.

— Ну, что ж, картина проясняется, но все-таки кое-чего еще не хватает...

— Вас интересует, как Мэджи добрался до связки ключей? — оборвал его Уилкс. — Быть может, ответ вам подскажут кровоподтеки на шее у Кеннеди. Его чуть не задушили. Должно быть, Кеннеди неосторожно приблизился к Мэджи на расстояние вытянутой руки.

— Он что, просунул руку между прутьями решетки?

— Нет, это невозможно: камера затянута стальной сеткой, и руке никак не пролезть.

— Значит, Кеннеди вошел в камеру? Что, так положено?

— Нет, особенно ночью. Камеру убирают, только когда заключенный гуляет во дворе.

— А как их кормят?

— Пищу передают на подносе через специальное окошко. Буйнопомешанные требуют особой осторожности. Иногда они неделями ведут себя нормально, а потом, ни с того ни с сего, впадают в дикое бешенство.

Лаудербек задумчиво поскреб подбородок.

— Значит, Кеннеди или вошел в камеру, или открыл окошко... Мэджи вцепился ему в горло. А дальше — все просто. Убийца переоделся и бежал, воспользовавшись ключами охранника. Насколько я понял, там два выхода: две стальные двери с северной стороны и одна — с южной, прямо во двор.

— Совершенно верно.

— Если он пошел на север...

— Нет, тогда пришлось бы идти по коридору пятнадцатого блока, а он ведет к центральному посту, и кто-нибудь из охраны наверняка заметил бы беглеца.

— Значит, он вышел во двор.

— Несомненно. Хотите осмотреть шестнадцатый блок?

Мы долго шли по разным коридорам, пока добрались до пятнадцатого блока. Помещение больше напоминало обычную больницу, нежели сумасшедший дом.

В конце коридора нам навстречу поднялся охранник.

— Корниш, — представил его доктор Уилкс.

Охранник толкнул деревянную перегородку, и мы увидели первую стальную дверь. Она была заперта. Корниш поискал фонарем выключатель, и секунду спустя на потолке вспыхнула лампочка.

На руке нашего проводника болталось кольцо с ключами. Я хотел было попросить подержать его. На вид кольцо выглядело весьма внушительным — два-три фунта, не меньше.

Корниш, одну за другой, открывал массивные стальные двери и тщательно запирали их за нами, пока мы не оказались в освещенном коридоре.

Дверь пятой камеры была открыта настежь. Кровавое пятно все еще темнело на полу, а брызги долетели даже до противоположной стены.

Страж тем временем открыл дверь в другом конце коридора, и мы вышли во дворик, где днем обычно гуляют заключенные. Сейчас здесь царил темнота, и было видно лишь то, что освещал фонарик охранника.

— Как же он выбрался отсюда? — спросил Лаудербек.

Уилкс взял у Корниша фонарь и направил луч на железную дверь в стене.

— Она ведет в подвал. Идемте, я покажу.

Корниш выбрал из связки ключ и открыл дверь. Он вошел первым, зажег свет, и мы увидели длинный коридор. В конце оказалась незапертая дверь, за ней — бетонированная площадка, скорее всего, стоянка автомобилей, а еще дальше — газон.

— Вот так, — подытожил доктор Уилкс, — благодаря ключам Кеннеди беглец выбрался с южной стороны. Надеюсь, вы понимаете, что преодолеть внешнюю ограду уже не составляло никакого труда?

Я стоял в стороне и смотрел на неясные очертания старых корпусов больницы, сейчас почти заброшенных. Лишь кое-где в окнах горел свет. У меня вдруг опустились руки: первоначальный план рушился, я не мог отыскать в поведении доктора Уилкса ни одного изъяна. А без мало-мальски весомых доказательств газетчик не может себе позволить обвинить человека в небрежности или, тем более, в профессиональной непригодности, как это принято у политиков. Конечно, можно выступить против Уилкса и нанести удар противнику, но все наши усилия пойдут прахом, как только выяснится, что все произошло по вине простого охранника, имевшего неосторожность приблизиться к Мяснику Мэджи.

Само собой, Кеннеди провинился, но, несмотря на это, система охраны в Грейстоуне выглядела безупречно.

Медленно перебирая в уме точные и подробные объяснения Уилкса, я не мог не испытывать некоторого разочарования. Он явно постарался представить порядки Грейстоуна в выгодном свете. Резкость Лаудербек сразу насторожила врача, и он, конечно же, позаботился не упустить ни единой мелочи и, надо сказать, преуспел в этом.

Свернув за угол, мои спутники вышли во двор главного корпуса. Прин первым подошел к машине и скользнул за руль, а я услышал голос доктора Уилкса:

— Если Кеннеди полегчает, обязательно дам вам знать. Прямо сейчас же пойду в операционную.

— Надеюсь, вы его спасете, — ответил Лаудербек. — Но, право, не знаю, сможет ли он добавить что-нибудь еще.

— Я бы попросил вас пока не делать никаких заявлений для прессы, — добавил Уилкс. — Я отказался принять журналистов. Сам губернатор позвонил мне, как только я поднял тревогу, и настоятельно просил об этом.

Лаудербек резко повернул голову, стараясь поймать мой взгляд.

— Договорились, доктор.

— Предупредите своих людей. — Уилкс кивнул на автомобиль. — Если начнут болтать раньше времени, это может повредить их... карьере.

Они обменялись рукопожатием, и доктор взбежал на крыльцо. Лаудербек сел рядом со мной. Машина тронулась.

— Слыхали, Джерри?

Я рассмеялся и не мог успокоиться до самой автостреды, Лаудербек хлопал меня по руке.

— Джерри, я вас прошу! Вы слышали? Это приказ губернатора.

— Конечно, слышал. С чего, вы думаете, я так развеселился?

— Я же полечу с работы!

— Еще чего! Губернатор здесь ни при чем — вас может разжаловать только мэр.

— Один черт, Джерри. Я не имел права приводить вас и выдавать за одного из своих людей.

— А вы меня и не приводили, старина. Я сам вошел вслед за вами, а Уилкс не потребовал никаких объяснений.

— Надеюсь, вы не станете все это печатать?

— Напротив. Не забывайте, дорогой мой, я — журналист и не могу упустить такой случай перебежать дорогу «Трибьюн».

— Подумайте обо мне, Джерри!

— Прежде всего я думаю о читателях «Гэзет». Но не волнуйтесь, моя статья вас нисколько не скомпрометирует. Клянусь!

— Это меня не спасет!

— Что ж, если вас вышибут, я возьму вас в газету: две тысячи долларов в год. Хотя, Господь свидетель, дай мне миллион — я и то не стал бы пытаться сделать из вас журналиста!

Лаудербек вытер струившийся по лицу пот и замолчал.

— Высадите меня у дома судьи, — попросил я Прина. — Я заберу свою машину.

Я выскочил на углу и через пять минут уже входил в редакцию.

Наутро на первой странице «Гэзет» красовался подробный отчет о моем ночном посещении Грейстоуна. «Трибьюн», которая, как и мы, подготовила специальный выпуск, посвященный убийству судьи Робинсона и побегу Мясника Мэджи, напечатала, что доктор Уилкс «отказался делать какие-либо заявления, пока следствие не представит официальный отчет». Я же направо и налево цитировал директора больницы, а на самом видном месте поместил план шестнадцатого блока и двора,

снабженный крестиками, стрелками и пунктирными линиями. Да, в то утро девиз «Трибьюн» «Всегда и везде первая!» — заметно потускнел.

Лаудербек, к которому я зашел с утра, тоже выглядел не блестяще. Он был так расстроен, что лишь грустно посмотрел на меня, словно говоря: «И ты, Брут!»

— Я пропал, — едва слышно пробормотал мой приятель.

— Да бросьте вы, я же вам обещал!

— Ну, и что с того?

— А то, что Джерри Спенс всегда держит слово. Я как раз иду к мэру!

— К Тому Крейну?

— К кому же еще? Помнится, несколько лет назад я оказал ему немалую услугу. Ну, а если по делу — что новенького?

— Да ничего. Мэджи — все еще в бегах. Наверное, прячется.

— А Джонас Хэтфилд?

— Утром пришлось его выпустить, да к тому же вернуть чек. Этот мошенник еще здорово попортит кровь Робинсонам, если они от него не откупятся.

— Насколько я знаю Большого Босса, фиг он раскошелится!

— Он так и сказал сегодня утром евангелисту, когда того отпускали. Но Хэтфилд все еще хорохорится. Он намекнул Эндрю Робинсону, что кое-что про него знает...

Я отвернулся, чтобы скрыть удивление.

— По-моему, это блеф.

— Конечно, но с Большим Боссом этот номер не пройдет. Хэтфилд и шагу ступить не успеет...

— Разве что ребята Джека Керфью «прокатят» его на машине. А как моя статья, наделала шума?

— Увы! Утром прибежал полковник Райс, в диком бешенстве. Он звонил Уилксу, а тот заявил ему, что проболтаться мог только один из моих детективов. Пришлось все выложить.

Полковник, в сущности, неплохой человек и ровесник моего отца, владел «Трибьюн». Он часто бывал у нас, и я помню, как вечерами после ужина соперничающие старики часами спорили до хрипоты. Но, в конце концов, Райс перекочевал в стан врага.

— Счастливо, Лаудербек, и не тревожьтесь понапрасну!

Кабинет первого человека в городе находился в соседнем здании. Том Крейн сколотил приличное состояние — его молочные фермы в окрестностях Мидленда приносили хороший доход. В пятьдесят лет он вдруг ударился в политику. Будучи ярым сторонником Сухого закона, Крейн сразу снижал поддержку бутлегеров, поскольку банда Джека Керфью изрядно наживалась, взвинчивая цены на контрабандную выпивку. Кроме того, Робинсонам был необходим именно такой человек — популярный, нестроптивый и... щедрый. Немного лести — и Крейн с легкостью отстегивал несколько тысяч долларов на нужды города. Наш мэр так привык к пастбищам и стойлам, что переносил «дойку» совершенно безболезненно. Я не беспокоился за Лаудербека, потому что несколько лет назад очень помог Тому Крейну. Наивный старикан имел неосторожность угодить в сети бессовестной авантюристки. Когда он отказался выложить за собственные письма кругленькую сумму, девица приволокла их в редакцию «Гэзет», надеясь на скандал. Однако я не стал публиковать их, а, напротив, предупредил Тома.

— Тут можно было бы состряпать статейку и здорово навредить вам, — сказал я, — но мне бы не хотелось портить вам кровь. В конце концов, я тоже вырос на вашем молоке.

Крейн не был опытным политиком, но все же сообразил, что рано или поздно долг придется вернуть.

Мэр принял меня очень сердечно и сразу заверил, что, в случае чего, откажется подписать приказ об увольнении Лаудербека. Впрочем, пока еще никто не заводил об этом речи.

— Если бы губернатор требовал наказания, меня бы уже поставили в известность. Я, кстати, читал вашу статью и не понимаю, чем она могла досадить Уилксу или кому другому.

«Странно», — подумал я и, вернувшись к Лаудербеку, попросил позвонить Уилксу — якобы с извинениями. Повесив трубку, капитан ошарашенно уставился на меня.

— Док кроток, как овечка. Похоже, ваша статья ему понравилась. Губернатор даже не пикнул. Что вы на это скажете?

— Они явно опасались, как бы я не тиснул то, что действительно думаю об этом побеге. Кстати, еще не все потеряно. А пока все довольны, кроме бедняги-полковника. Вы не узнавали о Кеннеди?

— Он умер.

Я вышел из мэрии и неторопливо направился в редакцию, пытаюсь припомнить, как звали женщину, о которой накануне говорил Хэтфилд. В голове вертелось только имя: Хэрриет. Можно бы спросить у Лаудербека, но не хотелось его настораживать. Выйдя на небольшую площадь, я вдруг увидел на другой стороне спускавшегося с крыльца евангелиста, я перешел через дорогу и быстро догнал его.

— Добрый день.

Он смерил меня неприязненным взглядом. Я в ответ любезно улыбнулся.

— Вчера вечером нас забыли представить друг другу. Вы, наверное, решили, что я — из полиции. Но это не так. Меня зовут Джерри Спенс, я — владелец «Гэзет».

— Ну, и что?

— Вам известно направление моей газеты, мистер Хэтфилд? Тогда вы не можете не знать, что я — заклятый враг Робинсонов.

— Какое мне до этого дело?

— Может, и никакого, но меня лично возмутило, как с вами обошлись. Это возмутительно! Хэтфилд заметно смягчился, и бледная улыбка тронула его губы.

— Я их не боюсь.

— Вы и впрямь держались очень мужественно.

— Меня так просто не запугать!

— Да и чего вам бояться? Ведь это они у вас в руках.

Мы свернули за угол и пошли в сторону Сидер-стрит. Хэтфилд смотрел под ноги. Краем глаза я заметил, как по его лицу пробежала судорога.

— Пока нет, но это — не за горами.

Когда он остановился у входа в отель «Мэдисон», я крепко пожал на прощание холодные, влажные пальцы.

— До встречи, мистер Хэтфилд. Надеюсь, вы не отступите. Эндрю Робинсон уже давно слишком обнаглел. Пора кому-нибудь набраться мужества и поставить его на место. А если вам понадобится моя помощь — милости прошу в «Гэзет».

Он скрылся за дверью гостиницы. Возвращаясь в редакцию, я все обдумывал последние слова Хэтфилда: «Пока нет, но это — не за горами». Он явно не притворялся, но еще ничего не знал до конца. И тут внезапно в моей памяти всплыло имя, которое я безуспешно искал четверть часа назад: Хэрриет Бентли, отель «Мэдисон».

Два еще не пробило, но я уже стоял на углу Юнион-стрит, наблюдая за проходящими машинами. Увидев Эллен, я подошел к краю тротуара.

— Нам по пути?

Я открыл дверцу и сел рядом.

Пока машина не выехала из города, мы болтали о всяких пустяках. Наконец, въехав в городской парк, Эллен притормозила под сенью огромных кленов.

Я рассказал ей о поездке в Грейстоун.

— Все это я уже читала в «Гэзет», — призналась она, когда я умолк.

— Я напечатал все, что видел и слышал.

Она хмуро посмотрела на меня.

— А я-то думала, вы это сделали нарочно.

— Зачем?

— Чтобы втереться в доверие.

— К Уилксу?

— Ну, да!

— Вы мне льстите. Мне пришлось лишь констатировать факт: доктора никак нельзя упрекнуть в побеге Мэджи.

— А скальпель?

Я вздрогнул. И в самом деле, как можно было упустить из виду такую важную деталь? Однако ответил так, будто только об этом и думал.

— Орудие убийства еще не установлено.

— Но вы же говорили...

— ...только о предположениях доктора Рейнольдса.

— По идее, скальпель оставляет очень характерные следы.

— Я — не специалист.

— Зато доктор Рейнольдс — хирург, уж он-то знает, о чем говорит. — Она сжала кулаки. — Ах, почему я не мужчина!

— И что бы вы стали делать?

— Я бы обязательно нашла!

— Что, орудие убийства?

— Не только. Моего отца подло убили! Он был стар и болен, но со мной протянул бы еще несколько лет. Слышите, его подло убили...

— Я понимаю, Эллен. — Ее отчаяние больно отдавалось в моем сердце. Впервые в жизни меня охватила такая нежность. Я взял Эллен за руку и почувствовал, что еще никогда прикосновение к женской руке не вызывало в душе подобного волнения. — Я сказал, что помогу вам, и, хотя еще не знаю — чем, поверьте, готов на все.

— Да, Джерри, вы обещаете помочь, но, в сущности, вас не интересует ничто, кроме вашей газеты. Что вам до убийства моего отца? Для вас этого всего-навсего один из «жареных фактов» криминальной хроники...

— Еще раз повторяю: я помогу вам, Эллен. Не привык останавливаться на полпути, все, что начинаю, всегда довожу до конца.

Эллен оценивающе посмотрела на меня. Лицо ее оставалось холодным и бесстрастным, лишь в глазах горел мрачный огонь. Наконец, она медленно проговорила:

— Джерри, прошу вас: найдите убийцу моего отца.

С минуту я недоверчиво смотрел на нее.

— Что вы имеете в виду? Вашего отца убил Мэджи.

Эллен молча покачала головой.

— Как? Это не Мэджи?

— Может быть, удары нанес и он, но настоящий убийца — другой.

— Вы хотите сказать, что доктор Уилкс...

— Я сама не знаю, что хочу сказать. — Эллен закрыла глаза и тихо повторила: — Сама не знаю.

— Так вы... вы думаете?..

— Нет... чувствую...

— Женской интуиции тут недостаточно. Нужны факты. Во всяком случае, мне бы хотелось опереться на что-нибудь посущественнее.

— Я все расскажу вам, Джерри, как только смогу. Мне еще самой не очень ясно, что к чему. В голове — ужасный хаос: отдельные слова, фразы, события. После смерти отца все это всколыхнулось и беспорядочно кружится в голове. Понимаете?

— Отчасти.

— Мне очень трудно объяснить, что я испытываю, но это довольно смутное и в то же время сильное ощущение. — Немного помолчав, Эллен добавила: — В этом году я часто виделась с доктором Уилксом. Вообще-то, я знаю его с детских лет. А потом он стал все больше и больше интересоваться мной, и уже почти год мы встречаемся, как минимум, два раза в неделю. Уилкс просит выйти за него замуж, но мне он противен.

— Зачем же вы так часто встречались?

— Сначала как-то стеснялась отказать, а потом было уже поздно. Отец дружил с Уилксом ровно четверть века.

— Сколько же ему сейчас?

— Пятьдесят. Он приехал в Мидленд в двадцать пять лет, и папа назначил его в Грейстоун сначала врачом, а потом директором.

— Я всегда думал, что он обязан назначением вашему дяде...

— Нет. В те времена отец был гораздо влиятельнее. Он уже стал судьей, а Эндрю только-только оставил адвокатуру и занялся политикой.

— И чем вам так неприятен Уилкс?

— Трудно сказать. Я всегда его недолюбливала. А когда начались эти ухаживания, антипатия превратилась в отвращение. Если честно, иногда мне кажется, у доктора — не все дома. Ведь не зря говорят: кто постоянно общается с сумасшедшими, и сам со временем сходит с ума.

— Говорить-то говорят, но не стоит преувеличивать. Мне доктор Уилкс показался не только здравомыслящим, но и очень умным человеком.

Эллен поехала.

— А вы заметили, какие у него глаза?

— Да, согласен, взгляд — на редкость пронизательный.

— Уилкс как будто видит вас насквозь. Глаза горят... А как он рассказывает о своих психах... их якобы отделяет от нормальных людей лишь едва заметная грань!

— Просто Уилкс любит свою работу.

— Почему вы его защищаете? Вы даже не знакомы толком. Уверяю вас, это сумасшедший. Он способен... на все.

— Например, убить вашего отца? Я догадываюсь, что вы мне сейчас скажете: Уилкс нарочно помог Мэджи бежать, чтобы тот прикончил судью.

— Да.

— Но это абсурд!

— Почему?

— Да потому, что псих — не самое удобное оружие. Мэджи держали в железной клетке...

— А внушение? Уилкс часто рассказывал, какой властью обладает над пациентами. Я всегда боялась...

— Что он попытается загипнотизировать вас? Ну, Эллен, это уж слишком!

— Уилкс загипнотизировал Мэджи и заставил убить моего отца.

— Но почему? Они же были закадычными друзьями.

— Доктор просил моей руки, а отец отказал ему.

— Думаете, Уилксу этого хватило, чтобы выпустить на свободу опасного маньяка? А я-то считал, что вы, Эллен, хотите поговорить со мной серьезно!

Она бросила на меня испепеляющий взгляд.

— Все понятно: раз тут нет политики, вам все до лампочки. Глупо было даже надеяться на вашу помощь.

Я пожал плечами.

— Неужели вы рассчитывали, что я приму всерьез подобные аргументы?

— Но, уверяю вас, он — безумен!

— Я так не считаю.

— Жаль, что вы не видели Уилкса после разговора с отцом! В тот вечер он катал меня на машине и пытался уговорить выйти за него замуж. Потом мы вернулись домой. Папа еще не лег, он только что проводил Джонаса Хэтфилда. Уилкс предупредил меня, что хочет поговорить с папой о нашем предполагаемом браке — он не сомневался, что рано или поздно я сдамся. Я поднялась к себе. Сначала ничего не было слышно, потом до меня донеслись довольно громкие голоса, но я не стала прислушиваться — мнение отца о планах доктора меня нисколько не интересовало. Вдруг папа воскликнул: «Да услышит меня Господь и да простит!» Больше я ничего не могла разобрать. Через некоторое время доктор Уилкс выскок из библиотеки и начал нервно мерить шагами холл. Я тихонько прокралась на лестницу — в темноте он не мог меня заметить. Меня поразило выражение его лица. Вы знаете, обычно Уилкс — крайне сдержан. Так вот, никогда еще я не видела более страшной гримасы: здесь были и ярость, и страх, и какое-то жуткое отчаяние. Опустив плечи, он то потерянно бродил взад-вперед, то вдруг поднимал голову, сжимал кулаки, и глаза его метали молнии. Этот кошмар продолжался минут пять. Неожиданно доктор замер, посмотрел на часы и опрометью бросился прочь. — Эллен умолкла, с трудом переводя дыхание. Казалось, она вновь переживает ту тягостную сцену.

— И как, по-вашему, что это значит?

Девушка ответила вопросом на вопрос:

— Разве нормальные люди так себя ведут?

— Ну, что тут ненормального? Нельзя судить о человеке, не зная причин его поступков. Если я испачкал лицо, то умываюсь. Это нормально. Но если я с остервенением тру совершенно чистую кожу — тут уже попахивает сумасшествием. Вы меня понимаете? А я не знаю, что заставило доктора Уилкса вести себя так в тот вечер.

— Я вам рассказала все, что произошло.

— Это только ваши собственные предположения.

— Но я же говорила с отцом на следующий день!

— А почему он воспротивился этому браку?

— Считал, что Уилкс слишком стар и охотится лишь за нашими деньгами.

— Это не объясняет странного поведения доктора. Послушать вас — он вдруг почувствовал какую-то опасность. Когда вы увиделись снова?

— В воскресенье вечером. Мы сидели на террасе, а отец в библиотеке беседовал с Хэтфилдом. Уилкс сделал вид, будто занят исключительно мной, но на самом деле прислушивался к их разговору — даже несколько раз придвигал стул поближе к открытому окну.

Мы долго молчали. Потом я осторожно спросил Эллен, не хочет ли она рассказать мне что-нибудь еще, но девушка без конца возвращалась к опасному помешательству Уилкса. Меня же заинтересовало только одно: почему, посмотрев на часы, доктор так поспешно покинул дом судьи?

Мы вернулись в город в начале пятого. Эллен высадила меня из машины, и я пошел к Лаудербеку. Мэджи все еще разгуливал на свободе. Капитан с тревогой ждал приближения ночи.

— Как бы на нас не свалилось еще одно убийство!

— А чем, кстати, зарезали судью? В самом деле скальпелем?

— Да, доктор Рейнольдс подтвердил это после вскрытия.

— Надеюсь, в таком случае, вы уже знаете, каким образом Мэджи раздобыл скальпель?

Лаудербек пожал плечами и выразительно посмотрел на меня.

— Естественно. Я только что из Грейстоуна, от доктора Уилкса. Он показал мне, откуда Мэджи взял скальпель. Помните подвал, в который мы спустились из круглого дворика? Справа по коридору есть дверь, которая никогда не запирается. Там что-то вроде склада, и, кроме всего прочего, есть шкаф с хирургическими инструментами, где Мэджи и нашел все, что ему требовалось.

Я закусил губу и прижался лбом к стеклу, задумчиво глядя на улицу.

«Вот и все! Не будь Эллен, я поручил бы дело об убийстве судьи Робинсона одному из начинающих репортеров. Но все-таки какого черта Уилкс в тот вечер посмотрел на часы и тут же удрал?»

Повернувшись, я увидел сияющую физиономию Лаудербека.

— Чего это вы так веселитесь?

— Уж больно вы огорчены, что к Уилксу не придерешься ни с какой стороны!

— Да, там все так хорошо, что даже не верится. Ладно, я еще загляну.

— Зачем?

— А посмотреть, вы поймали Мэджи, или это он выпустил вам кишки!

Я вывел из гаража машину и через пятнадцать минут был уже в Грейстоуне. Получив мою визитную карточку, доктор Уилкс сразу же вышел из кабинета.

Глава 3

Я начал с извинений, что накануне обманом проник в лечебницу вслед за Лаудербеком, который, впрочем, забыл меня представить. Журналистское ремесло порой требует изрядной доли бесцеремонности — иначе не узнаешь ничего интересного.

— Ничего страшного, мистер Спенс. Полковник Райс, конечно, очень расстроился, но я вас прекрасно понимаю и готов считать это невинным розыгрышем.

— Надеюсь, я ни в чем не погрешил против истины?

— Ну, что вы, ничуть! Я даже не ожидал такой объективности. Ваша «Гэзет» не всегда была справедлива к Грейстоуну...

Я было собрался вернуть что-нибудь подипломатичнее, как вдруг в кабинете появился один из врачей, которых я видел здесь накануне. Уилкс представил нас друг другу. Доктора звали Хейли. Мы обменялись рукопожатием, и врач, коротко поговорив с директором, вышел.

— Доктор, я хотел попросить у вас разрешения опубликовать в нашем воскресном приложении серию статей о шестнадцатом блоке, или «Клетке», как ее тут называют.

Уилкс пристально посмотрел на меня.

— Лично я не возражаю.

— Благодарю и надеюсь в ближайшее время побывать там еще раз. Может, узнаю что-нибудь интересное о двух других обитателях.

— Пожалуйста, хоть сейчас.

Мы вновь миновали пятнадцатый блок, затем перегородку и остановились возле первой стальной двери. Я обернулся и толкнул перегородку, якобы разглядывая коридор, а сам тем временем бросил взгляд на стену возле двери. Так я и думал: свет в шестнадцатом блоке включается именно здесь. Я не был уверен, что рубильник снаружи, и решил проверить себя.

— Сожалею, что не могу впустить вас сразу, — сказал Уилкс, — обход начнется через полчаса, а у меня нет ключа...

— Я и не собирался идти туда сегодня. Если позволите, зайду на днях.

Мы вернулись в коридор, а потом в холл. Доктор вежливо проводил меня до машины и долго смотрел вслед.

Наконец-то, я обнаружил сбой в безупречных доселе объяснениях Уилкса, и сердце учащенно забилося от внезапно вспыхнувшей надежды.

Накануне директор клиники заявил, что во время девятичасового обхода Кеннеди полагалось осмотреть камеры шестнадцатого блока и выключить на ночь свет. В полночь Корниш пользовался фонарем — стало быть, свет не горел. Тогда почему Кеннеди выключил свет в начале обхода, если ему предстояло вернуться тем же путем? Где логика? По идее, он должен был опустить рубильник уходя. А ведь бедняга так и остался в «Клетке»...

Подъезжая к перекрестку, я заметил на остановке пригородного автобуса доктора Хейли.

— Вас подвезти?

— Мне только до газетного киоска, — сказал он, усаживаясь рядом. — Я вообще хотел прогуляться пешком, но уж больно жарко.

Нужный доктору квартал находился всего в двух милях отсюда. Я нарочно не спешил, надеясь вытянуть из него что-нибудь стоящее. Сообразив, что Хейли не признал во мне одного из вчерашних полицейских, я не преминул воспользоваться тем, что он считает меня лишь директорским приятелем.

Открытый взгляд и то, как свободно доктор распространялся о злосчастном побеге Мэджи, явно свидетельствовали, что шеф не давал никаких указаний помалкивать. Но, при всей болтливости Хейли, за пять минут немного узнаешь.

— Досадно все же, что вам не удалось спасти беднягу Кеннеди, — сказал я, когда до ближайших домов оставалось не более сотни ярдов. — Но я слышал, трепанации вообще редко удаются.

— Трепанации? — удивленно переспросил он.

— Я не шибко силен в ваших названиях. Но, по-моему, когда разбита голова, делают что-то вроде трепанации.

— Да, это так. Но у Кеннеди травма головы была не так опасна, как потеря крови. Ему же перерезали сонную артерию.

— Это где-то на шее?

— Да. Мэджи полоснул скальпелем по горлу.

— Понятно. Значит, когда Кеннеди нашли, он был уже безнадежен?

Я притормозил у киоска.

— Может, вас подождать и отвезти обратно?

— Нет, спасибо, — поблагодарил врач. — Я с удовольствием прогуляюсь.

Через несколько секунд я уже мчался в сторону Мидленда. Время потрачено не зря. Но сегодня больше не хотелось думать ни о Мэджи, Робинсоне, Уилксе, Джонасе Хэтфилде и его подружке из отеля «Мэдисон», ни о шестнадцатом блоке и перерезанном горле Кеннеди, о котором почему-то не удосужился упомянуть доктор Уилкс, я даже не желал ломать голову над тем, почему доктор вдруг резко посмотрел на часы в тот вечер у Эллен. Все это я оставляю на завтра.

Окна моего кабинета выходят на улицу, по которой сейчас медленно тянулся похоронный кортеж судьи Робинсона. За гробом следовала бесконечная вереница черных лимузинов.

Я уже собирался покинуть наблюдательный пост, как вдруг заметил в толпе зевак на противоположном тротуаре Джонаса Хэтфилда. Его широкополая фетровая шляпа резко бросалась в глаза на фоне соломенных канотье. Рядом с ним стояла какая-то женщина. Время от времени Хэтфилд наклонялся и что-то говорил ей. Я мигом выкатился на улицу, но с досадой обнаружил, что придется подождать, пока проедет кортеж.

Евангелист и его спутница неторопливо двинулись по тротуару. Она оказалась значительно моложе, чем я думал: лет тридцати с хвостиком, приятной наружности, живая и бойкая. Короче, одна из тех легкомысленных простушек, с кем нетрудно завести разговор. Осторожно следуя за ними, я услышал голос Хэтфилда.

— Я обедаю с адвокатом. А вы куда? Обратно в отель?

— Да. Так я жду вас к ужину?

Они попрощались, и молодая женщина свернула к Сидер-стрит. Я тут же поспешил в редакцию.

Полистав подшивку «Гэзет», быстро нашел объявление евангелиста. Самые последние из них заканчивались фразой: «Мистер Хэтфилд выступает в сопровождении мисс Хэрриет Бентли, сопрано».

Я достал из ящика стола бутылку виски, сунул ее в карман и через пять минут уже входил в холл отеля «Мэдисон». Набрал номер мисс Бентли, я представился и попросил о встрече.

— Конечно, мистер Спенс. Вы можете подняться минут через пять? — В ее голосе звучала едва сдерживаемая радость.

Я вошел в номер, состоящий из гостиной и спальни, и сразу понял, что эти пять минут молодая женщина провела не без пользы: она успела напудриться, подкрасить губы и причесаться. Видимо, евангелист рассказал о нашей встрече, однако мисс Бентли явно не испытывала ко мне недоверия.

— Я так давно мечтала познакомиться с вами, мистер Спенс! А знаете, я родилась здесь, в Мидленде. — И она тут же призналась, что всегда с величайшим азартом следила за успехами нашей футбольной команды. Мисс Бентли помнила даты, результаты матчей, имена игроков, давно улетучившиеся из моей памяти. По ее мнению, нынешние команды «и в подметки не годятся той прежней могучей дружине, которую выводил на поле Джерри Спенс».

— Нечасто встретишь среди женщин такого знатока!

За целый час я так и не успел даже заикнуться о цели своего визита, а потому пригласил ее пообедать. Мисс Бентли с удовольствием согласилась и предложила заказать обед в номер.

В четыре часа я откланялся и ушел, весьма удовлетворенный. Мисс Бентли не пришлось тянуть за язык, и я выяснил все, что хотел.

Войдя в кабинет, я нашел на столе записку, что звонила Эллен Робинсон, и набрал ее номер. Эллен предложила поужинать вместе, сказав, что будет одна, и мы сможем поговорить.

— Невозможно — я немного пьян.

— А не рано?

— Так вышло. Я не мог поступить по-другому.

— Однако по голосу не скажешь, что вы не в себе.

— Да нет, все нормально, просто я хотел вас предупредить.

— Тогда я жду.

— Хорошо, в семь буду. Мне тоже есть что порассказать.

Майлс накрыл на террасе под навесом. Поужинав, мы усадились в кресла друг напротив друга. Солнце медленно опускалось за горизонт. Мы немного помолчали, выжидая удобного момента начать серьезный разговор.

— Что вы хотели мне рассказать? — наконец, спросила Эллен.

— Может, отложим до завтра? Сегодня вы слишком устали.

— Вы обдумали мои слова?

Я ответил не сразу — очень уж не хотелось причинять ей боль.

— Я выяснил... насчет Хэтфилда и вашего отца. Хотите знать, что?

— Разумеется.

— Дело в том, что это не очень украшает вашего отца, Эллен.

— Говорите.

На мгновение я замялся, подбирая слова.

— Хэтфилд приехал в Мидленд в апреле. Он раскинул шатер, собрал приверженцев и уже объявил о предстоящих проповедях, как вдруг сопровождавшая его женщина (она играла на клавесине и пела священные гимны) внезапно куда-то уехала. Хэтфилд не музыкант — у него вообще нет слуха. Евангелист обратился в агентство, и ему прислали замену — Хэрриет Бентли. За два часа он обратил ее в свою веру. Гимны мисс Бентли знала, оставалось лишь освоить тонкости ремесла. Хэтфилд обещал помощнице третью часть доходов, и у нее хватило ума потребовать письменное обязательство.

Уже на первые проповеди пришло множество народу, но сборы несколько разочаровали мисс Бентли. Однако Хэтфилд — не дурак. Он живо объяснил, что ему всегда удавалось завлечь одного-двух богатеев и немного порастрясти их кошельки.

Как-то вечером на одно из этих сборищ зашел ваш отец и присел в глубине шатра. Как он туда попал — неизвестно.

— А я знаю. Это случилось в понедельник. Папе весь день нездоровилось. К вечеру он окончательно извелся и попросил Майлса отвезти его на машине в Роуздейл. Он вышел у кладбища, где похоронена мама, пробыл там примерно полчаса, а потом сказал Майлсу: «Скоро я встречу с ней». На обратном пути они увидели шатер Хэтфилда. Там пели псалом «К новым берегам». Папа остановил машину и, приказав Майлсу подождать, вошел в шатер. Шофер ждал больше двух часов. Когда отец вышел, его трясло, и он казался измученным. По дороге домой Майлс то и дело слышал, как отец, всхлипывая, бормотал: «Да простит меня Бог!» — Эллиен умолкла. На последних словах ее голос сорвался. Но после долгой паузы она продолжила: — Джерри, я готова ко всему, но не могу оставить мысль, что его страх и жажда искупления не имеют под собой реальной почвы. Папа лишь воображал, будто в чем-то виноват.

— Возможно. Я не знаю его тайных побуждений. Мне известно лишь, что случилось в шатре. Хэтфилд проповедовал, то есть грозил слушателям, что они будут жариться в аду, если сию секунду не обратятся к Господу. Вы знаете, как это делается. Обращенные в приливе раскаяния поднимаются на сцену и начинают молиться и каяться во всех смертных грехах. Хэрриет Бентли как раз встречала тех, кто жаждал преклонить колени. Она сразу узнала вашего отца. Пока он бил себя в грудь, женщина успела нацарапать Хэтфилду записку: «Обратите внимание. Старик в рединготе — судья Робинсон, очень богатый и влиятельный человек».

Эллиен приглушенно вскрикнула.

— Хэтфилд тут же принялся за вашего отца. Так все и началось. А потом судья стал ходить туда каждый вечер.

— Пока Хэтфилд не перебрался к нам?

— Да. Проповеди прекратились в середине мая. Однако евангелист и не думал уезжать из Мидленда. Ваш отец дал ему денег. Хэрриет Бентли потребовала свою долю. С тех пор Хэтфилд не раз пытался отделаться от нее. Они терпеть не могут друг друга, но ни за что не расстанутся, пока перед носом маячит хоть один доллар.

— Неужели они посмеют требовать деньги, которые папа завещал Хэтфилду?

— Да, и не только это.

— Что вы имеете в виду?

— Сам еще не знаю. Кажется, эти пройдохи считают, что нашли способ вытянуть еще больше.

— Из меня?

— И из вас, и из вашего дяди. Хэрриет Бентли сама призналась мне в этом. Она точно не знает, какие у Хэтфилда козыри, но, во всяком случае, убеждена, что ваш отец не напрасно мучился угрызениями совести.

— Да что они могут знать? Папа был просто не способен поступить против чести.

— Вы уверены?

Она вздрогнула, как от пощечины.

— А вы считаете, что он мог совершить бесчестный поступок?

— Простите, Эллиен, но вы сами хотели...

— Отказаться?

— Да, я готов забыть об этом.

— И вы бы пошли на это ради меня?

— Конечно.

Она сжала мою руку и дрожащим голосом проговорила:

— Джерри, вы не можете бросить это дело.

— Почему? Полиции ничего не известно. Все слишком заняты Мэджи. А ваш дядя сумеет разобраться с Хэтфилдом. В крайнем случае, купит его, и честь Робинсонов будет спасена.

— Нет, Джерри, я хочу, чтобы доктор Уилкс дорого заплатил за убийство моего отца.

Я вернулся к столу и зажег лампу. Потом обнял Эллиен за плечи.

— Вот что я вам скажу. Если буду продолжать это дело, то уже не остановлюсь. А к чему мы придем — один Бог знает. Уилкс, конечно, заплатит, но не исключено, что и вам это дорого обойдется. Вам или вашей семье. Ясно?

— Да.

— Подумайте, Эллиен, это очень серьезно. Ваш отец погиб, потому что знал какую-то страшную тайну.

— Он вообще слишком много знал об Уилксе. Со вчерашнего дня я не перестаю думать об этом.

Поэтому отец и не соглашался на наш брак, и Уилкс решил отделаться от него.

— Согласен, и все это придется раскапывать. Но поймите, Эллиен: то, что знал ваш отец, компрометировало не только Уилкса, но и его самого. Отсюда и угрызения совести. Поэтому судья стал такой легкой добычей для Хэтфилда: жить оставалось недолго, а смерти он боялся.

— Если отец и сделал ошибку, то уже заплатил. Теперь — очередь других.

— Пусть так.

На следующий день мне пришлось уехать из Мидленда — важное дело требовало моего присутствия в Чикаго. Вернулся я через неделю. Тем временем, убийство судьи настолько заполонило газетные полосы, что не хватало места даже для внешней политики.

«Город охвачен ужасом — Мясник Мэджи все еще на свободе». «Завещание судьи Робинсона признано законным. Назревает процесс». «Мясник Мэджи сеет ужас в предместьях». «Мэджи еще не арестован. Предупреждение полиции».

— Если до конца недели я не отправлю Мэджи за решетку, дело примет очень скверный оборот. Кого тогда все будут обвинять? Конечно, Лаудербека! — угрюмо проговорил капитан, поздоровавшись со мной.

— Я вас поддержу, старина. Распишу, что только ваша бдительность и заставляет Мэджи запрятаться поглубже.

— Сегодня ночью нам позвонили из автомата в аптеке Маккинли, и я поехал сам, потому что звонивший заявил, будто не только видел Мэджи, но маньяк даже погнался за ним. Мы приехали в аптеку. Тот парень ждал нас вместе с женой. Выяснилось, что он видел Мясника милях в четырех отсюда, на дороге возле своей фермы. Мы тщательно, но, увы, безрезультатно прочесали всю округу, потом я проводил обоих домой и оставил охрану. Уверен, этот парень и в самом деле видел Мэджи.

— С чего вы взяли?

— Фермер лег спать, но около полуночи вдруг проснулся и вспомнил, что оставил машину на обочине. Решив загнать ее в гараж, он вышел, сел за руль и зажег фары. Тут-то он и заметил, что по дороге приближается Мэджи.

— А почему он решил, что это Мясник?

— Парень очень точно все описал: походку, характерное размахивание руками, большой молоток.

Кроме того, одет он был в форму и фуражку с кожаным козырьком — как раз то, что снял с Кеннеди. Внезапно оказавшись в свете фар, Мэджи замер и прыгнул в кювет. Фермер пулей вылетел из машины и помчался домой. Оружия в доме не было, он разбудил жену, и оба решили бежать. Благо, мотор работал. В считанные секунды парень развернул машину и рванул в город. Обернувшись, жена увидела, что Мясник бежит следом.

Я оставил там трех своих людей. А то, как бы Мэджи не прикончил беднягу...

Наконец город вздохнул спокойно. Специальный выпуск «Гэзет» оповестил читателей о смерти Мэджи. «Маньяк-убийца Мясник Мэджи, сбежавший из Грейстоуна девять дней назад, убит сегодня вечером в окрестностях Хенли-Хайтс недалеко от того места, где был захвачен полицией шесть лет назад.

Ноэль Ленахан, тридцатидевятилетний безработный каменщик, положил конец кровавой карьере Мясника Мэджи, разрядив в него оба ствола своего охотничьего ружья. Бродя по лесистым холмам в надежде подстрелить кролика на ужин (безработным тоже надо кормить семью!), он вдруг увидел Мясника Мэджи. Опасный преступник скрывался в заброшенном сарае...

«Сначала я хотел позвать полицию, — заявил Ленахан репортерам «Гэзет», — но испугался, что, пока меня не будет, маньяк может скрыться. Я спрятался в кустах возле двери и стал его поджидать. Как только Мясник показался на пороге, я и шарахнул с обоих стволов. Ну, а с шести шагов...»

На Мэджи все еще была форма и фуражка Говарда Кеннеди, охранника, убитого им во время побега из Грейстоуна. Полиция обнаружила похищенные в лечебнице молоток и скальпель, а также спрятанную в сарае связку ключей Кеннеди. Оба выстрела попали в цель: первый ранил Мэджи в левый бок, раздробив руку и плечо, второй пробил брюшную полость. Смерть наступила мгновенно».

Читая газетный заголовок, я мысленно представил себе другой: «Выстрел Ленахана вдребезги разбивает хитроумную теорию Джерри Спенса».

Я никак не мог прийти в себя, с тех пор как узнал о смерти Мясника Мэджи. То же самое, наверное, испытывает человек, много дней подбиривший по цвету части головоломки, и вдруг с изумлением обнаруживший, что кто-то сбросил всю его работу на пол.

Это не значит, что я уже нашел решение задачи, но моя версия позволяла связать несколько узелков и давала надежду, что, в конце концов, удастся справиться с остальными. А сейчас в руках остался лишь моток перепутанных нитей, и я совершенно не представлял, что с ними делать. Кому еще я мог рассказать об этом, как не Эллиен? Лишь она одна все поймет. Без сомнения, только мы продолжали считать убийство судьи Робинсона загадочным.

Теперь, когда город избавился от страха перед Мэджи, внимание обывателей не замедлит переключиться на менее кровавую тему: тяжбу Хэтфилда с наследниками судьи. Что до Лаудербека, то он наверняка вздохнул с облегчением и уж постарается отоспаться за девять бессонных ночей.

Об этом я и размышлял, гуляя по аллеям сада за домом Эллиен. Когда я приехал, ее не оказалось дома. Но мне нужно было обязательно ее дождаться.

Наконец, на аллее показалась машина Эллиен, и я поспешил навстречу девушке.

— Вы чем-то озабочены, Джерри? Что-нибудь не так?

— Да все!

— Пойдемте, вы мне сейчас расскажете.

Мы устроились на террасе.

— Смерть Мэджи совершенно выбила меня из колеи!

— Почему?

— Я выстроил превосходную версию. Все сходилось. Увы! Выстрел каменщика не только убил Мэджи, но и разрушил все мои надежды.

— Не понимаю.

— Я считал, что Мэджи давно мертв.

Вернувшись в редакцию часам к четырем, я застал в приемной Хэтфилда и пригласил его в кабинет.

— Я хотел бы поговорить с вами, мистер Спенс, — заявил он с порога.

— Слушаю вас, мистер Хэтфилд.

Он наклонился ко мне, опираясь руками на край стола.

— Меня преследуют, а к кому обратиться за помощью — не знаю. Пошел было в полицию, но это пустая трата времени. Они уверяют, будто я ошибаюсь или преувеличиваю. Я просил разрешения на оружие — отказали. Им нужны доказательства, что мне угрожают. Что же делать? Никаких писем с угрозами я не получал...

— А кто вас преследует?

— Я... я не знаю. Все это так странно! То на улице ко мне подходит человек и шепчет: «Убирайся, откуда приехал!» То другой поджидает у входа в отель. Он может заговорить или не заговорить со мной, но во всем его облике сквозит угроза. Иногда их бывает трое или четверо, в синей машине. Когда я иду по тротуару, они тормозят рядом, словно собираются напасть. А сами только смотрят. Но стоит мне отойти чуть подальше, все начинается сначала. — Хэтфилд провел рукой по пересохшим губам. — Я хочу, чтобы меня защитили, а полиция отказывается даже слушать. Так к кому же мне обратиться, мистер Спенс?

— Не знаю.

— Но должен же быть какой-то выход? А представители закона отказывают мне в защите!

— Когда открыто выступаешь против Эндрю Робинсона, на закон рассчитывать не приходится. Разве он не обещал выгнать вас из города?

— Этому не бывать!

— Дело ваше! Вы пришли за советом — я откровенно ответил.

— А я-то думал, вы сможете написать об этом. Если бы «Гэзет»...

— Исключено. Мы не называем имен, не имея достаточных доказательств. К тому же вам бы это не помогло: читателей не интересует ваша особа. Вы имеете дело с Эндрю Робинсоном. Не забывайте, в Мидленде его прозвали Большим Боссом. Это Робинсон решает, кому представлять нас в Сенате, а кому быть губернатором или мэром. И от него же зависит, останется ли Джонас Хэтфилд в Мидленде требовать у Робинсона пятьдесят тысяч долларов... а то и больше.

— Он не сможет заставить меня уехать!

— Восхищаюсь вашим упрямством, но предупреждаю: вас ждут тяжелые испытания. Если вы что-нибудь знаете о судьбе, то почему бы вам не продать этот секрет его брату? Тот охотно заплатит, лишь бы избавиться от вас. Правда, он может посчитать, что семейную тайну лучше похоронить вместе с тем, кто ее выведет. Надеюсь, вы меня поняли?

Хэтфилда передернуло.

— Эндрю Робинсон осмелится меня убить?

— Ну, что вы! Сам Большой Босс и пальцем не шевельнет — теперь вами занимается Джек Керфью.

— Этот гангстер?

— Ничего подобного: бизнесмен. Он контролирует все развлекательные заведения в городе: дансинги, притоны и так далее. Иногда Джек нарушает закон, но во время предвыборной кампании ему цены нет — у него голосуют «за» и колеблющиеся, и даже противники. А еще Керфью прекрасно умеет очистить город от разных нежелательных личностей, даже если одну из них зовут Джонасом Хэтфилдом. — Я немного помолчал, давая ему время обдумать мои слова, потом продолжил: — Если хотите, могу вам кое-что посоветовать. Итак, вам предлагают убраться из Мидленда. Рано или поздно придется подчиниться. Но зачем же уезжать с пустыми руками? Коль вы решили всерьез досадить Робинсонам — уезжайте, спрячьтесь в надежном месте и передайте мне доказательства, которые у вас есть против них. Неопровержимые, разумеется. «Гэзет» готова очень щедро оплатить интересные сведения.

Хэтфилд прищурился.

— Сколько?

— Все зависит от ценности самой информации. А о чем речь?

Хэтфилд довольно долго разглядывал собственные ногти, потом как бы нехотя выдавил:

— У меня еще нет доказательств... неопровержимых, как вы говорите.

— Но что-то вы знаете? Так давайте работать вместе! Мы вам поможем собрать все необходимое.

Евангелист колебался. Вдруг он резко поднял голову и недоверчиво посмотрел на меня.

— Мы всегда ведем честную игру, — попытался я его успокоить.

Хэтфилд встал, подошел к окну и несколько минут смотрел на улицу, не говоря ни слова. Я ждал, с трудом сдерживая нетерпение. Действовать следовало осторожно, не подавая виду, как страстно я хочу узнать его тайну. Вскоре он повернулся и снова подошел к столу.

— Я еще не готов говорить.

— Понимаю. Вы думаете, Робинсоны заплатят больше.

— В любом случае, прежде всего мне нужно найти надежные доказательства. С другой стороны, я твердо намерен получить пятьдесят тысяч долларов по завещанию судьи. Я уже подал в суд и не собираюсь отступать.

— Вы, может быть, и выиграете... если доживете до решения суда.

— Доживу. В крайнем случае, все это время просижу в номере.

— Попробуйте. А где вы остановились?

— В «Савое».

Я одобрительно кивнул.

— Там вам вряд ли что угрожает. Какой этаж?

— Третий.

— Поменяйте номер. Попросите другой, повыше. И позаботьтесь, чтобы окно не выходило на пожарную лестницу. Думаете, я преувеличиваю? Напрасно, это очень серьезно.

— Я, конечно, приму все меры...

— Без этого не обойтись. И еще: наймите частного детектива. Телохранителя. Обратитесь в агентство «Стар» — это наиболее надежное.

Лицо Хэтфилда прояснилось.

— Позвоню туда, как только вернусь в отель.

— Хотите, я позвоню? Через десять минут они пришлют кого-нибудь прямо сюда.

Он протянул мне руку.

— Благодарю, вы очень любезны, но лучше я сам.

Евангелист ушел. Я бы не сказал, что он был храбр, скорее, просто упрям. Ко мне его привели страх и отчаяние. Я так и не выяснил ничего нового, но, по крайней мере, внушил Хэтфилду доверие. А потом, кто знает...

Часов в пять я позвонил в агентство «Стар» — Хэтфилд к ним не обращался.

— Вот идиот! Он мне нужен живым.

В «Савое» ответили, что евангелист еще не вернулся. Тогда я набрал номер Хэрриет Бенгли в «Мэди-сон». Мы не виделись с тех пор, как пообедали вместе. Я объяснил, что уезжал из города, и мисс Бенгли принялась весело щебетать. Однако через пять минут мне все же удалось узнать, что Хэтфилда она сегодня не видела.

После ужина я еще несколько раз звонил в «Савой»: Хэтфилд не вернулся и к девяти. Я помчался к Лаудербеку домой. Услышав звук клаксона, капитан вышел и подсел ко мне.

— Боюсь, с Джонасом Хэтфилдом что-то случилось.

— Было бы неплохо. Этот тип приходил ко мне...

— Да, я знаю. Он просил у вас защиты, а вы отказали.

— Еще бы! Наплел небылиц о каких-то загадочных угрозах — и хоть бы тень доказательств!

— Все понятно: приказ есть приказ.

— На что вы намекаете, Джерри? Не могу же я поставить всю полицию на ноги ради первого попавшегося...

— Ну, разумеется.

— В конце концов, за все платит город, а этот хмырь — вообще не из Мидленда.

— Послушайте, в другое время я бы плюнул на все, но Хэтфилд мне нужен, и я не хочу, чтобы его разобрали на части. А Большой Босс поручил его Джеку Керфью. Вам ведь понятно, что это значит?

— Нет.

— О'кей. В следующий раз отвечу вам так же.

Лаудербек окинул взглядом пустынную улицу.

— Не валийте дурака, Джерри. Вам отлично известно, что я ничего не могу сделать для Хэтфилда.

— Теперь уже нет. К сожалению, слишком поздно. Но постарайтесь хотя бы узнать, что с ним.

— Ладно. При условии, что вы не станете печатать ничего такого...

— По-моему, я вас еще ни разу не подводил!

А наутро я нашел на рабочем столе записку: «Городская больница, палата 35».

Хэрриет Бенгли каждый день сообщала мне о состоянии Хэтфилда. На шестой день больного перевели из городской больницы в клинику «Сент-Люк», и молодой женщине разрешили его повидать. По ее словам, Хэтфилд был совершенно неузнаваем и с трудом выговаривал слова. На десятый день я не выдержал и поехал в клинику сам. Мисс Бенгли не преувеличивала. На Хэтфилда и в самом деле было жалко смотреть. Даже за полторы недели врачам не удалось вернуть его лицу нормальный вид.

Распухшие веки почти не открывались, а бесформенный разбитый рот с трудом ронял редкие, одно-сложные слова. Евангелист лежал в шезлонге. Я осторожно пожал ему руку и сел в кресло рядом.

Медсестра явно не собиралась оставлять нас наедине.

— Как вы себя чувствуете? — спросил я.

— Лучше, — выдохнул Хэтфилд.

Медсестра вышла в ванную, но позаботилась оставить дверь открытой.

— Вы скоро поправитесь. В следующий раз осторожнее переходите улицу.

— Да... я... сам... виноват...

Казалось, Хэтфилд говорит с набитым ртом.

Хэрриет Бентли предупредила меня, что в больнице евангелист заявил, будто попал под машину. Но я-то знал, что ему это объяснение подсказали.

Медсестра вышла из ванной, и я внимательно посмотрел на нее. Эту женщину я уже видел в компании ребят Джека Керфью. Она так и осталась в палате, и мы с Хэтфилдом стали говорить о всяких пустяках. Но взглядом я старался дать ему понять, что еще вернусь.

Минут через десять я покинул палату. Эта сестра дежурила с семи утра до семи вечера. Вернувшись в «Сент-Люк» в девять часов, когда последние посетители как раз уходили домой, я решительно взбежал по лестнице на третий этаж. Путь преградила дежурная, но мне удалось найти убедительный аргумент — пятидесятидолларовая бумажка сделала свое дело.

Хэтфилд уже лежал в постели, и я примостился на краешке. Нужно было торопиться — вряд ли нам дадут больше десяти минут.

— Ваша сиделка — из их банды.

— Тогда мне конец!

Евангелист начал было рассказывать, как на него напали, но я остановил его.

— Знаю. Вас ждали у выхода из редакции.

Хэтфилд вздрогнул и побледнел.

— Меня привезли в какой-то дом и били всю ночь.

— Знаю-знаю, у нас нет времени. Вам наверняка сказали, что это только цветочки...

— Потом меня отвезли в больницу и велели сказать, будто я попал под машину.

— Когда вас выпишут?

— Завтра.

— И что вы собираетесь делать?

Хэтфилд застонал.

— Время идет! — напомнил я. — Надо решаться!

Евангелист испуганно посмотрел на меня.

— Я боюсь. Такого мне больше не выдержать.

— Вполне понятно. Вы, конечно, пообещали забрать иск против Робинсонов?

— Да.

— И уже сделали это?

— Пока нет.

— Завтра утром, прежде чем уехать из клиники, позвоните адвокату. Другого выбора нет. Я вас предупреждал. Вы ведь не хотите умереть, не правда ли?

— Мне уже все равно... но только не так...

— Увы, именно так, если не заберете иск. Не пройдет и двух дней, как вы вернетесь сюда, только на этот раз провалитесь месяц. Это не стоит пятидесяти тысяч долларов... и даже ста. Они спрашивали, что вам известно о судье?

— Нет.

— И не намекали?

— Нет.

— Странно, правда?

— Видимо, Эндрю Робинсон не верит, что я могу что-то о нем знать.

— Скажите честно, а на самом деле?

— Знаю.

Я взял его за руку.

— Расскажите мне. Это будет вашей мезтью, к тому же я хорошо заплачу. Так что вам известно?

Он посмотрел в потолок, словно не зная, на что решиться. В коридоре слышались шаги.

— Скорее! Говорите же!

Хэтфилд перевел взгляд на меня.

— Ну?

— Тут замешана женщина... Ее зовут Оливия Клейтон. Судья...

Он умолк. Дверь распахнулась, и в комнату вбежала сестра.

— Еще пять минут. — умоляюще попросил я.

— Вам нужно уходить!

— Три минуты!

— Старшая сестра знает, что вы здесь, но думает, будто я вас не видела. Она послала меня...

— Хоть минутку!

— Не могу.

Дверь снова распахнулась, вошла старшая сестра и, хмуро посмотрев на меня, процедила:

— Что вы здесь делаете? Посещения разрешены только до девяти часов.

— Я не думал, что уже так поздно. Извините...

— Я никак не предполагала, что он еще здесь, мисс Чейз, — вмешалась дежурная. — И вообще не видела, как он вошел.

— Немедленно уходите! — сухо бросила мне мисс Чейз.

Я взял шляпу с кровати и, нагнувшись к самому уху Хэтфилда, прошептал:

— Завтра утром поезжайте отсюда прямо ко мне домой. Это в Бэкингеме. И не забудьте сначала позвонить адвокату.

На пороге я обернулся — Хэтфилд кивнул. Очевидно, он меня понял.

На следующее утро, уезжая из дому, я предупредил портье:

— Сегодня я жду знакомого — его зовут Хэтфилд. Не знаю точно, когда он приедет. Проводите гостя ко мне и попросите подождать. Хэтфилд — высокий и худой, на прошлой неделе он попал в аварию, и синяки на лице до сих пор не прошли. Так что, узнать его легко.

— Хэтфилд, — медленно повторил портье, стараясь запомнить имя. — Хорошо, сэр.

Вечером Эллен ждала меня к ужину, и я вовсе не собирался отказывать себе в таком удовольствии. К шести часам, когда я заскочил домой переодеться, Хэтфилд еще не приехал. Уходя, я снова объяснил все ночному портье, только что заступившему на дежурство, и попросил позвонить к Эллен, как только приедет мой гость. Возможно, врач решил оставить Хэтфилда в больнице еще на день. Я бы мог сам позвонить в «Сент-Люк», но из осторожности решил не делать этого.

Эллен сразу же сообщила мне, что утром Хэтфилд забрал иск, но для меня это не было новостью.

— Странно, что он так внезапно передумал, — добавила она.

— Хэтфилд, кажется, был нездоров и даже лежал в больнице.

— А что с ним такое?

— Да так... легкое недомогание...

— Ох, Джерри, а это не...

— Угу, ребята Джека Керфью слегка намяли ему бока.

Мы сидели рядом в большом низком гамаке, привязанном к стойкам крыльца. Эллен медленно покачала головой и отвернулась.

— Как можно отдавать такие приказы! — прошептала она.

— Сам нарвался. С жуликами такое часто бывает.

— Какая разница, что он за человек. Все равно так нельзя!

— Не стоит убиваться из-за Хэтфилда. Он уже здоров. А воспоминание о выволочке пойдет ему только на пользу. Давайте о другом, Эллен. Вы не знаете женщину по имени Оливия Клейтон?

Она задумчиво повторила явно незнакомое имя.

— Нет, не знаю. А почему вы спрашиваете?

— Пока это тайна, Эллен. Я попытался выяснить, что тревожило совесть вашего отца. И, кажется, тут замешана женщина, эта самая Оливия Клейтон. Я сам о ней ничего не знаю, но через два-три дня надеюсь разузнать.

— У папы с дядей Эндрю когда-то был компаньон — адвокат по имени Клейтон, Уэсли Клейтон. Их контора называлась «Робинсон и Клейтон».

— Так-так.

— Я мало что помню, просто кое-что слышала. Папа ушел из конторы, когда его выбрали судьей. Лет двадцать семь назад. Хотите, могу уточнить.

— Не надо. Предоставьте это мне.

К крыльцу подъехал автомобиль Эндрю Робинсона. Большой Босс с улыбкой посмотрел на меня.

— Ну, и дела! Джерри Спенс — в гамаке у Робинсонов, да еще на их крыльце!

— И к тому же — с дочкой Робинсона! Что только не творится на белом свете!

Эллен смутилась.

— Дядя шутит, Джерри. Он прекрасно знает, что вы часто навещаете меня.

Но я, по-прежнему саркастически, продолжал:

— Быть может, сэр Эндрю предпочел бы, чтобы я проникал сюда тайком, как в детстве, прячась за кустами.

— Да, вы наловчились действовать исподтишка.

— Не стану спорить. Это все же лучше, чем подстраивать несчастные случаи на дорогах.

Мы пристально смотрели друг другу в глаза, улыбаясь одними губами.

Эллен попыталась разрядить атмосферу, но голос ее звучал напряженно.
 — Дядя Эндрю, ты останешься ужинать? Джерри я уже пригласила.
 — Я бы с удовольствием, но меня ждут в другом месте. Я просто привез бумаги — тебе нужно их подписать. Наш друг Хэтфилд, — добавил он, обращаясь ко мне, — решил отказаться от иска. Весьма разумное решение.

— Эллен успела порадовать меня этой новостью. Не сомневаюсь, что вы обязаны победой только своему поразительному красноречию!

Он молча посмотрел на меня, затем резко повернулся к племяннице.

— Эллен, будь добра, оставь нас с Джерри на минутку.

— Конечно. Кстати, пойду, посмотрю, как там ужин.

Девушка вошла в дом и закрыла за собой дверь. Эндрю Робинсон сел в гамак, и я опустился рядом.

— Вы — стоящий парень, Джерри. Такие мне нужны.

— Благодарю. А на какой предмет?

— Переходите к нам. Будете моим заместителем — первым человеком в городе после меня самого.

Это не ловушка и не попытка подкупить вас. Двадцать пять лет ваш отец пытался свалить меня, можете продолжать еще четверть века — все равно это ничего не изменит.

— Тогда зачем же я вам понадобился?

— Я уже сказал. Вы кажетесь мне стоящим парнем. Но, главное, я вижу, какие чувства вы испытываете к Эллен — отсюда и предложение. Сама она мне ничего не говорила, но я догадываюсь, что и вы ей не безразличны. Неужели вы надеетесь сохранить верность этой... дружбе, оставаясь политическим противником нашей семьи?

— До сих пор мне это удавалось.

— Но так продолжаться не может. Рано или поздно придется выбирать!

— Тогда и наступит время принимать решение.

— Но мои условия уже будут другими.

— Понимаю, и все же отказываюсь.

— Почему? Я вам не нравлюсь?

— Дело не в личных симпатиях, мне не нравятся ваши методы.

— Слишком грубо?

— Да, и дурно пахнет.

— Вся эта чувствительность улечитится, мальчик мой, как только вы научитесь разбираться в политике.

Во всяком случае, я не вижу, чем моя грубая сила хуже вашей привычки всюду пробираться тайком. Пусть этим занимается Лаудербек. Настоящий мужчина идет напролом и всегда готов поработать кулаками...

— Причем желательнее чужими.

— Когда как. Я предупреждал Хэтфилда. У него было время.

— Не думайте, что я испытываю к нему симпатию. Хэтфилд получил по заслугам. Но методы...

Робинсон посмотрел на часы и встал.

— Советую пораскинуть мозгами. Сейчас самое время перейти на нашу сторону. Скоро — выборы.

— Я помню. Но подождем.

Эллен открыла дверь.

— Джерри, вас к телефону.

— До свидания, — сказал Эндрю. — Пока, Эллен, я заеду за бумагами завтра.

Я вошел в дом.

— Это насчет вашего друга мистера Хэтфилда, — раздался в трубке голос портъе. — Он уже у вас.

— Спасибо. Попросите его подождать. — И я повесил трубку.

Сразу после ужина я заторопился домой. Хэтфилд ждал уже больше часа, но я рассчитывал, что от этого он станет только сговорчивее.

— Мистер Хэтфилд еще не ушел? — спросил я у портъе в холле.

— Разумеется, нет, сэр.

Негр-лифтер встретил меня широкой улыбкой.

— Ну, и набрался же ваш друг, мистер Спенс!

— Он был пьян?

— Мертвецки! Его едва тащили трое.

У меня перехватило дыхание. Как только лифт остановился, я бегом бросился к своей двери. В гостиной — пусто.

Хэтфилд лежал у меня на кровати в спальне. Казалось, он спит, но уже с порога я понял, что евангелист не дышит. Покрывало укутывало тело до плеч, руки были скрещены на груди, глаза закрыты.

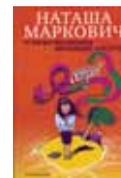
Я сбросил покрывало — одеяло покраснело от крови. К лацкану редингота была приколоты почтовая кватанция. Я снял ее и увидел пулевую рану.

На квитанции печатными буквами был написан мой адрес: «МИСТЕРУ ДЖЕРРИ СПЕНСУ, «БЭКИНГЕМ АПАРТМЕНТС». ДОСТАВКА ОПЛАЧЕНА».

Окончание следует.

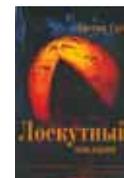
ЧТЕНИЕ

Надежда Панченко
книжный бульвар

Н. Маркович, «Я — необитаемый остров»
 М., Рипол-классик, 2008

Жила-была вполне себе самостоятельная девушка, никого не трогала. Вышла замуж, развелась, открыла свое дело. И вдруг наслучался в ее жизни харизматичный мужчина и убедил ее, что им вместе просто необходимо сделать журнал без тормозов! Героиня ввязывается в авантюру. Конечно же, ее ожидает огромное количество жизненных перипетий, борьба за самоутверждение и попытки научиться быть слабой женщиной рядом с сильным мужчиной. «Женщина — это остров, мужчина — корабль. Женщина должна уметь отпустить его в путь, не задерживать в порту, и только тогда он вернется», — считают и героиня, и писательница. От иных современных сочинительниц городских романов Наталью Маркович отличают мудрость, интеллект и оптимизм, отсутствие пафоса и честность. Поэтому читать забавно и даже познавательно. Это третья книга автора бестселлеров Anticasual и Flutter Натальи Маркович. Интервью с Наташей читайте в октябрьском номере «Смены».

Г. Суси, «Лоскутный мандарин»
 М., Рипол-классик, 2008

В оригинале книга называется The Music-hall roman, и действие ее разворачивается под аккомпанемент музыки и грохота рушащихся зданий — с первой сцены до драматического финального аккорда. Партии действующих лиц и аккомпанемент поначалу кажутся не связанными друг с другом, но к середине повествования обретает ясность и абсурдистскую гармонию. Со второй части от романа уже нельзя оторваться, поскольку желание все-таки разобраться в этом становится самоцелью. Забудьте про Берджесса, Мандарин здесь не фрукт, а имя дважды собственное. Это название и имя главного героя того самого мюзикла, о котором речь — в авторском варианте. Сюжет мюзикла играет роль вставной новеллы, выражая квинтэссенцию романа, что вкупе с некоторыми откровенными сценами вызывает аналогию с «Метаморфозами» Апулея. Любители неожиданных сюжетных поворотов, психологизма и хорошего литературного языка не пожалеют, что взялись за эту книгу.

М. и С. Дяченко, «Vita nostra»
 Эксмо, 2008

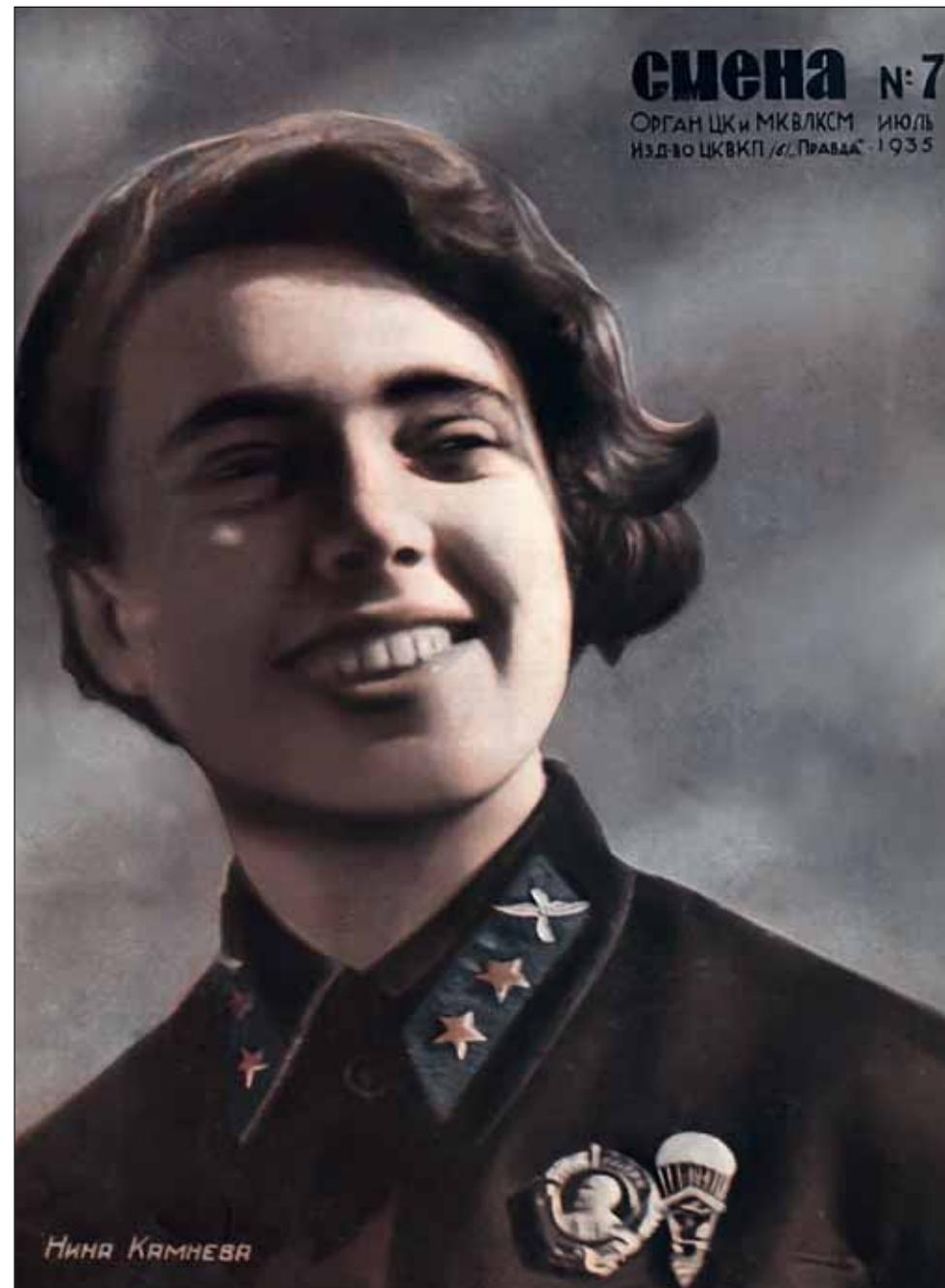
«Я никогда не попрошу от своих студентов ничего невероятного», — утверждает куратор курса в Институте специальных технологий Фарид Кожевников. Просто — обязательный утомительный бег каждое утро, в четыре часа. Проспал? У мамы сердечный приступ. Не сдал сессию? Умерла бабушка. Самый лучший мотиватор — страх, даже не любовь, хотя и любовь — тоже. В этом странном мире стираются все границы, и гротеск становится явью. Но что будет потом, когда все уроки будут выучены, и все экзамены в Институте будут сданы? В кого превратятся вчерашние студенты? История о любви, воле и дружбе, рассказанная Мариной и Сергеем Дяченко, в очередной раз удивила фантазией и сюжетом. Причем не только «Смену», но и прожженно-компетентного Сергея Лукьяненко. «Хорошая книга», — утверждает он в своем ЖЖ, и присуждает «Vita nostra» 10 баллов по литературным достоинствам, необычности сюжета, увлекательности и изображению персонажей.

Ч. Буковски, «Женщины»
 Эксмо, 2008

Он закончил с работой на почте и прочими подсобными трудами. Он зарабатывает на выпивку, квартиру и женщин тем, что пишет об этом. Он не знает, чем можно заниматься еще — разве что ходить на бега? — и оттого тоскует. Это лирик и романтик, воспеваящий жизнь и женщин в натурализме, граничащем с физиологизмом и похабщиной, но все же в них не переходящем. Он просто пытается получше изучить предмет, чтобы лучше о нем писать. «Я должен дегустировать женщин, чтобы вправду их познать. В уме я могу избраться мужчин, но олитературить женщин, не познав — нет», — признается Буковски устами своего героя. Книга, как и другие произведения великого американского бунтаря, до предела автобиографична. У Буковски — хороший язык, у Немцова — хороший перевод. Не слушайте тех, кто утверждает, что Чарльз Б. — похабник. Да, мат, да, описания соитий. Но он не демон — он просто не знает, куда ему идти, он признается в этом с весьма уместной и симпатичной самоиронией.

«Приключения Буратино в стране дураков». Так назывался отрывок из теперь уже бессмертного шедевра, впервые опубликованный в журнале «Смена» № 7, 1935 г.

«Отрывок, который мы помещаем, изображает «Страну дураков», куда хитрая лиса Алиса заманила деревянного человечка. В этой стране много безработных и много полицейских, охраняющих покой «богатеньких и почтенных» граждан. Сыщики арестовывают подозрительных лиц. Свирепые бульдоги-полицейские кричат на голодных и шелудивых жителей: «Проходи, не задерживайся!..»

И в этом же номере: Ю. Нейман — о спектакле «Ромео и Джульетта», А. Кипренский — о Шота Руставели, Артем Веселый и Лев Кассиль дают уроки писательского мастерства молодым авторам, беседа с легендарным Н.Е. Бурденко